ОПИСАНІЕ ВСѢХЪ ОБИТАЮЩИХЪ ВЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ НАРОДОВЪ

Ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, упражненій, забавъ, вѣроисповѣданіи и другихъ достопамятностей.

Твореніе, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ на Нѣмецкомъ языкѣ Іоганна Готтлиба *Георги*, въ переводѣ на Россійскій языкъ весьма во многомъ изправленное и вновь сочиненное;

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

со 100 гравированными изображеніями Народовъ и 8 виньетами.

Иждивеніемъ книгопродавца Ивана Глазунова.

съ позволенія С. Петербургской цензуры.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ, 1799 года.

ОПИСАНІЕ

всѣхъ,

обитающихъ

въ Россійскомъ Государствѣ,

НАРОДОВЪ

и ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, Вѣроисповѣданій и прочихъ достопамятностей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О НАРОДАХЪ

ТАТАРСКАГО ПЛЕМЕНИ

и другихъ не рѣшеннаго еще произхожденія Сѣверныхъ Сибирскихъ.

Иждивеніемъ книгопродавца Ивана Глазунова.

съ позволенія С. Петербургской Цензуры.

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ, 1799 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Описанія Народовъ обитающихъ въ Россіи, описанныхъ во ВТОРОЙ ЧАСТИ, съ показаніемъ, на которой страницѣ о которомъ изъ нихъ писано.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТАТАРСКІЕ НАРОДЫ.

Жительствующія подъ разными именами какъ въ *Россіи*, такъ и внѣ оной *Татарскія поколѣнія называются* иногда *Татарами*, а иногда, да и наибольше, *Турцками*, *Турками* и *Туркоманами*. Оба сіи названія производятъ ихъ бытописатели, а особливо *Абульгази Баядуръ Ханъ*, которому наибольше вѣрить можно, отъ плодороднаго ихъ родоначальника *Турука* или *Турка*, и отъ одного его внука *Татара*, который почитается защитникомъ и отцомъ нѣкоторыхъ знатныхъ ордъ. Съ тѣмъ и съ другимъ именемъ сопрягаетъ пышность ихъ знаменованіе господина и обладателя; *Якуты* же причли *Татара* и въ число своихъ божковъ. — Но какъ они примѣчаютъ, что многіе господствующіе народы не столь высокомѣрно думаютъ о имени Татарскомъ; то иные Татара почитаютъ сіе названіе и оскорбительнымъ. Гордые *Китайцы* называютъ всѣхъ своихъ сосѣдей, въ томъ числѣ *Татаръ* и Монгалъ, въ поруганіе *Татами*, и *Тадсами*, отъ слова Татана, которое значитъ собирать сволочь. У Финскихъ же народовъ называются Татара вообще *Снасами*.

Въ древнихъ *повѣствованіяхъ* смѣшиваются часто Татара съ Монгалами, по тому, что они жили съ ними въ смежности, и бы-

вали иногда ихъ подданными, а иногда союзниками; наипаче же для того, что *Ханъ Чингисъ*, основатель Татарскаго владычества, былъ природный Монгалъ, ходилъ въ первые свои походы съ Монгалами, да и послѣ имѣлъ всегда при войскѣ своемъ Монгалъ: но они со временемъ мало по малу между великимъ множествомъ Татаръ перевелись, и языкъ ихъ пришелъ въ забвенiе. Татара сами утверждаютъ, что родоначальники обоихъ народовъ, *Татаръ* и *Моголъ* были близнецы. Однакожъ оба сiи народы говорятъ совсемъ особливыми языками, и при томъ, въ отношенiи къ большому числу, ни мало лицомъ не похожи. Нѣкоторыя поколѣнiя Татарскiя по наружности кажутся, какъ будто они Монгальской породы, какъ н. п. Кузнецкiе Татара, Якуты и нѣкоторые другiе; но сiе могло и безъ древняго единородства произойти отъ смѣшенiй во время войны; ибо побѣдители обыкновенно понимали себѣ женъ изъ числа побѣжденныхъ, или имѣли съ женами ихъ полюбовное обращенiе.

Татарскiя орды пребывали издревле въ извѣстной по землеописанiямъ *Великой Татарiи*, или въ обширной странѣ между Сибирскими и Индiйскими горами, отъ рѣки Урала до самой Монгалiи, которую теперь занимаетъ отъ части Сооигарiя. Нынѣ же принадлежитъ имъ только въ *Булгарiи*, *Хивѣ*, и другихъ небольшихъ областяхъ Южнозападная часть прежняго ихъ владѣнiя. Въ древнiя времена подчинены они были совокупно съ Монгалами однимъ *Владѣтелемъ*; но послѣ Хана Огусо раздѣлилось ихъ владѣнiе на разныя части. *Ханъ Чингисъ* покорилъ себѣ почти всѣ орды, и завелъ чрезъ то *Татарское Царство*, которымъ онъ, по Христiанскому лѣтосчисленiю съ 1204 по 1229 годъ владѣлъ, и распространилъ завоеванiя свои около Каспiйскаго моря чрезъ Кавказскiя горы до самаго Чернаго моря. —

По кончинѣ Чингисовой раздѣлили по себѣ сыновья его и вельможи завоеванiя, которыя старались они еще и распространить. Изъ числа потомковъ Чингисъ Хана въ половинѣ третьягонадесять столѣтiя преимущественно прославился *Ханъ Батый* своимъ умомъ, мужествомъ, щастiемъ и жестокостiю. Чрезъ соединенiе нѣсколькихъ колѣнъ завелъ онъ при рѣкѣ *Уралѣ*, которую называютъ Татара *Аджикомъ*, а Россiяна Яикомъ, особою орду, называвшуюся у Татаръ *Великою*, а у Россiянъ *Золотою*, покорилъ оною на Волгѣ *Болгарское Царство*, основалъ вмѣсто онаго царства *Казанское и Астраханское*, подвергъ игу своему часть Россiи, и раз-

пространилъ еще и за предѣлы ея въ Польшу и далѣе ужасъ. Въ 1240 году по причинѣ Татарскихъ на Силезїю нападенїй пришли тамошнїе горные заводы въ упадокъ. Послѣ его славенъ былъ наибольше, подъ конецъ четвертагонадесять столѣтїя, *Тамерланъ*, котораго называютъ Татара и *Темиромъ Акгакаломъ* (железнымъ, бѣлобородымъ, или вѣкомъ), по великому множеству Татарскихъ его войскъ, побѣдъ и опустошенїй, которыя распространилъ онъ повсюду, не щадя и самыхъ Татарскихъ ордъ. Южная Сибирїя пришла наипаче въ подданство Киргизской ордѣ. Татара повсюду не токмо покоряли себѣ прежнихъ жителей, но отъ части ихъ и истребляли, или прогоняли изъ хорошихъ странъ въ худыя. Удержанїе и населенїе завоеванныхъ земель подало поводъ къ заведенїю Татарскихъ селенїй; а отъ сего произошло почти всеобщее переселенїе и странствованїе Монгальскихъ и Татарскихъ колѣнъ.

По прошествїи четвертагонадесять столѣтїя начала власть и сила Татарская колебаться. *Золотая орда* изнурилась внутренними безпокойствїями; и хотя чрезъ то *Ногайская орда* усилилась было и распространилась около Чернаго моря: однако Китайцы и Россїяне часто одерживали надъ Татарами побѣды. Около половины шестагонадесять столѣтїя *сокрушилось* напослѣдокъ и въ конецъ отъ *Россїйской* силы превеликое *Татарское Царство*, послѣ чего Царь *Иванъ Васильевичь* присовокупилъ вѣчно къ Россїйской державѣ побѣжденныя Татарскїя царства, *Казанское* и *Астраханское*, первое въ 1552, а другое въ 1554 году; да сверьхъ того исторгъ изъ власти Татарской и Сибирь, гдѣ тогда владѣлъ *Ханъ Кучумъ*.

Нынѣ же почитаются *независящими* ниотъ кого только тѣ орды, кои обитаютъ въ Южнозападной части Великой Татарїи, около Персидскихъ, Индїйскихъ или Монгальскихъ и Соонгарскихъ предѣловъ, а именно; *большая Киргизская орда, Бухарцы, Хивинцы, Каракалпаки, Трухмены, Ташкентцы, Туркостаны* и *Аралы*; Но всѣ нынѣшнїя Татарскїя орды столь малосильны, что одна у другой, или и у разныхъ сосѣдей, смотря по обстоятельствамъ, ищутъ себѣ покровительства и защиты. Прочїя орды подчинены отъ части какъ подданные, а отъ части какъ отдавшїеся подъ покровительство народы, Россїи, Оттоманской Портѣ, Великому Моголу, Китайцамъ, и Персїи, когда не было еще тутъ междоусобныхъ безпокойствїй. Здѣсь служатъ мнѣ предметомъ только тѣ *орды, которыя повинуются Россїйской власти*; и по тому

пусть будетъ объ нихъ собственно сказано слѣдующее.

Въ *Россійскомъ государствѣ имѣютъ Татарскіе народы жилища свои* на Сѣверныхъ берегахъ Чернаго и Каспійскаго моря, въ Таврической области на Сѣверной сторонѣ Кавказскихъ горъ, на обширныхъ степяхъ отъ рѣки Урала, на Востокъ до самой Соонгаріи, на Южной сторонѣ Уральскихъ горъ, въ Сибири на Южныхъ пограничныхъ горахъ и степяхъ, отъ Тобола до самой Енисеи и за оною, и въ пустыняхъ около середины рѣки Лены; да кромѣ того не мало есть разсѣяныхъ Татарскихъ селеній между Россійскими жилищами, а особливо въ Казанской, Оренбургской и Тобольской губерніяхъ. Около рѣки Енисеи есть разные остатки народа, которые по сходственности въ житейскихъ обрядахъ и по другимъ обстоятельствамъ причисляются, но не справедливо, къ Красноярскимъ Татарамъ. Не считая сихъ, которыхъ число и не велико, Татарскій народъ вообще можетъ почесться, по Славянахъ, Россіанахъ, и Полякахъ съ Финами наимноголюднѣйшимъ во всей Россійской державѣ.

Всѣми сими странами вообще, или по крайней мѣрѣ большою половиною оныхъ владѣютъ они съ того времени, какъ Татарское царство процвѣтало; по чему и видны у нихъ вездѣ *примѣты* прежняго его величія. Повсюду почти обрѣтаются около *разоренныхъ городковъ*, которые нынѣ вообще называютъ Россіяне *городищами*, остатки гробницъ и валовъ, также зáмковъ или становъ, съ окопами и безъ оныхъ, и другія древности. Многія достопамятности и теперь еще нарочито цѣлы и знатны. Въ *Касимовѣ* н. п. при рѣкѣ Окѣ Татарская слобода, какъ кажется, была двора Ханскаго станомъ. Между тамошними разоренными древними строеніями находится одна высокая круглая башня, молебная храмина, стѣны бывшаго дворца, и знатная на кладбищѣ гробница, сооруженная изъ дикаго камня и кирпича жженаго. По Арабской надписи видно, что опочиваетъ тутъ съ 962 Гегиры (по нашему лѣтосчисленію съ 1520 года) страны сей Ханъ *Шахалій*. Не подалеку отъ *Кавказскихъ горъ* видны еще и теперь немалые остатки славнаго города *Маджира*. У *Астрахани* находятся развалины древней Астрахани; а выше сего города обрѣтаются на Волгѣ у Царицына на лѣвомъ берегу рѣки таковыя же развалины и валъ обширнаго города. На сей же самой сторонѣ Волги, пониже устья рѣки Камы, есть многіе нарочито еще цѣлые и великолѣпные *остатки* древняго города *Брехимова* или *Болгаръ*, состоящіе изъ

башенъ, молебныхъ храминъ, домовъ и гробницъ; и всѣ сіи строенія взведены изъ дикаго камня и кирпича. Самые древніе надгробные камни лежатъ уже на мѣстѣ долѣ 1100, а новѣйшіе около 400 лѣтъ. Въ сей же странѣ видны при вышедшей изъ Волги рѣчкѣ *Черемшанкѣ* нарочито разоренные уже остатки знатнаго Болгарскаго, а послѣ Татарскаго, города *Булымера*, на мѣстѣ котораго находится теперь городокъ *Билярскъ*. *Казань* имѣетъ въ крѣпости своей такъ же знаки Татарскаго сего имени царства, а именно: высокую и такъ широкую стѣну, что служитъ вмѣсто валу, башня, древній Ханскій дворецъ, и другія строенія, которыя всѣ взведены изъ дикаго камня. Отъ *стариннаго города Казани* обрѣтаются и нынѣ еще не малые валы и надгробные камни выше нынѣшней Казани у рѣчки Казанки. Не подалеку отъ *Уфы* есть Татарскія кладбища, на коихъ видно безчисленное множество надгробныхъ камней, и нѣсколько изъ кирпича складенныхъ гробницъ. У рѣки *Иртыша*, близь *Тобольска*, видны валы Татарскаго столичнаго города *Сибири*; въ *Барабѣ*, при излучинѣ рѣки *Омы*, стоятъ высокіе стѣны *Тонтуры*; въ близи устья рѣки Урала находятся окопы *Сарачика*; умалчивая о многихъ другихъ остаткахъ разоренныхъ городовъ, находящихся въ Сибири, а особливо въ *Киргизской* степи, и о разныхъ знатныхъ гробницахъ.

Татара въ разсужденіи подданства своего Россійской державѣ находятся по главнымъ дѣламъ въ такихъ же обстоятельствахъ, въ какихъ и Финскіе народы. Они *люди вольные*, ни кому не крѣпостные, и пребываютъ спокойно при древнихъ своихъ установленіяхъ и порядкахъ. *Начальниковъ* избираютъ изъ своихъ единоплеменниковъ, и обыкновенно изъ дворянъ, которыхъ составляютъ отъ части *Князки*, выводящіе породу свою обыкновенно въ прямомъ колѣнѣ отъ *Чингиса*, *Батыя* и другихъ славныхъ Татарскихъ владѣльцовъ. Прежде платили они Россійской державѣ столько же подати, сколько взыскивали съ нихъ старинные ихъ Ханы: но послѣ для вящшаго ихъ облегченія оная уравнена и соображена со временами и ихъ промыслами. Всѣ вообще Татара платятъ нынѣ очень малой подушной окладъ; да при томъ еще нѣкоторыя поколѣнья въ замѣну оныго изправляютъ *казацкую службу*; состоящія же только подъ покровительствомъ Россіи орды не платятъ подати и не ходятъ на службу.

О *житіи* ихъ пусть будетъ здѣсь вообще сказано только то, что какъ *кочующіе*, такъ и на *одномъ мѣстѣ живущіе* чрезвычайно

пристрастны къ прародительскимъ своимъ обрядамъ; а по тому и древняя Восточная простота нарочито примѣтна еще и теперь во нравахъ, жилищахъ, пищѣ и сему подобномъ: при чемъ такъ же и соединенная съ симъ бережливость осталась въ своей силѣ; ибо и изъ зажиточныхъ людей никто не разполагаетъ росходовъ своихъ соразмѣрно своему богатству, кольми паче свыше онаго. — Не меньше соблюла силу свою и древняя *Татарская народная пышность*: ибо не только знатнѣйшіе люди превозносятся своею породою, но и во всякой хотя нѣсколько просвѣщенной Татарской головѣ бродятъ величія прежняго Татарскаго царства, а отъ части и желанія къ возстановленію онаго: чему служатъ явнымъ доказательствомъ произходившія нѣсколько разъ кровопролитныя Башкирскія смятенія. Вѣроятно кажется, что сіе обстоятельство есть такъ же не послѣдняя причина и тому, что правительство живущихъ на одномъ мѣстѣ Мугаметанскихъ Татаръ, между которыми довольно есть острыхъ, знающихъ и отважныхъ людей, не производитъ въ должности гражданскихъ судей и воинскихъ начальниковъ. Держащіеся же языческаго суевѣрія Татара, по причинѣ невѣжества своего, едва способны исполнять и то, что имъ приказываютъ.

Всѣ *Татарскія поколѣнія говорятъ Турукскимъ* или *Турецкимъ языкомъ*, которой называютъ они иногда и *Туркостанскимъ*. Мугаметанцы, которымъ преподается въ языкѣ семъ наставленіе, говорятъ и пишутъ наономъ нарочито сходно, употребляя къ тому Арабскія буквы. Молитвы и всѣ вообще до вѣры касающіеся обряды совершаются на *Арабскомъ языкѣ*, хотя его и рѣдкіе разумѣютъ; да и изъ священнослужителей ихъ многіе онаго не знаютъ. Когда пишутъ чистымъ письмомъ, то употребляютъ къ тому очиненный на подобіе пера тростникъ и особливыя чернилы, составленныя изъ пережженнаго проса, копоти и разтворенной въ водѣ камеди. *Языкъ* ихъ словами изобиленъ, мягокъ, и выговоръ онаго не жесткой, но тихой, и какъ будто съ припѣвомъ. У содержащихъ языческой законъ Татаръ нѣтъ ни школъ, ни грамотеевъ; а по тому и языкъ ихъ пришелъ въ великой упадокъ, перемѣшался нарочито съ языками ихъ сосѣдей и разбился на столь разныя нарѣчія, что народы сіи или мало разумѣютъ другихъ Татаръ, или и вовсе словъ ихъ не понимаютъ.

КАЗАНСКІЕ И ОРЕНБУРГСКІЕ ТАТАРА.

Съ того времени, какъ *Царство Казанское* Россійскою силою побѣждено и къ Россійскому государству присовокуплено, разсѣялись многіе Татара въ продолженіе сей войны, а остальные переселились отъ части толпами въ непобѣжденныя тогда еще Татарскія области: по чему и сдѣлано было въ Казанскомъ царствѣ гораздо больше во внутреннихъ устроеніяхъ перемѣнъ, нежели въ прочихъ завоеванныхъ мѣстахъ; и при томъ жилища какъ оставшихся на своихъ земляхъ, такъ и возвратившихся старыхъ обывателей, перемѣшаны съ селеніями Россійскихъ переведенцовъ. Прежняя Казанская Губернія заключала въ себѣ кромѣ Казанской Провинціи также Пермскую, Вятскую, и Пензенскую Провинціи, которыя къ Казанскому царству не принадлежали. Казанскія Татара живутъ не только по всей прежде бывшей Губерніи, но разсѣяны и въ сосѣдственныхъ Намѣстничествахъ, Уфимскомъ, Оренбургскомъ, Воронежскомъ, Калужскомъ и проч; и вездѣ весьма многолюдны. Въ 1779 году въ Казанскомъ, Уфимскомъ, Пензенскомъ, Симбирскомъ и Пермскомъ Намѣстничествахъ считалось Татаръ мужескаго пола Магометанскаго закона 51,044, а крещеныхъ 6686, число разсѣянныхъ по прочимъ Намѣстничествамъ мнѣ не извѣстно; однакожъ думаю, что также не мало. Въ городѣ *Казанѣ* имѣютъ они двѣ знатныя слободы, изъ коихъ въ одной находятся двѣ каменныя молебныя храмины, и оставшіяся отъ прежнихъ еще временъ высокія и круглыя башни; а въ другой построены двѣ же деревянныя молебныя храмины. Всѣ прочіе Татара живутъ по особливымъ деревнямъ, которыя смѣжны отъ части съ Россійскими же, а отъ части и съ Татарскими селеніями.

Въ теченіе Россійскихъ побѣдъ узнали покоренные Татара какъ кротость Россійскаго правленія, такъ и неприкосновенность онаго къ ихъ порядкамъ и вѣрѣ, а по тому и не обращались уже въ бѣгство. При семъ правленіи многіе Казанскіе Татара, съ дозволеніемъ онаго, перешли съ прежнихъ своихъ мѣстъ на жилище въ другія страны, которыя показались имъ привольнѣе: по чему и умножилось число разсѣянныхъ станицъ и селеній сихъ Татаръ въ пограничныхъ съ Казанскою Губерніяхъ, а именно въ Уфимской, Оренбургской, Тобольской, а отъ части такъ же въ Воронежской, и въ нѣкоторыхъ другихъ. Станицы сіи называются больше по тѣмъ

мѣстамъ и рѣкамъ, гдѣ и при которыхъ они живутъ; однако они въ житейскихъ своихъ обрядахъ и въ вѣрѣ сообразны Казанскимъ Татарамъ: по чему и не премину, говоря объ оныхъ, и на сихъ ссылаться.

Оренбургскихъ Казанскихъ Татаръ отнюдь не должно смѣшивать съ перекочевавшими въ сію Губернію ордами, какъ то *Киргизцами* и другими. Первые называются просто *Оренбургскими*, а отъ части и *Уфскими* Татарами. Прямые Оренбургскіе Татара *живутъ* въ Оренбургѣ и по крѣпостямъ Оренбургской линіи при рѣкѣ Уралѣ частію разсѣянно, а частію въ особливыхъ слободахъ, въ собственныхъ деревняхъ и въ городкѣ *Каргалѣ* на рѣкѣ Сакмарѣ, въ 18 верстахъ отъ Оренбурга. Въ семъ мѣстѣ находится *селеніе Казанскихъ Татаръ*, которое завелось въ 1755 году подъ начальствомъ старѣйшины ихъ *Саика*, и въ 1773 году платило уже окладъ за 2190 душъ мужескаго пола. Мѣсто сіе нескудное; въ немъ есть четыре молебныя храмины и не мало нарочито огромныхъ каменныхъ домовъ, которые въ прочемъ въ сихъ странахъ все еще рѣдко попадаются. *Уфскіе городскіе и деревенскіе Татара* суть древніе бѣглецы Казанскіе, и они многолюдны. Въ Оренбургской Исетской провинціи ведется уже съ лишкомъ сто лѣтъ *селеніе*, состоящее изъ нѣсколькихъ деревень, и прозывающееся по *Ичкинскому* ручью. Въ Рязанскомъ Намѣстничествѣ имѣютъ Казанскіе Татара у Касимова особливую слободу; да сверьхъ того какъ въ семъ Намѣстничествѣ, такъ въ *Астраханскомъ* и *Тобольскомъ* живутъ сіи Татара небольшимъ числомъ отъ части между Россіанами, а больше между другими Татарами разсѣянно. Всѣ Оренбургскіе Казанскіе Татара числомъ превозходятъ настоящихъ Казанскихъ; да и прочихъ, въ разсѣяніи живущихъ, наберется не меньше, какъ и Казанскихъ.

Казанскіе Татара вообще получили *названіе* свое отъ главнаго города *Казани;* а она прозвана такъ отъ Татарскаго слова *казанъ, котелъ*, который слугою основателя сего города, *Хана Алтына Бека*, опущенъ ненарочно, когда онъ черпалъ господину своему на умовеніе воду, въ рѣчку называемую нынѣ *Казанкою.* Въ прочемъ они, по собственнымъ ихъ преданіямъ, не особливаго колѣна, но произошли отъ оставшихся тутъ на поселеніи разныхъ поколѣній ратоборцовъ и отъ привлеченныхъ торговлею въ *Казань* иностранцовъ, а особливо Ногайскихъ Татаръ, которые всѣ чрезъ соединеніе свое въ единое общество составили особой народъ.

Видъ и *нравъ* Казанскихъ и вышедшихъ отъ нихъ Татаръ не токмо весьма сходенъ, но и прочимъ порядочно поселившимся Мугаметанскимъ Татарамъ нарочито сообразенъ. Изъ всѣхъ ихъ рѣдко кто бываетъ ростомъ очень великъ; они по большой части худощавы, лицомъ продолговаты, и кажутся здоровы; носъ у нихъ сухощавой, ротъ и глаза малые, но вострые и по большой части черные; волосъ русой, прямой и начинаетъ уже въ среднихъ лѣтахъ сѣдѣть. Сложеніе ихъ вообще не дурное; походка бодрая, а прямое и худощавое тѣло въ соединеніи съ кроткимъ и какъ будто нѣсколько робкимъ взглядомъ, придаютъ имъ милой видъ.

Они честолюбивы, горды, ума не дальнаго, не лѣнивы, но любятъ покоиться, ко всѣмъ ремесламъ способны, по воспитанію и вѣрѣ, которую они содержатъ крѣпко, чистоплотны, трезвы, умѣренны и жалостливы. Весьма рѣдко заключаютъ они писменныя обязательства; а и словесные договоры сохраняютъ твердо и ненарушимо. Отъ сего самаго чрезвычайно рѣдко доходитъ у нихъ дѣло до присяги. Воровъ наказываютъ они пѣнею, безчестіемъ, а иногда и побоями. *Женской* ихъ *полъ* больше здороваго, нежели пригожаго сложенія, и привыкаетъ съ малу къ прилѣжанію, скромности, уединенію и повиновенію.

Казанскіе и другіе на одномъ мѣстѣ живущіе Татара Мугаметанскаго закона великое и похвальное о порядочномъ *воспитаніи дѣтей* имѣютъ попеченіе. Они не только приучаютъ дѣтей къ прилѣжанію, бережливости, и къ другимъ прародительскимъ обыкновеніямъ: но пекутся еще и о наученіи ихъ чтенію, письму, Арабскому языку и вѣрѣ. Небреженіе же о таковомъ наставленіи поставляется родителямъ въ великой грѣхъ: а по тому и во всякой ихъ деревушкѣ есть особливая молебная храмина и школа, такъ же священнослужитель и школьной учитель: но какъ тотъ, такъ и другой не великіе бываютъ Арабскаго языка знатоки; ибо они не рѣдко избираемы бываютъ изъ простолюдимовъ же и должны по большой части сами пріобрѣтать себѣ и пропитаніе. Въ слободахъ и по большимъ деревнямъ есть подобныя симъ и *дѣвичьи школы.* При томъ преподается еще дѣтямъ и нѣкоторое наставленіе и въ собственной ихъ исторіи. Порядочно учрежденныя и содержимыя въ Россійскомъ государствѣ Татарскія школы состоятъ подъ вѣдомствомъ *верьховныхъ Татарскихъ* священнослужителей, называемыхъ Агунами, въ Казанѣ, Тобольскѣ и Астрахани. Многіе Татарскіе мужики, а чаще еще торговые люди, имѣютъ небольшія

собранія письменныхъ повѣствованій, и очень недурное знаніе о произшествіяхъ какъ своихъ собственныхъ, такъ и сосѣдственныхъ владѣній; да сверьхъ того изрядное свѣденіе о своихъ древностяхъ. Которые изъ нихъ желаютъ успѣть преимущественно въ своей богословіи, тѣ посѣщаютъ лучшія въ Бухаріи находящіяся школы.

Счисленіе времени Мугаметанъ, слѣдовательно и Казанскихъ Татаръ обще съ другими, начинается съ Мугаметова побѣгу, который называется у Татаръ Гегирою и Егирою, а по нашему лѣточисленію съ 586 года: (по чему нашъ 1796 годъ есть 1210 ихъ годъ). Новый ихъ годъ начинается съ равноденствія въ Мартѣ мѣсяцѣ. Весь ихъ мѣсяцословъ основанъ на счисленіи и именованіи *лунныхъ теченій*; и по нимъ то все располагается и опредѣляется. По причинѣ обращенія съ сосѣдями имѣютъ они и для нашихъ мѣсяцовъ особыя названія, какъ н. п. Мартъ называютъ они Гаметомъ, Апрѣль Савиромъ, и такъ далѣе. *Недѣля* ихъ начинается съ пятницы, (по Татарски *Діуме*). А въ прочемъ недѣльные ихъ дни такъ же какъ и наши; на прим: Субота *Шимбе*, Воскресеніе *Якшембе*, Понедѣльникъ *Дюшамбе*, и такъ далѣе.

Казанскіе, Оренбургскіе и иные Казанскіе Татара городовые какъ сей, такъ и другихъ губерній, производятъ *торги, промыслы*, а нѣкоторые содержатъ и *рукодѣльныя работы*. По здѣшнему и вообще по Восточному обычаю *торгуютъ* они больше промѣномъ однихъ товаровъ на другіе, рѣдко на наличныя деньги, а векселями и другими симъ подобными письменными обязательствами совсемъ не вѣдаются: по чему какъ при закупкѣ, такъ и продажѣ товаровъ надобно быть или самимъ купцамъ или ихъ повѣреннымъ; и по тому они часто бываютъ по нѣскольку лѣтъ отъ жилищъ своихъ въ отлучкѣ. Такія *путешествія* предпріемлютъ они обществами или *караванами*. Купечество ихъ неважно: но поелику они обществами и повѣренными нарочито оное распространяютъ то иной торгъ бываетъ немалъ, и при скромномъ ихъ житьѣ нажиточенъ. Оренбургскіе, Троицкіе и другіе торги съ Киргизцами, Бухарцами и иными Азіатцами производятъ по большой части наши Казанскіе и иные Татара, а особливо въ *Каргалѣ* живущіе. Въ *Казанѣ* многіе изъ нихъ упражняются въ выдѣлкѣ *юфти* и *козловъ*, и въ гуртовомъ *мыловарномъ дѣлѣ*. Очень многіе *сапожничаютъ*, и шьютъ одну только козловую обувь, которую украшаютъ отъ части и золотыми узорами; нѣкоторые же обращаются въ другихъ ремеслахъ. Они ко всякимъ промысламъ способны: но какъ имъ не много надобно на прожитокъ,

да и прихотей по ихъ состоянію дальнихъ имѣть не могутъ, то мало они о достаткахъ и забошятся.

Въ Казанскихъ и Оренбургскихъ Татарскихъ деревняхъ бываетъ дворовъ отъ 10 до 100. По большой части знаетъ всякая деревня свои произхожденія, а иногда имѣетъ оныя и на письмѣ. Они были подвижные станы стадопасовъ, подобные Болгарскимъ: но какъ со временемъ при умноженіи народа предѣлы ихъ стѣснились, то жители тамошніе мало по малу принялись за *земледѣліество*, которое нынѣ по большой части есть главное ихъ дѣло, и стали жить на одномъ мѣстѣ. Нынѣшніе Татара могутъ назваться *изрядными земледѣльцами*, которые не даютъ пашнямъ своимъ отдыхать, и по тому чаще, нежели Россійскіе крестьяна, оныя удобряютъ. До *пчеловодства* они великіе охотники; и видны между ими повсюду искусные и богатые пчеляки. Всякая почти деревня имѣетъ своихъ *кожевниковъ*, *саложниковъ*, *портныхъ*, *красильщиковъ*, *кузнецовъ*, *плотниковъ*, и другихъ симъ подобныхъ ремесленныхъ людей. Трудолюбивой *деревенской женской* ихъ *полъ* прядетъ и тчетъ собственную шерсть или ленъ и пеньку своего приобрѣтенія. Въ *Уральскомъ городкѣ* ткутъ Татарки изъ некрашенной верблюжьей шерсти нарочито тонкой камлотъ, которой называютъ онѣ на своемъ языкѣ Армякомъ, на стану, подобномъ тому, на какомъ простолюдимы ткутъ у насъ тесму и прочее. Основу навертываютъ онѣ на утвержденную въ скамейку или въ землю палку, и поднимаютъ рычажкомъ то ту, то другую половину нитокъ въ верьхъ или пригнѣтаютъ оную къ низу; на отдѣланной же ткани сидитъ трудящаяся мастерица и тѣмъ замѣняетъ ткальной натяжной шестъ.

Казанскіе и другіе Татара несутъ одинакую съ природными Россійскими подданными тягость, состоящую въ небольшомъ подушномъ окладѣ, въ даваніи нѣкотораго числа рекрутъ, или въ исправленіи вмѣсто того козацкихъ служебъ.

Дворы городскихъ и деревенскихъ Татаръ одинаковы не только въ другомъ чемъ, но и въ самой величинѣ и красѣ. Они всѣ, кромѣ малаго числа каменныхъ, деревянные. Во всякой избѣ есть очагъ и полати, которыхъ ширина занимаетъ третью часть, а иногда и половину избы. У зажиточныхъ людей бываютъ въ избахъ порядочныя, но малыя окна, составленныя изъ стеколъ или слюды; а у бѣдныхъ обтянуты прорубленныя для свѣту отверстія налимовыми шкурами, и окунутыми въ постное масло тряпицами или

бумагами. Жилища скудныхъ людей состоятъ изъ одной только избы, которой дверь вышла на улицу, и по причинѣ плоской кровли представляетъ четвероугольникъ. А какъ изба сія служитъ имъ вмѣстѣ и стряпущею, то обыкновенно бываетъ въ ней заклаленной кирпичами котелъ. Мужичій дворъ состоитъ, кромѣ избы, изъ нѣсколькихъ малыхъ особо построенныхъ чулановъ и хлѣвовъ, которые однакожъ двора кругомъ не загораживаютъ. Россіяне называютъ такія Татарскія хижины *Юртами*; слово же сіе есть Татарское и значитъ просто жилье.

Татарскій *домашній скарбъ* составляютъ по большой части необходимыя только надобности. Небольшое число поваренной, столовой, и чайной посуды, такъ же земледѣльческой и ремесленной снасти, нѣсколько сундуковъ, разосланные на полатяхъ, которые служатъ имъ вмѣсто кроватей, стульевъ и столовъ, ковры, войлоки или цыновки, а иногда и тюфяки: вотъ въ чемъ заключается весь ихъ домашній приборъ; а столы и стулья держатъ только въ городахъ нѣкоторые обращающіеся съ иностранцами Татара.

Всѣ Казанскіе, да и всѣ почти вообще Мугаметанскіе Татара *бреютъ голову*, и оставляютъ хохолъ, да усы. Какъ прямые Казанскіе, такъ и вышедшіе отъ нихъ носятъ рубахи холстинныя, широкія штаны, кожаные чулки (Т. бахилы), а скудные люди лапти, легкіе халаты, долгія Восточныя широкія верьхнія рубахи, у которыхъ рукава съ уживаются, и при томъ дѣлаются иногда съ прорѣхами; подпоясываются же поясомъ или сабельною перепояскою. Голову покрываетъ скуфейка, на которую надѣваютъ они плоскую шапку съ круглымъ на подобіе начиненной кишки околышемъ. Къ поясу привѣшиваютъ ножъ, саблю и табашной приборъ. Нижнее одѣяніе шьютъ скудные изъ холста или китайки, а богатые изъ шелковыхъ или дорогихъ матерій; а верьхнее изъ толстаго и тонкаго сукна, просто и съ оторочкою, а иногда выкладываютъ и позументомъ; скуфейки сплетаютъ изъ волосъ, а иногда и золотомъ вышиваютъ; сабли бываютъ у иныхъ и подъ серебрянымъ окладомъ. —

У всѣхъ народовъ, которые покупаютъ себѣ женъ, ходятъ *бабы нряднѣе*, нежели дѣвки, по тому, что бабій нарядъ приноситъ мужьямъ честь и славу, а дѣвичій при продажѣ въ замужство идетъ ни за что. Весь *бабій нарядъ* подобенъ мужскому въ разсужденіи рубахъ, штановъ, чулковъ, туфлей, такъ же нижняго и верьхняго платья, нарочито; сапоги носятъ онѣ востроносые, и въ

Казанской Татаринъ.
Ein Kasanischer Tattar.
Tattare de Kasan.

Татарка Казанская спереди.
Eine Kasansansche Tatarin vorwärte.
Feme Tattare de Casan par devant.

Татарка казанская сзади.
Eine Kasanische Tatarin rückwærts.
Feme Tattare dē Casan par derriere.

одѣяніи покрой отъ мужскаго нѣсколько отмѣненъ. Богатая Татарка носитъ нижнее платье съ сборами, и вышиваетъ оное на груди, гдѣ оно и застѣгивается. Верьхнее одѣяніе шьется изъ простыхъ шелковыхъ, а иногда и изъ дорогихъ матерій или изъ тонкихъ суконъ, съ бахромками, снурками и золотыми петлицами, просто и съ опорочкою; поясъ же носятъ или шелковой или серебрянымъ наборомъ украшенной. Грудь покрываетъ косынка снизанная изъ корольковъ, или усланная чешуйчато монетами. По большой части носятъ онѣ съ плеча наискось пущенную перевязь, усыпанную корольками, или золотыми, а иногда и одними только серебряными монетами. Шею украшаютъ бисерныя нитки, а уши и пальцы разпещрены кольцами. *Оренбургскія Татарки* перевѣшиваютъ черезъ плечи въ передъ на золотыхъ и серебряныхъ снуркахъ большія кисти, составленныя изъ волоченаго золота и серебра, и изъ душистой гвоздики, на которыхъ опочиваютъ ихъ руки, и которыя разпространяютъ благовоніе. Волосы заплетаютъ онѣ въ двѣ большія косы, и покрываютъ голову шапкою, у которой бываютъ обыкновенно великія ушки, а верьхъ чешуйчато усланъ монетами. Отъ шапки виситъ затылочное украшеніе, шириною въ ладонь, во всемъ Черемискому подобное, до самыхъ икръ. Лобъ покрытъ решетчато низаннымъ жемчугомъ. Когда онѣ бываютъ въ полномъ нарядѣ, то надѣваютъ на оную шапку еще и другую совсемъ плоскую съ околышемъ изъ мягкой рухляди. Дѣвки носятъ вмѣсто бабьей шапки головную повязку, подобную сквозному вѣнцу, и покрытую монетами, бисеромъ или корольками. Волосы заплетаютъ онѣ въ нѣсколько небольшихъ косъ, и разпещряютъ ихъ лентами. Прочее ихъ платье ни чемъ, кромѣ того, что нѣсколько поскромнѣе, отъ бабьяго не отмѣнито.

Простыя жечщины носятъ одѣяніе китайчатое и изъ сукна собственнаго своего рукодѣлья. Голову покрываютъ шапками унизанными бисеромъ, или фатами, которыя висятъ по спинѣ разпростерты, и употребляются богатыми женщинами и повсядневно. Въ лѣтнюю пору ходятъ онѣ какъ *Черемиски* и проч. въ бѣлыхъ или крашеныхъ, по большей части узорчато вышитыхъ и крѣпко подпоясанныхъ рубахахъ.

Въ *лицѣ* и *питьѣ* отличаются правда они нѣсколько отъ своихъ предковъ: однакожъ несравнено меньше, нежели мы отъ своихъ праотцовъ. Съ того времени, какъ стали они упражняться въ землепашествѣ, вошли у нихъ въ употребленіе крупяныя и мушныя

ѣствы такъ, какъ и хлѣбъ. Многіе садятъ въ огородахъ своихъ всякую зелень; а иные довольствуются полевыми растѣніями. Они ѣдятъ прѣсныя въ горячей золѣ печеныя лепешки, которыя называютъ они *Чуреками*; кислой же хлѣбъ и пирожное и у знатныхъ ихъ не вообще въ употребленіи. Кашицы изъ сарачинскаго пшена и клёцки на маслѣ бываютъ у нихъ почти всякой день. Не меньше любятъ они и толокно, которое называютъ *Курмачомъ*. Сія ѣства дѣлается изъ поджареной пшеницы, ржи, ячменю или Турецкой пшеницы, которую они толкутъ, и по томъ или сухое толокно, или разболтавъ и сваря въ водѣ или молокѣ ѣдятъ. *Толканъ* служитъ имъ вмѣсто лакомки, а дѣлается изъ толокна на маслѣ замѣшаннаго.

По Мугаметову завѣту почитаются верблюды, лошади, рогатой скотъ, всякая красная дичь, овцы, козы, зайцы, сурки, полевыя и поющія птицы, куры разныхъ родовъ, и всякія рыбы, несквернымн, когда только не пали и не удавлены: и по тому они пойманную дичь рѣжутъ, и кровь зарываютъ въ землю; однакожъ рѣдко кто сіе наблюдаетъ. *Скверными* же и въ пищу имъ негодными почитаютъ они, слѣдуя Мугаметову же завѣту, всякихъ хищныхъ звѣрей и птицъ, свиней, насѣкомыхъ, червей и такихъ животныхъ, которыя могутъ жить въ водѣ и на сушѣ. А хотя пчелы къ роду червей же причисляются: однакожъ медъ не запрещено имъ ѣсть. Изъ мясъ даютъ они преимущество *конятинѣ*, а изъ мясныхъ ѣствъ такъ называемой *пятипалой* (Т. Бишбармакъ), состоящей изъ изрубленнаго жирнаго и въ мѣлкія частицы разваренпаго мяса, которое голыми руками берутъ и кладутъ въ ротъ; отъ чего ѣства сія и имя свое заимствуетъ: у городскихъ же Татаръ, которые ѣдятъ оную ложками, называется она *Марикомъ*. Всѣ ихъ ѣствы безъ прянаго коренья, и въ самыя лучшія кладутъ много жиру или масла. Молоко хлебаютъ они иногда невареное, а иногда варятъ на немъ кашу, либо подболтываютъ мукою; пахтаютъ такъ же изъ онаго масло и дѣлаютъ сыръ. Въ пути наливаютъ они простоквашу въ мѣшки, изъ коихъ сыворотка вытекаетъ, а творогъ остается имъ на пропитаніе.

Обыкновенное *питье* Казанскихъ и другихъ Татаръ есть вода, которою при томъ и богатые у нихъ люди не гнушаются; такъ же молоко, чай и мясная жижица. Рѣдко бываютъ они заводны лошадьми такъ, чтобы могли довольствоваться ихъ молокомъ. Безъ *сего* трудно имъ пробыть. Они варятъ Китайской чай въ откры-

тыхъ котлахъ съ водою и молокомъ, приправляютъ оной масломъ да солью, и пьютъ его деревянными или фарфоровыми чашками.

Алкоранъ запрещаетъ имъ употреблять крѣпкіе напитки, какъ то виноградное и хлѣбное вино, и пиво: но какъ они такъ же, какъ и всѣ почти народы, любятъ въ удовольствіе свое подпивать, то нѣкоторые преступаютъ и самой сей законъ: прочіе же всѣ пьютъ *медъ*, не почитая того и за грѣхъ. Простой медъ разводятъ они на опарѣ, составляемой изъ крупы, муки и меду сырцу, которую кладутъ они въ теплую сыту, прибавя противъ опары въ семь разъ больше воды. Когда медъ такимъ образомъ устоится, то они сцѣдя оной наливаютъ вновь на гущу простую только сыту: и такъ онъ никогда у нихъ не переводится. Другой медъ, которой называютъ они *Ейраномъ*, составляется изъ меду сырцу, сыворотки и измятыхъ степныхъ вишенъ (*). Есть у нихъ еще и третій медъ, *балбузаномъ* называемой, который чрезвычайно крѣпокъ; а дѣлается оной изъ пивныхъ дрожжей, муки и хмелю. *Табакъ курятъ* оба пола и всякаго возраста люди такъ охотно, что преступаютъ иногда и умѣренность.

Казанскіе и вообще Мугаметанскіе Татара обходятся какъ между собою, такъ и съ чужими людьми весьма вѣжливо. Когда они *здоровкаются*, то подаютъ взаимно обѣ руки и протянувъ кладутъ одну на другую, говоря при томъ: *да будетъ съ тобою миръ!* (Саломъ Маликамъ)! Въ отвѣтъ на такое привѣтствіе тѣ же самыя слова. Изъ учтивости никогда они головы не обнажаютъ: и по тому тогда только снимаютъ шапки, когда боятся, чтобы не столкнуться съ другими.

Рѣдко кто и изъ зажиточныхъ ихъ людей *спитъ* на перинѣ: но большая половина покоится на войлокахъ и коврахъ, которые разстилаютъ на полатяхъ; и какъ не всегда имѣютъ и подголовокъ, то никогда совсемъ не раздѣваются.

Алкоранъ пріучаетъ ихъ наблюдать *чистоту*, которая кажется и непомѣрною. Они должны ежедневно нѣсколько кратъ мыться. А дабы и во время испусканія мочи не оскверниться, то отдаютъ они сей долгъ своему тѣлу, присѣвъ на цыпки; и такъ далѣе.

Обыкновенно *ѣдятъ* они въ день по четыре раза: при чемъ сидятъ на полатяхъ около ѣствъ на цыпкахъ же; какъ передъ ѣдою, такъ и послѣ оной моются и молятся.

(*) Cesarus pumila. Linn.

У зажиточныхъ людей *живетъ* и ѣстъ *женской полъ особливо.* Когда идутъ женщины ихъ по улицѣ, то лицо занавѣшиваютъ, да и дома не кажутся; развѣ мужъ прикажетъ то сдѣлать въ отмѣнную почесть своему гостю. Бѣдные люди и челядинцы не столько дичатся, и ходятъ вездѣ по просту.

Доживших честно до *старости* людей весьма они почитаютъ; и поелику бороды рано у стариковъ сѣдѣютъ, то знающихъ и разумныхъ стариковъ величаютъ *бѣлобородами* (Акча Калъ), приглашаютъ охотно ихъ въ совѣты, и заключаютъ чрезъ нихъ свадебные и другіе договоры; они заступаютъ мѣсто священнослужителей, садятся всегда выше прочихъ, рѣшатъ неважныя распри; и такъ далѣе.

Въ Алкоранѣ явно дозволено имъ содержать *по нѣскольку* женъ, но не свыше четырехъ. Всѣ жены равными пользуются правами, и должны въ разсужденіи мужа наблюдать очередь. При женидьбѣ бываетъ главнымъ ихъ предмѣтомъ хозяйство да любострастіе. Покупка и содержаніе женъ становится имъ дорого; а какъ при томъ многоженство бываетъ обыкновенно причиною домашнихъ несогласій, то больше держатъ они по одной только женѣ, зажиточные же по двѣ; рѣдко кто по три, а и того еще рѣже по четыре. Другую жену тогда обыкновенно берутъ, когда первая устарѣетъ: однакожъ та остается навсегда старшею, а младшая любезнѣйшею; и такъ далѣе. Торговые люди, которые въ разныхъ мѣстахъ производятъ торги и имѣютъ тамъ свои домы, содержатъ и во всякомъ мѣстѣ по одной женѣ. Если же которая ни будь изъ отсутствующихъ женъ вступитъ въ полюбовныя дѣла къ ущербу мужнина имѣнія; то онъ уступаетъ ее милому ея другу, а самъ женится на другой. Я видалъ въ Оренбургѣ одного Хивинца, который продалъ тайно осьмую уже жену, однако по ея согласію, а самъ сговоренъ уже былъ на девятой. У Татаръ вмѣняется то родителямъ въ грѣхъ, когда они долго сыновей своихъ воздерживаютъ отъ женидьбы.

Женихъ выправясь точно, намѣренъ ли такой то человѣкъ выдать за него свою дочь, посылаетъ отъ себя къ нему свата, которой и торгуется съ нимъ о *цѣнѣ невѣсты* (Калымъ) очень крѣпко. Считается же оная по *частямъ*, и состоитъ въ скотѣ, деньгахъ и одѣяніяхъ. Всякому скоту бываетъ при томъ гуртовой перечетъ, и по тому говорятъ, что за такую то невѣсту дано столько то

головъ. Въ Казанскомъ, Оренбургскомъ и прочихъ намѣстничествахъ рѣдко кому достается невѣста дешевлѣе 20 рублей; а иногда, буде считать все на деньги, становится и въ пять сотъ рублей. Приданаго же даютъ за невѣстами отъ четвертой доли до половины противу Калыма.

Сговоръ состоитъ во всенародномъ объявленіи договора: при чемъ Мула читаетъ молитву. Послѣ сего выплачиваетъ женихъ въ разные сроки за невѣсту свою Калымъ; и какъ онъ въ такомъ случаѣ съ милою своею пошучиваетъ, то таковыя свиданія называютъ они *залазушными обысками*.

Свадебные ихъ *обряды* бываютъ нѣсколько отмѣниты; да при томъ зависятъ много и отъ достатковъ. Вообще происходитъ при свадебныхъ случаяхъ слѣдующее. Невѣста должна нѣкоторое мѣсто очистить отъ волоса. У простыхъ людей исправляютъ дѣло сіе на дѣвишникѣ бабы бритвами; знатнѣйшія же употребляютъ къ тому заранѣе особливую *мазь* (Т. Сурахъ), которою и мужья бороды свои для уменьшенія мажутъ, и которая составляется изъ Оперцента и негашеной извести, растворя ихъ на водѣ или на постномъ маслѣ. Сею мазью потираютъ они въ банѣ причинное мѣсто нѣсколько разъ, не съ ряду, но пропуская по немногу времени; а когда волосъ вновь пустится, то опять за мазь принимаются. Нѣкоторые выдергиваютъ волосы, дабы навсегда избавиться отъ частаго и тягостнаго бритья, и съ самымъ корнемъ. Дѣвки, собравшись на дѣвишникъ къ невѣстѣ, у которой лицо бываетъ занавѣшено, оплакиваютъ вмѣстѣ съ нею перемѣну ея состоянія. Въ невѣстиной же пѣснѣ, которую поютъ двое мужчинъ, почитается сія перемѣна желательною. На канунѣ свадьбы относятъ невѣсту въ вечеру, посадя на коверъ въ тотъ домъ, гдѣ быть свадьбѣ; и тутъ то видится она съ новыми своими родственницами.

Весь обрядъ *бракосочетанія* ихъ состоитъ въ томъ, что Мула спрашиваетъ въ слухъ жениха и невѣсту, желаютъ ли они вступить въ супружество; и получа подтвердительной отвѣтъ какъ на сіе, такъ и на то, что договоръ о всемъ уже сдѣланъ, объявляетъ ихъ, читая молитву, сочетавшимися бракомъ. А какъ потеряніе дѣвичьей чести почитается у нихъ за великое безчестіе, то немолчаливой женихъ можетъ въ день свадьбы какъ по справедливости, такъ и напрасно, сорвать еще съ тестя и тещи клепаньемъ своимъ какой ни есть подарокъ.

Свадебныя ихъ *увеселенія* состоятъ въ пиршествѣ, музыкѣ и пляскѣ, и продолжаются иногда нѣсколько дней. Въ число *музыкальныхъ инструментовъ* принадлежитъ и Татарской собственной, называемой *Кобасомъ*, которой походитъ на открытую въ верьху и подобную кораблю скрыпку, о двухъ волосяныхъ струнахъ, кои перебираютъ пальцами и шаркаютъ по нимъ смычкомъ: но онъ рѣдко употребляется и голосъ отъ него еще хуже, нежели отъ *балалайки* и употребляемыхъ Татарами гусель объ осьмнадцати кишечныхъ струнахъ. *Пѣсни* Казанскихъ и подобныхъ имъ Татаръ по большой части безъ рифмъ, но весьма высокомысленны и преисполнены страстными выраженіями. Тутъ называются любовники воздыхающими журавлями, нѣжными голубями, сулящими глаза и брови, и такъ далѣе. Голосъ пѣсенъ ихъ на военную стать. Обыкновенно какъ мужчины, такъ и женьщины пляшутъ особо. Мужчины пляшутъ проворно и бодро; а дѣвки ходятъ кругомъ какъ будто бы украдкою и держатъ разпростертыя руки передъ лицомъ.

Неплодородіе вмѣняется женамъ въ безславіе, а особливо, когда у мужа есть нѣсколько женъ: ибо плодородные поступаютъ тогда съ безплодными весьма презрительно. *Послѣ родовъ* почитается жена нечистою до самаго возстановленія порядка въ ея здравіи: и тогда очищается она омовеніемъ и молитвами. Младенецъ, какого бы онъ пола ни былъ, мужескаго или женскаго, до семи еще дней послѣ рожденія относится къ Мулѣ, который прошептавъ ему на ухо молитву, даетъ имя и молится потомъ въ слухъ. Имена заимствуютъ они по большой части отъ названія текущаго мѣсяца: и слѣдовательно мужескихъ и женскихъ именъ было бы вообще только тринадцать, если бы отцы на родинахъ не давали дѣтямъ своимъ и другихъ именъ, заимствуемыхъ отъ родственниковъ.

Обрѣзаніе мальчиковъ бываетъ съ седьмаго по шестнадцатой годъ, и совершается *Абдаломъ* (Обрѣзщикомъ) безо всякихъ духовныхъ обрядовъ. Абдалъ для исполненія сего дѣла ѣздитъ нарочно повсюду; при чемъ богатые люди платятъ ему и за бѣдныхъ дѣтей, по тому, что у нихъ за стыдъ почитается до шестнадцатаго году не быть обрѣзану, и споспѣшествованіе обрѣзанію вмѣняютъ они въ весьма доброе дѣло.

Опасно больныхъ посѣщаютъ священнослужители, и творятъ съ ними молитву. *Покойниковъ* обоего пола моютъ, и пеленаютъ потомъ въ холстъ или въ бумажную матерію такъ, что одно только лицо остается видно, а наконецъ вспрыскиваютъ ихъ водою, въ

которой разтворена канфора. Священнослужитель пристѣгиваетъ на грудь покойнику ярлыкъ, съ слѣдующею Арабскою надписью: *есть одинъ только Богъ, да Мугамедъ его пророкъ.*

Кладбища ихъ бываютъ внѣ деревень и безъ всякой ограды. *Умершее тѣло*, которое провожаютъ одни только мужчины, несутъ къ могилѣ во гробѣ, головою въ передъ, а въ могилу опускается безъ гроба. *Могилы* бываютъ глубиною до пяти футовъ, располагаются съ Сѣверовостока на Югозападъ, продолговато, и имѣютъ въ одной сторонѣ пещеру, въ которую укладываютъ покойника такъ, что земля, которою послѣ могилу закидываютъ до него не касается: ибо они вѣрятъ, что скоро прійдутъ два Ангела и поведутъ умершаго на судъ. Какъ скоро опустятъ покойника въ могилу, то Мула творитъ молитву, а по окончаніи оной засыпаютъ могилу. Въ томъ домѣ, изъ коего вынесенъ покойникъ, не должно по закону ихъ цѣлые три дни съ ряду держать огню. Въ теченіе четырехъ недѣль послѣ кончины отправляются два раза торжественныя *мольбы* за упокой, по тому, что они думаютъ, что столько времени производится надъ нимъ судъ и расправа. Между прочимъ содержатся въ молитвѣ ихъ и слѣдующія слова: *Боже! не оставь его во адѣ* (Дуза), *но пресели его скоро въ рай* (Уеця).

Зажиточные люди отличаютъ *могилы* своихъ родственниковъ небольшими бревенчатыми избушками, или разставленными во кругъ каменьями или столбами съ небольшими надписями; а иногда кладутъ въ той сторонѣ, въ которой положенъ покойникъ головою, и надгробной камень съ высѣченною надписью или и съ однимъ только заручительнымъ его знакомъ (Т. Тамгаръ), которой прикладывалъ онъ вмѣсто подписи своего имени. Времена, въ которыя сооружали они надгробныя зданія, давно уже прошли. Высѣченныя на надгробныхъ камняхъ надписи, содержатъ въ себѣ на Арабскомъ и Татарскомъ языкѣ имя и званіе покойника, такъ же годъ его кончины и краткое увѣщаніе, такое на примѣръ: *сей камень положенъ Миккѣ Арысову въ* 1712 году (по Гегирѣ).

Всякъ смертной; Богъ одинъ безсмертенъ. Пророкъ говоритъ: кто Богу покланяется и живетъ непорочно, тому я кровной другъ.

Надпись того надгробнаго камня, который при рѣкѣ Дїумѣ, неподалеку отъ Уфы, въ похоронномъ зданіи лежитъ, гласитъ такъ:

ГАСЪ ГУСЯМЪ БЕКЪ,

знатокъ всѣхъ законовъ и праведной судія умеръ.

Молимъ тебя, единаго Бога, чтобы ты надъ нимъ умилосердился и благоволилъ бы отпустить ему его грѣхи.

Онъ скончался въ 744 году, въ седьмую ночь девятаго мѣсяца.

Онъ вязалъ и хотѣлъ вязать: но смерть возпрепятствовала затѣямъ человѣческимъ.

Никто въ мірѣ семъ вѣчно жить не будетъ.

Всякъ долженъ у гроба сего привесть себѣ на память свою кончину.

Предположа правило вѣры Мугаметанъ, опишу еще кратко нѣкоторые обряды и внѣшнія учрежденія, какія видимъ у нашихъ Мугаметанъ. Поелику они нерачение о вѣрѣ своей почитаютъ смертнымъ грѣхомъ, то во всякой деревнѣ есть молебная ихъ храмина, и по одному или по нѣсколько человѣкъ священнослужителей. Въ городахъ молебные ихъ храмы обширны и чисты, но безъ всякаго украшенія; и въ нихъ сдѣлано только возвышенное мѣсто, съ котораго читаютъ и толкуютъ Алкоранъ. Полъ въ молебныхъ ихъ храминахъ усланъ коврами или войлоками, а передъ входомъ въ оныя построены сѣни, гдѣ всякъ скидываетъ башмаки. Молебныя ихъ храмины въ деревняхъ походятъ на самыя худыя хижины, у которыхъ вмѣсто башни сдѣланы перилы; и съ сего то мѣста скликаетъ пономарь мірянъ на молитву. *Духовенство* ихъ состоитъ изъ *верховныхъ священнослужителей* (Т. Агунъ), изъ которыхъ живетъ одинъ въ Казанѣ, другой въ Тобольскѣ, а третій въ Астрахани; изъ *священнослужителей простыхъ* (Мула); изъ *школьныхъ учителей* (Абазъ); и изъ *пономарей* (Му-Асцынъ). Въ 1792 году живущіе въ Россійскомъ государствѣ Татара получили себѣ Муфтіемъ ученаго Казанскаго Агуна Джакъ Гуссейна, каждой имѣетъ свое пребываніе въ Кавказскомъ намѣстничествѣ. Священнослужители ихъ не берутъ ни какого жалованья, но получаютъ по нѣскольку отъ міру въ воздаяніе за отправленіе своей должности: однако они при всемъ томъ должны для пропитанія своего отправлять промыслы, торги и проч.

Мугаметанцы вмѣняютъ себѣ въ *оскверненіе* всякое къ мертвому прикосновеніе, такъ же нечистыя ѣствы, сонтіе, всѣ естественныя изпражненія и такъ далѣе. Очищаются же они омовеніемъ (Татарс. Абдестъ) и молитвою, а входъ въ царство небесное уготовляютъ себѣ кротостію и добрыми дѣлами. Омовеніе бываетъ у нихъ раз-

ное: однако больше очищаются они водою, а въ случаѣ недостатка оной перетираютъ руки землею или пескомъ. *Добрыя дѣла* заключаются особливо въ подаваніи милостыни и въ постахъ. Во всякомъ году постятся они восемь постовъ и 203 постныхъ дней, въ которые не столько разбираютъ пищу, сколько вообще какъ отъ ядения, такъ и питія воздерживаются до самаго закату солнца.

Вѣрованіе, что *судьбы* наши *неминуемы*, и что всякаго смертоносной Ангелъ въ опредѣленное время изъ міра сего преселяетъ, укрѣпляетъ ихъ противу всякихъ нещастій и предохраняетъ отъ самоубійства. Между нашими Татарами нѣтъ пустынниковъ: однакожъ попадаются иногда такіе, которые оказываютъ богодухновенную кротость. Они вѣрятъ, что кротость дѣлаетъ людей *святыми*, и что усопшіе святые внемлютъ ихъ моленіямъ: а по тому почитаютъ они ихъ прахъ и приписуютъ имъ чудотворительную силу. Въ Киргизской степи, не подалеку отъ *Хивы*, между развалинами Булумера, а особливо въ *Туркостанѣ*, есть гробы святыхъ Татаръ. *Богослужебные* ихъ *праздники*, какъ то *Мулытъ Байрамъ* (праздникъ Мугаметова рожденія), *Курбанъ Байрамъ*, *Ромазанъ* и другіе, располагаются по мѣсяцамъ.

Всякой день бываютъ они по пяти разъ на *молитвѣ*, къ которой скликаетъ ихъ пономарь съ башни, выпѣвая ихъ рѣченіе: *есть одинъ только Богъ, да Мугаметъ его пророкъ.* Отъ молитвы никто нарочно не отгуливаетъ; если же что нибудь въ томъ кому возпрепятствуетъ, то онъ молится по крайней мѣрѣ уединенно въ домѣ или въ полѣ при восхожденіи и захожденіи солнца: при чемъ скидываетъ съ себя башмаки и становится иногда на разосланное по землѣ свое одѣяніе. Когда кто молится усердно, обратя лицо свое въ ту сторону, гдѣ Мекка, или въ домѣ своемъ къ написанному на стѣнѣ имени Божію (Алла); то ни изъ чего молитвы своей не прерветъ. *Обыкновенныя моленія* произходятъ при восхожденіи солнца (Намаль Бакдалъ), около полудня (Намалъ Башня) послѣ полудни (Намалъ Дигакъ), въ вечеру (Намалъ Шамъ) и ночью (Намалъ Гассанъ); каждое продолжается полчаса. Міряне моются сперва дома, а по томъ идутъ на молитву въ обыкновенномъ одѣяніи. Всякъ скидываетъ съ себя передъ храминою башмаки, а во время молитвы надѣваютъ на себя богатые люди Турецкую чалму, въ которой Агуны всегда, а Мулы въ молебныхъ храминахъ, по большой части ходятъ.

Моленія приносятся на Арабскомъ языкѣ, по четкамъ, съ чрез-

вычайнымъ благоговѣнiемъ. Священнослужитель, сидя передъ Мiрянами на цыпкахъ, читаетъ молитвы убѣдительнымъ и тихимъ голосомъ, которыя Мiряне отъ части за нимъ пересказываютъ, а отъ части подтверждаютъ словомъ *аминь*. Какъ скоро помянетъ священнослужитель имя Божiе (Алла); то съ стонанiемъ зажимаютъ они уши и поглаживаютъ, какъ недостойные слышать сiе имя и открывать глаза, обѣими руками по своимъ глазамъ и по бородѣ. Творя молитву своимъ Ангеламъ хранителямъ, оглядываются они на обѣ стороны. Въ прочемъ сидятъ они при томъ больше на цыпкахъ, а иногда встаютъ, кланяются низко, и долго въ семъ положенiи пребываютъ; да сверьхъ того преклоняютъ лицо свое нѣсколько кратъ и къ самой землѣ.

Когда надобно имъ *присягать*, то моются, берутъ Алкоранъ, ударяютъ троекратно онымъ себя въ грудь, и говорятъ: *ежели я присягаю неправо, то да достигнутъ меня твои клятвы!*

ТУРАЛИНЦЫ.

Какъ Татарская сила въ тринадцатомъ столѣтіи завладѣла Сибирью, то Татарское же селеніе, подъ которое отведены были Восточные кряжи среднихъ Уральскихъ горъ, по причинѣ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстъ, такъ какъ и въ разсужденіи сосѣдства загнанныхъ въ высокія горы *Вогуличъ*, больше и скорѣе возъимѣло причину помышлять о постоянныхъ и *крѣпкихъ поселеніяхъ* или городахъ (Т. Тура): по чему они и прозваны *Туралами* или *Туралинцами*, то есть *городскими* или *остеленившимися на одномъ мѣстѣ* людьми: и сіе названіе навсегда при нихъ осталось.

Съ самаго прибытія своего въ Сибирь и по сіе время обитаютъ они *въ мѣстахъ* по обѣ стороны прозванной по нимъ рѣки *Туралы*, простирающихся отъ высокихъ горъ или Вогульскихъ предѣловъ, до самаго ея устья, въ рѣку *Тоболъ* съ лѣвой стороны впадающаго, то есть, между *Таедою* и *Исетомъ*. Земля ихъ гориста, однако къ рѣкѣ Тоболу есть такъ же обширныя ровнины и повсюду плодородныя поля и знатные лѣса. Древнѣйшее ихъ поселеніе называлось *Чинги Тура*, (городъ Чинги), которое послѣ переименовали они *Тюменемъ*; да симъ же самымъ именемъ называется и построенной Россіянами, вмѣсто ихъ Тюменя, знатной городъ. Въ то время, какъ *Ермакъ* въ 1580 году побѣдилъ Туралинцовъ, имѣлъ владычествовавшій тогда *Мурза Еланга* пребываніе свое въ *Турѣ*, построенномъ въ верьхъ по рѣкѣ Турѣ городѣ, которой съ самаго поправленія Россіянами, въ 1600 году, и по сіе время тѣмъ же называется именемъ; а иногда зовутъ его въ тамошнихъ мѣстахъ и *Еланчинымъ*. Нынѣшніе *Туралинцы* имѣютъ у *Туринска* собственную свою знатную слободу, лежащую супротивъ сего города на лѣвомъ берегу Туры. Да и въ самомъ Туринскѣ много Татаръ поселилось. Не меньше видно ихъ и въ *Тюменѣ*. Прочіе же живутъ въ деревняхъ, лежащихъ врознь при рѣкѣ Турѣ, ея рѣчкахъ, и отъ части въ лѣсахъ; а между ими попадаются изрѣдка и Россійскія деревни.

Турскіе городскіе Татара, живущіе какъ въ самой *Турѣ*, такъ и въ *Тюменѣ*, нарочито перемѣшались съ Казанскими Татарами и Бухарцами. Они жительствуютъ, хозяйствуютъ, живутъ и вѣрятъ точно такъ, какъ Казанскіе Татара, отъ которыхъ такъ же ни мало они не отмѣняются ни въ поселеніи, ни въ правахъ, ни въ обрядахъ, ниже въ одѣяніи: по чему и ссылаюсь я здѣсь токмо

на то, что выше сего объ нихъ сказано. Въ 1772 году Турскїе и Тюменскїе Татара съ присовокупленїемъ поселившихся у нихъ Казанскихъ Татаръ платили подать за 10625 душъ мужеска пола.

Турскїе деревенскїе Татара могутъ почестъся чистыми потомками древнихъ страны сей жителей, и составляютъ, какъ кажется, особое колѣно; хотя въ прочемъ сами они и не вѣдаютъ ни чего о своемъ происхожденїи. Отъ другихъ Татаръ отмѣнны они тѣмъ, что нарочито ростомъ высоки и при томъ плотны или дородны, головасты и по чертамъ лица похожи нѣсколько на Калмыковъ. Волосъ у нихъ по большой части чоренъ, жидокъ и прямъ. Что же касается до *душевныхъ* качествъ; то они любятъ честность, прилѣжанїе, и покорность: но при томъ боязливы; во нравахъ же ихъ видно больше суровости, нежели у Казанскихъ Татаръ, и еще меньше тѣхъ наблюдаютъ чистоту.

Въ *деревняхъ* ихъ рѣдко попадается больше десяти дворовъ. *Дворы* ихъ малы, срублены изъ бревенъ и внутреннимъ расположенїемъ уподобляются Казанскихъ Татаръ дворамъ, которымъ сообразны и всѣ вообще Татарскїя хижины. Въ домахъ у Туралинцовъ бываетъ обыкновенно и по одной *прихожей избѣ*, которая смотря по обстоятельствамъ, служитъ иногда кладовою, иногда конюшнею, а иногда хлѣвомъ, и такъ далѣе. *Домашнїй* ихъ *скарбъ* весьма малъ, и живутъ вообще мерзко.

Всѣ они упражняются въ *землепашествѣ*, но мало; больше же стараются о *скотоводствѣ*, и при томъ почти всѣ держатъ у себя *пчелъ*. Зимою рѣдко кто не ходитъ на *звѣриной промыселъ*; да и рыбная ловля у нихъ не пренебрегается. Будучи на ловлѣ употребляютъ они лыжи, кои суть не иное что, какъ тонкїя досчечки, длиною футовъ въ восемь, а шириною ладони въ двѣ, по концамъ загнученныя и покрытыя шкурою съ ногъ оленьихъ или лосинныхъ. *Женской* ихъ *полъ* упражняется въ такихъ же работахъ, въ какихъ и Рускїя бабы, которыхъ домоводству и житью отчасу больше стараются они подражать. Тюменскїя городскїя и деревенскїя Татарки работаютъ изъ крашенной у себя шерсти по данному имъ образцу ковры, лошадиныя попоны и прочее тому подобное. Туралинцы имѣютъ отъ многоразличныхъ своихъ промысловъ и подѣлокъ пропитанїе вѣрное, но никогда не наживаютъ себѣ знатнаго имѣнїя. Въ *подушной окладъ* записаны они такъ, чтобы взыскивать съ души по два соболя или вмѣсто оныхъ по двадцати горностаевъ: при чемъ однакожъ оставлено имъ на волю, продавать

и самимъ мягкую свою рухлядь, и очищать подушной окладъ частію вырученныхъ за то денегъ.

Языкъ ихъ Татарской: однако всѣ мужчины говорятъ и по Руски; и по елику нѣтъ у нихъ порядочныхъ школъ, то мало по малу пришло у нихъ въ употребленіе особливое, дурное и со многими Россійскими и Вогульскими словами перемѣшанное нарѣчіе.

Мужское и женское ихъ *одѣяніе* составлено, съ великою однакожъ отмѣною, изъ Татарскаго и Россійскаго, и всегда бываетъ скудно. Женской нарядъ соотвѣтствуетъ больше Татарскому, а мужскіе кафтаны Россійскому вкусу. *Ѣствы* свои приуготовляютъ они больше по Татарскому, а *напитки* по Россійскому обыкновенію. Всѣ держатъ почти безпрестанно за губою *табакъ*.

Турскіе Татара *были* всѣ такъ, какъ и нынѣ городскіе Татара, *Мугаметанскаго закона*; но деревенскіе Татара стараніемъ Тобольскаго Архіепископа *Филоѳея крещены* съ 1718 по 1720 годъ. Тогда по уничтоженіи ихъ школъ, пришло у нихъ въ забвеніе и знаніе грамоты и письма, которыя теперь рѣдкимъ, а можетъ быть и никому не знакомы. Разсѣяніе ихъ жилищъ и бѣдность противуположили поученіямъ и смотрѣнію Грекороссійскаго духовенства столь великія препятствія, что большая половина сдѣлалась только невѣждами и суевѣрными Греческаго исповѣданія сопричастниками. Обрѣзанія они теперь уже неупотребляютъ, и не ѣдятъ конятины: но гнушаются такъ, какъ и Магометане свининою и другими вещьми, которыя по Алкорану почитаются скверными; посты же содержатъ по уставу то той, то другой вѣры.

Мужу дозволено теперь имѣть *одну* только *жену*, съ которою вступаетъ онъ въ неразрѣшимой на весь вѣкъ брачной союзъ. Въ прочемъ покупаютъ они женъ по Мугаметанскому еще обыкновенію, и при томъ какъ по причинѣ скудости народа, такъ и по тому, что при единоженствѣ больше невѣстъ сыскивается, весьма дешево. Отъ пяти до десяти рублей, или одна лошадь, щитается обыкновенною, а столько же денегъ, да сверьхъ того лошадь или нѣсколько овецъ либо платья, почитается высокою *цѣною* и за добрую дѣвку.

ТОБОЛЬСКІЕ ТАТАРА.

Прежде, нежели завоевана Сибирь Россійскимъ оружіемъ, имѣли Татара главное въ семъ царствѣ жительство при рѣкѣ *Тоболѣ*, а въ *Сибири*, на правомъ берегу *Иртыша*, въ шестнадцати верстахъ ниже теперишняго города Тобольска *столичной* свой *городъ*. Какъ войска *Ермаковы* въ 1582 году пришли къ Иртышу, и какъ онъ тогдашняго Татарскаго владѣтеля, *Хана Кучума*, прогналъ, а *Сибирь* раззорилъ; то большая половина Татаръ сей страны разсѣялась, и оставила Сибирь въ запустѣніи, по которому однакожъ примѣтить можно, что она подобна была жилищами изъ нежженаго кирпича строенными, Бухарскому городу или укрѣпленному стану. Въ мѣсто *Сибири* приказало Россійское правительство въ 1587 году выстроить *Тобольскъ*, нынѣшній главный городъ въ Сибири при устьѣ рѣки Тобола, впадающаго въ Иртышь.

Нынѣшніе *Тобольскіе Татара* суть потомки оставшейся въ Сибири части Татарскаго племени, и заимствуютъ названіе свое отъ рѣки *Тобола*, по берегамъ и рѣчкамъ котораго живутъ они всплошь, начиная отъ Киргизской границы до самаго устья помянутой рѣки. Въ прочемъ не должно ихъ смѣшивать ни съ живущими *въ городѣ Тобольскѣ Татарами*, которые произошли отъ *Бухарцовъ*, ниже съ жительствующими на Иртышѣ Татарами, которые состоятъ отъ части изъ *Барабинцовъ*, отъ части же, какъ н. п. въ Тарѣ, изъ *Бухарцовъ*.

Живутъ они въ деревняхъ, въ коихъ бываетъ отъ десяти до пятидесяти дворовъ; всѣхъ же ихъ вообще считается до четырехъ тысячь душъ мужеска пола. Съ *виду* и всемъ поведеніемъ походятъ они на *Туралинцовъ* такъ, что надобно думать, что они между собою единоплеменны; но поелику Тобольскіе Татара содержатъ еще Мугаметанской законъ; то по сей причинѣ между ими и Туралинцами видна не малая въ разсужденіи наружности разность.

Жилища ихъ расположены по Татарскому обыкновенію, и при томъ дурнѣе Казанскихъ, а лучше Турскихъ. То же самое надобно разумѣть и о *домашнемъ* ихъ *скарѣ*. Чистыя ихъ *мѣста* привольны для скотоводства: но бывающая при Иртышѣ и Тоболѣ *язва* валитъ у нихъ часто лошадей и рогатой скотъ: по чему и пропала у нихъ охота къ распространенію сего промысла. Всѣ вообще упражняются въ *землепашествѣ*; однакожъ ни укого больше

трехъ десятинъ пахотной земли не видно; и какъ при томъ мѣста ихъ ни къ пчеловодству, ни къ звѣриному промыслу не привольны, то они и не зажиточны. Женщины ихъ ткутъ холстъ и сукно на такихъ же простыхъ *станкахъ*, какiя употребительны у Оренбургскихъ Татарокъ при рѣкѣ Уралѣ: но дѣло сiе происходитъ медлительно, и много занимаетъ времени. Взыскиваемой съ нихъ небольшой подушной окладъ платятъ они наличными деньгами, и называются по тому для отмѣны отъ Татаръ, исправляющихъ Козацкiя службы, *Ясашными Татарами*.

Въ вѣрѣ, воспитанiи дѣтей, чистотѣ, и прародительскихъ обычаяхъ *послѣдуютъ Мугаметанцамъ*: и по тому въ разсужденiи *одѣянiя, пищи, нравовъ* и *обрядовъ* совсемъ подобны Казанскимъ недостаточнымъ деревенскимъ Татарамъ. *Хозяйство* ихъ не великое; бѣдность препятствуетъ имъ много помышлять о любострастiи; и *цѣна доброй невѣсты* простирается отъ двадцати до пятидесяти рублей: по чему рѣдко кто больше одной жены имѣетъ.

ТОМСКІЕ ТАТАРА.

Томскихъ Татаръ надобно отличать отъ тѣхъ, которые у города *Томска* живутъ слободою и составляютъ такъ же какъ Тобольскіе и Тарскіе Татара, *Бухарское селеніе*; и отъ Верхотомскихъ имѣютъ весьма малое различіе. *Настоящіе Томскіе Татара* живутъ по обѣимъ сторонамъ рѣки *Томы* и ея рѣчекъ, отъ Кузнецкихъ горъ до самаго влiянiя ея въ рѣку Обь съ правой стороны, слѣдовательно выше и ниже города *Томска*. Они раздѣлены на *волости*, изъ коихъ *Татская* почитается наизнатнѣйшею. Въ каждой волости считается по 30 деревень, которыя не всегда съ Татарскими, но иногда и съ Россійскими деревнями смѣжны. По бывшей въ 1760 году подушной переписи платятъ они окладъ только за 430 душъ.

Они по *наружному* своему *виду*, такъ же по *нравамъ*, *жилищамъ*, *языку*, *одеждѣ*, *житейскимъ обрядамъ* и *вѣрѣ* совершенно подобны *Тобольскимъ Татарамъ*, и думать надобно, что они съ ними и съ *Тураликцами* одной орды. *Скотоводство* въ лучшемъ у нихъ состояніи нежели *земледѣлiе*, о которомъ они ни мало не радѣютъ. Почти у всѣхъ у нихъ есть по нѣскольку ульевъ и *пчелъ*. Къ *звѣриному промыслу* служатъ имъ привольемъ Кузнецкія лѣсистыя горы; да они объ ономъ и радѣютъ. Подушной окладъ очищаютъ они лосиными и оленьими кожами, вмѣсто которыхъ невозбранно однакожъ имъ давать и наличныя деньги. Многіе изъ нихъ извозничаютъ цѣлыми артелями по Сибирской дорогѣ въ возкѣ купеческихъ товаровъ.

Одѣяніе мужское такое же, какое у Казанскихъ деревенскихъ и у Тобольскихъ Татаръ; да и *женское* малымъ чемъ отмѣнито. Они носятъ повсядневно фату, а по праздникамъ небольшую богато убранную шапочку, да сверьхъ оной плоскую съ околышемъ шапку. Воротники у рубахъ вышиваютъ узорами, а на уши нацепляютъ вмѣсто дорогихъ каменьевъ корольками унизанныя нитки. Въ мѣсто чаю употребляютъ они обыкновенно *завязную траву* (*), безъ молока: и по тому настоявшаяся на травѣ сей вода принимаетъ изрядной красной цвѣтъ, но при томъ и во рту чрезвычайно вяжетъ.

(*) Tormentilla erecta. Linn.

Чатская татарка.
Eine Tschatskische Tatarin.
Femme tatare de Tchatsk.

Хотя они и моглибы по закону своему содержать *многихъ женъ:* однакожъ по скудости своей мало правомъ симъ пользуются. И самая пригожая жена обходится мужу не дороже, какъ въ 50 рублей. Я видѣлъ въ *Татской* волости *свадьбу*, во время которой происходили такіе же обряды, какіе бываютъ при свадебныхъ случаяхъ и у Казанскихъ Татаръ. Поднимавшій свадьбу сію женихъ, который въ прочемъ, судя по знатнымъ его гостямъ, и по тому, какъ онъ ихъ принималъ, былъ человѣкъ не бѣдной, далъ за невѣсту свою, двадцатилѣтнюю, некрасивую, но здоровую дѣвку, одну только лошадь, да тещѣ праздничное платье. Другая жена, говорили гости, станетъ ему вдвое противъ первой.

На *могилы* ставятъ они обыкновенно подобные избамъ бревенчатые срубы: и по тому кладбища ихъ, которыя по большой части бываютъ по близости лѣсовъ, походятъ изъ дали на деревни.

НОГАЙСКІЯ ОРДЫ.

Ногайцы издревле уже славны подъ симъ именемъ, по тому, что орда ихъ была всегда наизнатнѣйшая, и не только меньше всѣхъ другихъ ордъ претерпѣла разоренія, но и утвердилась въ *мѣстахъ своего пребыванія*, каковыми съ тринадцатаго столѣтія были степи на Сѣверной сторонѣ Каспійскаго моря, Кавказскихъ горъ и Чернаго моря, такъ же съ Сѣверозападнаго и Западнаго его берега, равно около нижней Волги, Терека, Кумы, Меотическаго моря, около Дона, на полуостровѣ Крымѣ, около Днѣпра и Днестра, даже до Дуная и за онымъ. Они *состоятъ* изъ *многихъ* большихъ и меньшихъ *ордъ*, изъ коихъ нѣкоторыя въ обширныхъ своихъ степяхъ перемѣнили пребываніе, а совокупно съ онымъ и свое имя, занятое ими прежде отъ наименованія рѣкъ, военачальниковъ и проч.

Подверженныя Россіи Ногайскіе орды весьма многочисленны. Слѣдуя твердо древнимъ отеческимъ преданіямъ и не весьма тѣсноя смѣшиваяся и соединяяся съ прочими Татарами, сохранили они между собою и по сіе время великую очевидную сходственность не смотря на различіе обитаемыхъ ими мѣстъ и образа жизни. Мужчины между ими по большой части средняго роста, лицемъ калмыковаты, имѣютъ небольшіе глаза, малой ротъ, большія уши, черные волосы, малой и плоской носъ. Нравами своими многія орды между собою различны; но по большой части ласковы, чистосердечны, важны, страннопріимны; однакожъ между тѣмъ нѣсколько дики, неопрятны, склонны къ грабежу и невѣжды. Всѣ говорятъ Татарскимъ или Туркоманскимъ языкомъ, но различными между собою нарѣчіями, въ кои примѣшиваютъ многія слова Арабскія, Мунгальскія и проч. многія сего народа орды другъ друга почти не разумѣютъ. Вразсужденіи же прочихъ познаній отличаются они другъ отъ друга еще и болѣе.

Послѣдуютъ Магометанскому закону Сунискаго толкованія. Астраханскіе же нѣсколько просвѣщеннѣе; имѣютъ у себя 15 мечетей, изрядныя школы и между духовенства своего одного Первосвященника; котораго называютъ они не *Агуномъ* но *Касыемъ*, которой по новому учрежденію подверженъ Муфтію. Прочіе же Ногайцы почти всѣ вообще невѣжды и между обрядами своей вѣры мѣшаютъ очень много языческихъ суевѣрій.

Вразсужденіи образа жизни они отчасти обитаютъ кочевьями

въ кибиткахъ, а отчасти живутъ домами, изъ коихъ нѣкоторое число составляетъ деревню, а нѣсколько деревень составляетъ нѣкоторой родъ волости, что по Татарски называется *табунъ*. Большею же частію не имѣютъ они у себя непремѣннаго жилища. И тѣ бродящіе называютъ такъ же малыя раздѣленія своихъ ордъ *ауломъ* и табуномъ. У всѣхъ ихъ есть очень много дворянъ или *Мурзъ*, изъ коихъ знатнѣйшіе именуются князьками и имѣютъ нѣсколько *Мурзъ* подъ собою. Народъ подверженъ дворянству и князькамъ, долженъ ходить на войну, давать десятину и быть имъ во всемъ послушнымъ.

Жилища обитающихъ на одномъ мѣстѣ Ногайцовъ состоятъ изъ плетня, кольевъ и сплетенныхъ изъ камыша рогожъ которыя они обкидываютъ глиною. Деревни ихъ безъ всякаго укрѣпленія, юрты или кибитки подобны во всемъ Башкирскимъ, и состоятъ изъ частокола или плетня, съ оставленнымъ на верху отверстіемъ для прохода дыма и для свѣта, и покрыты войлоками или рогожами.

Домашній скарбъ Ногайцовъ очень скуденъ, и состоитъ въ котлахъ деревянныхъ и кожаныхъ сосудахъ, въ выдѣланныхъ для наливанія жидкостей тыквахъ, двуколесныхъ телѣгахъ (Татар: *Арба*); войлочныхъ покрывалахъ, топорахъ и въ небольшомъ числѣ другихъ симъ подобныхъ надобностей.

Одѣяніе у мужчинъ и у женщинъ почти такое же, какъ и у Казанскихъ; только съ нѣкоторою между собою разностію вида и украшеній.

Какъ у живущихъ на одномъ мѣстѣ, такъ и у кочующихъ Ногайцовъ скотоводство почитается главнѣйшимъ богатствомъ; и по числу скота заключается о имуществѣ; однакожъ съ Калмыками и и Киргисцами немогутъ они въ томъ равняться. У котораго мурзы есть около 1000 лошадей, 500 рогатаго скота, 2000 овецъ, 200 козъ и съ небольшимъ 20 верблюдовъ, (ибо таково почти бываетъ между стадами ихъ содержаніе), тотъ называется у нихъ пребогатымъ. Въ семъ народѣ вообще весма рѣдки такіе люди, у которыхъ бы было до тысячи скота вышепомянутыхъ родовъ; у многихъ бываетъ только до двухъ сотъ, а у иныхъ и того меньше. Скотъ ихъ не великъ, но вразсужденіи хорошей пасшвы и умѣреннаго климата красивъ и бодръ. Для Ногайцовъ и то весма выгодно, что могутъ они его удобно продавать. Живущіе на одномъ мѣстѣ имѣютъ у себя небольшое хлѣбопашество; сѣютъ просо, ячмень, пшеницу, изъ рѣдка ленъ и конопли, нѣкоторыя огородныя растѣ-

нія и табакъ; а нѣкоторыя и сорочинское пшено. Между тѣмъ ходятъ всѣ на звѣриную охоту вмѣсто забавы; но въ рыбной ловлѣ не упражняются.

Пищу свою получаютъ отъ скотоводства и нѣкоторыхъ полевыхъ и огородныхъ произрастѣній. Ѣдятъ мясо, молоко, сыръ, масло, пловъ, кашу, соломашу, разныя дикія и огородныя коренья. Хлѣба же и рыбы употребляютъ очень мало, и почти никогда. Живущія неподвижно по состоянію своему и богатству нѣсколько опрятны; но прочія всегда запачканы и скверны. Лучшее ихъ питье состоитъ въ водѣ, молокѣ и мясномъ наварѣ.

У кого нѣтъ скота и хлѣбопашества, тѣ имѣютъ пропитаніе между своею братьею отъ сапожнаго, кожевеннаго и другихъ симъ подобныхъ простыхъ рукодѣлій; а большая часть старается пособить недостаткамъ своимъ похищеніемъ скота у сосѣдей. Въ обычаѣ у нихъ есть такъ же и то, что зажиточные люди покупаютъ своимъ четырехлѣтнимъ сыновьямъ невѣстъ, на которыхъ ихъ черезъ нѣсколько лѣтъ и женятъ. Въ брачномъ торжествѣ принимаютъ участіе новобрачные только въ первый день свадьбы; но на другой день оставляются они въ своей юртѣ, куда имъ приносятъ пищу. Поелику всѣ истеченія отъ мертваго тѣла почитаются у нихъ нечистыми и могущими осквернить живаго человѣка, то затыкаютъ они у мертвецовъ своихъ всѣ отверстія хлопчатою бумагою.

АСТРАХАНСКІЕ ТАТАРА.

Они раздѣляются на Юртовыхъ, аульныхъ и кочевыхъ. При покореніи Астрахани подъ Россійскую державу считалося городскихъ и деревенскихъ Татаръ 25000 семей; въ 1715 г. было ихъ 12000; въ 1772 г. 1200; а и съ кочующими Татарами вмѣстѣ не болѣе 2000 семей, или по ихъ названію дымовъ. Такое уменшеніе происходитъ отъ ихъ непостоянства; и они убѣгаютъ къ Кавказцамъ, Крымцамъ, Башкирцамъ, Киргизцамъ по одиначкѣ и цѣлыми семьями. Нѣкоторые изъ ихъ Мурзъ какъ на пр: Шайдяковъ, Урусовъ, Бахтеяровъ приняли со всѣми своими подданными Христіанскую вѣру. Всѣ они происходятъ отъ Ногайцовъ; однакожъ находятся между ими не малое число и Казанскихъ Татаръ, какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ.

Городскіе Татара живутъ въ Астраханѣ особливою слободою, и имѣютъ въ ней каменной гостиной дворъ со многими лавками. Отлично отъ всѣхъ прочихъ Татарскихъ поколѣній имѣютъ они у себя собственное свое судебное мѣсто, въ коемъ присудствуютъ судьи изъ ихъ народа, съ однимъ Россійскимъ засѣдателемъ, которой не допускаетъ ихъ рѣшить дѣла въ противность государственныхъ законовъ. Между сими Татарами находится очень много и Казанскихъ; но всѣхъ ихъ вообще вразсужденіи домашняго ихъ хозяйства, жилища, нравовъ, обычаевъ и вида, можно легко признавать за Ногайцовъ.

Вразсужденіи одежды Астраханскіе Татара разнятся отъ Казанскихъ тѣмъ, что у первыхъ рукава верхняго платья только по локоть, круглыя суконныя или бархатныя шапки, подъ которыми старики носятъ скуфейки; такъ же многіе молодые люди волосъ у себя не брѣютъ, но только стригутъ. Татарки подходятъ вразсужденіи одѣянія очень близко къ Армянкамъ. Поясъ покрытъ у нихъ серебряными наборцами и другими украшеніями и застегивается пряжкою. Волосы заплетаютъ; а дѣвки прицѣпляютъ къ нимъ долгія ленты и кисти, которыя висятъ до самыхъ подколѣнокъ. Въ нарядѣ носятъ плоскія соболья шапки. По улицамъ ходятъ закрывся лицо, и носятъ повседневно вмѣсто шапки покрывало. Нижнее платье состоитъ изъ холстинныхъ не широкихъ портокъ, туфель; башмаковъ, къ которымъ пришиты чулочные паголенки; коженыхъ или сафьянныхъ сапогахъ. Кромѣ серегъ, перст-

ней и колецЪ носятЪ такЪ же нѣкоторыя Татарки мѣдное или золотое кольцо продѣвъ свозь носовой хрящикЪ.

Главнѣйшая ихЪ пища состоитЪ вЪ баранинѣ, кобылятинѣ, говядинѣ, которую они искутъ, варятЪ и приправляютЪ мукою и разными травами и кореньями; многіе изЪ нихЪ привыкли такЪ же и кЪ рускому хлѣбу и сухарямЪ. Вмѣсто питья употребляютЪ молоко, мясной и изрѣдка рыбной наварЪ; а часто противЪ предписаній своего закона пьютЪ вино, пиво, пьяной медЪ и прочіе хмѣльные напитки.

Богатство ихЪ и доходы состоятЪ вЪ торгахЪ сЪ Россіянами, Персами, Кавказскими прочими Татарами. ТоргуютЪ юфтями, сафьяномЪ, хлопчатою бумагою, камлотами и прочими тому подобными издѣльями; имѣютЪ у себя мыловарни. Женщины прядутЪ хлопчатую бумагу, вЪ чемЪ столько многія изЪ нихЪ искусны, что одинЪ фунтЪ ихЪ пряжи покупается рубли по четыре. Искуство ихЪ могло бы имЪ доставить нарочитое имущество; но вразсужденіи праздни скромной ихЪ жизни отмѣнныхЪ богачей они у себя не имѣютЪ.

Астраханскіе деревенскіе, или Аульные Татара живутЪ по островамЪ на устьѣ Волги разстояніемЪ отЪ города отЪ 2 до 10 верстЪ, и каждая ихЪ деревня состоитЪ отЪ двадцати до двухЪ сотЪ дымовЪ или семей. ВЪ одной изЪ нихЪ живетЪ Кадый или первосвященникЪ.

Деревни сіи расположены очень дурно; состоятЪ изЪ небольшихЪ деревянныхЪ дворовЪ сЪ плоскими крышками; хлевы и для скота закуты сдѣланы изЪ тростника; внутреннее же украшеніе сообразно наружному. Татара живутЪ вЪ деревняхЪ только зимою; лѣтомЪ же кочуютЪ вЪ шалашахЪ или кибиткахЪ, которыя гораздо меньше КалмыцкихЪ. Стѣны сдѣланы изЪ тростнику рогожами, и весь шалашЪ покрывается войлоками такЪ, что покрышки сей снять не можно. Когда надобно такую кибитку или юрту перевесть на другое мѣсто, то ставятЪ оную на телѣгу (*Татар: Арба*). Крышка у нихЪ такЪ низка, что едва вЪ нихЪ прямо стоять можно, а при томЪ кибитка та всегда наполнена копотью и дымомЪ. Все сплетено изЪ тростнику и покрыто войлоками. Верхнее отверстіе покрывается нарочно для того сдѣланною покрышкою.

Пропитаніе деревенскихЪ ТатарЪ состоитЪ вЪ скотоводствѣ и вЪ небольшомЪ земледѣліи и садоводствѣ. Стада ихЪ не многочисленны. Поля ихЪ произрастаютЪ имЪ по большой части просо. Са-

довыя свои произрастѣнія отвозятъ они продавать въ Астрахань. Торговать имъ запрещено; однакожъ многіе изъ нихъ торгуютъ подъ именемъ Армянъ, Индѣйцовъ и городскихъ Татаръ; но совсемъ тѣмъ зажиточныхъ людей между ими очень мало.

Кромѣ живущихъ неподвижно Астраханскихъ Татаръ, находится очень много разсѣянныхъ въ Кизлярѣ и между Терекскими Татарами.

Кочующіе Татара живутъ въ юртахъ или кибиткахъ по берегу Каспійскаго моря до самаго Терека небольшими кочевьями и въ числѣ своемъ весьма не многолюдны. Пропитаніе имѣютъ отъ небольшаго своего скотоводства на подобіе Калмыковъ. Нѣкоторые изъ нихъ переходятъ черезъ Терекъ къ Кавказцамъ; иные изъ нихъ возвращаются опять назадъ, а нѣкоторые тамъ и остаются.

Всѣ Астраханскіе Татара платятъ ясакъ. Нѣкоторые изъ нихъ платятъ подать свою деньгами; а прочіе, и по большой части деревенскіе Татара заработываютъ оную въ казенныхъ виноградныхъ садахъ по одному мѣсяцу весною, и по одному осенью. Кочующіе Татара употребляются для почты по дорогѣ отъ Астрахани къ Кизляру, и называются по тому *подводными Татарами.*

ТАВРИЧЕСКІЕ ТАТАРА.

Таврія, или преждебывшія *Крымъ*, очень мало имѣла въ себѣ обитателей до Менцели Гирея, который побѣдя Ногайцовъ на Волгѣ переселилъ туда нѣсколько тысячь. Примѣру его послѣдовали и его преемники; и мало по малу завладѣли многими и Россійскими степями около Чернаго и Азовскаго моря и на Кубанѣ.

Таврическіе Татара происходятъ отъ Ногайцовъ, но смѣшаны такъ же и съ Мунгалами. Ростомъ они посредственны и сухощавы; видомъ похожи на Ногайцовъ, только гораздо ихъ ласковѣе; имѣютъ довольно острой разумъ, и весьма способны къ наукамъ; въ обхожденіи ласковы, услужливы и кроткаго нрава.

Поколѣнія ихъ происходятъ изъ 1, Ширинскаго, 2 Беринскаго, 3 Монсурскаго и 4 Сучувудскаго. Всякое поколѣніе имѣетъ у себя своихъ дворянъ, или мурзъ, изъ которыхъ старшей, въ каждомъ семействѣ называется князем, (*Беемъ*). Всѣ они имѣли у себя изъ давнаго времени одного Хана, котораго избирали изъ фамиліи Гиреевъ, и которой управлялъ и кромѣ Тавріи многими ордами; но самъ подверженъ былъ Оттоманской Портѣ. Зависимость сія отъ Порты кончилась въ 1775 году посредничествомъ Россіи. Въ 1783 году сдѣлалась Таврія Россійскою областью. Многіе мурзы и простые Татара оттуда выѣхали; а въ 1784 году дано имъ на то еще и большее позволеніе и свобода. Оставшіеся дворяне получили одинакія съ Россійскими права и привилегіи; только съ тою разностію, что не позволено имъ покупать себѣ деревень съ крестьянами Христіанской вѣры.

Таврическіе Татара кромѣ только нѣкоторыхъ семей живутъ въ городахъ и деревняхъ. Домы ихъ весьма скудны, но только покойны и опрятны. Города расположены изрядно; деревни же по большой части обсажены красными деревьями.

Языкъ ихъ состоитъ изъ Ногайскаго смѣшаннаго со многими Арабскими и Мунгальскими нарѣчіями; по причинѣ же учрежденныхъ у нихъ издавна училищъ приходитъ въ лучшее совершенство.

Одежда ихъ совершенно по Турецкому вкусу, чиста и всякому къ лицу и въ пору. Отъ Турковъ и Персіанъ отличаются они только зелеными чалмами.

Столъ ихъ роскошнѣе многихъ Восточныхъ народовъ; къ чему способствуютъ имъ немало плодовитые ихъ сады и огородныя ра-

стѣнія. Пища у нихъ всегда проста и одинакова. Всѣ они страннопріимны и ревностные Магометане (Сунинскаго толку); но нѣсколько просвѣщеннѣе прочихъ. Мурзы и прочіе дворяне стараются оказывать на себѣ отмѣнную пышность и великолѣпіе.

Пропитаніе ихъ состоитъ въ земледѣліи, садоводствѣ и скотоводствѣ; но ко всему тому прилагаютъ они очень мало прилѣжанія. Сѣютъ по большой части просо, которое и употребляютъ въ пищу подъ различными приправами. Изъ проса дѣлаютъ они такъ же и питье, которое столь же пьяно, какъ и вино. Во многихъ виноградныхъ садахъ дѣлаютъ и виноградное вино, которое пьютъ очень многіе изъ нихъ весьма охотно не смотря на запрещеніе ихъ Пророка.

НОГАЙСКІЯ ОРДЫ, ЖИВУЩІЯ ОКОЛО ЧЕРНАГО МОРЯ и ПО КУБАНѢ.

Сіи орды, коихъ число весьма не мало, вразсужденіи политическихъ и хозяйственныхъ расположеній великое между собою имѣютъ сходство. Внутреннее ихъ устройство, свобода, подверженность, зависимость отъ тѣхъ губерній въ коихъ имѣютъ они свои жилища, и какой орды съ какими граничатъ, о всемъ томъ извѣстно еще по большей части не весьма совершенно; по чему и говорено здѣсь будетъ вкратцѣ только то, что можно сказать безъ всякаго сумнѣнія.

Джисанская и Джамбулайская орды въ началѣ нынѣшняго столѣтія кочевали около *Ембы* близь Калмыковъ. Около 1715 года побѣдилъ ихъ храбрый и мудрый Калмыцкій Ханъ Аюка, и прогналъ ихъ съ собою за Уралъ и Волгу въ Куманскія и Кубанскія степи; по чему хотя и учинилися они нѣкоторымъ образомъ зависящими отъ Калмыковъ, но отдалися въ подданство Россіи. ПЕТРЪ Великій принялъ ихъ благосклонно, отвелъ имъ для паствы степи и далъ такія привилегіи, какими пользовались Калмыки. По смерти Хана Аюка въ 1724 году Ногайскія орды воспользуясь произшедшими у Калмыковъ безпокойствіями перекочевали въ Крымъ, за Кубань и за Днепръ во владѣнія Оттоманской Порты и поселилися въ степяхъ Бесарабскихъ и Буджакскихъ.

Въ 1770 году обѣ сіи орды возвратилися паки подъ Россійскую державу; примѣру ихъ послѣдовали такъ же и другія Ногайскія орды, Едишкульская, Акерменская или Бѣлогородская. Для кочеванія ихъ отведены Ногайскія, или Крымскія степи по берегу Чернаго моря. Число ихъ простиралось до 70,000 душъ; вступая въ Россійское подданство обязывалися они платить подать; однакожъ отъ оной всемилостивѣйше освобождены. Сіи западныя орды можно называть Бессарабскими, или Бугджакскими. Въ послѣдствіи распространились они и за Донъ по восточному берегу Азовскаго моря до Кубани на старинныя свои степи. По Кубани растянулись и за горы по рѣкамъ Абишу, Гею, Кагарлыку и Маничу. Одно только малое число Акерманской орды, привыкшей жить въ деревняхъ, за Кубань не перекочевали.

Восточныя Ногайскія орды, которыя называются вообще Кубанскими, также черными и малыми Ногайцами, состоятъ изъ мно-

гихъ неравночисленныхъ ордъ и кочуютъ къ сѣверной части Кубани по сей рѣкѣ до самыхъ ея устьевъ. Прежде сего принадлежали они Крымскому Хану, коему платили подать; но какъ въ 1783 году Крымъ подвергся Россійской державѣ, то нѣкоторыя орды осталися подъ покровительствомъ Россіи и даютъ аманатовъ. Нѣкоторыя же перекочевали на югъ въ высокія горы и подверглися Горскимъ князькамъ.

Знаменитѣйшія Восточныя или Кубанскія орды составляютъ *Касай Аулъ* и Касыевъ улусъ; такъ же *Нарусъ Аулъ*, имѣетъ князька и состоитъ изъ 10,000 семей. Они суть самые такъ называемые Кубанцы. Прежде сего кочевали между устьями Кубани до вершины Манича, откуда чинили въ Россійские владѣнія разбойническіе набѣги. Нынѣ же Касай Аулъ кочуетъ въ низкихъ мѣстахъ по лѣвую сторону Кубани по рѣкамъ Юджуку и Арсѣ. А Нарусъ Аулъ живетъ по лѣвой же сторонѣ Кубани при рѣкѣ Лабѣ въ построенныхъ на лѣвую руку деревняхъ. Въ первую Турецкую войну поступали они противъ Россіи непріятельски; но въ 1771 году подверглися въ покровительство сей Имперіи, и дали Аманатовъ.

Орды Козгелетъ Аулъ, Риджакъ, Михъ и проч. весьма многочисленны, и присоединяются уповательно къ большимъ.

Въ 1730 году нѣкоторая часть Едизанской, Едискульской и Джембуакской орды перекочевала изъ западныхъ Буджакскихъ или Бессарабскихъ степей въ сіи восточныя Кубанскія.

ТЕРЕКСКІЕ НОГАЙСКІЕ ТАТАРА

Составляютъ небольшую орду состоящую изъ 6000 дымовъ; кочуютъ по правой сторонѣ Терека въ урочищахъ покоренныхъ Россіи Кумекскимъ князкамъ, которымъ платятъ дань и подать. Многіе состоятъ подъ собственными своими князьками. Поелику не рѣдко переходятъ они черезъ Терекъ для похищенія скота и людей, то для сей самой причины берутся съ нихъ аманаты. Вразсужденіи внутреняго ихъ устройства не разнятся они отъ прочихъ ни мало.

Вразсужденіи Россійскаго правительства раздѣляются Ногайскія орды на платящихъ дань (*Ясачныхъ*) и союзныхъ. Послѣднія живутъ по собственнымъ своимъ законамъ; но чинятъ присягу не предпринимать противъ Россіи ничего непріязненнаго, во увѣреніе чего изъ знатнѣйшихъ между ими людей или изъ княжескихъ сыновъ даютъ аманатовъ, которые живутъ въ ближнемъ Россійскомъ городѣ, и содержатся по званію ихъ довольно изрядно.

Собственное ихъ политическое устройство почти во всѣхъ ордахъ одинаково. У всѣхъ ихъ есть гордые и богатые дворяне (*Мурзы*) такъ же и Князки, изъ коихъ одинъ избирается владѣтельнымъ (Беемъ); но излишнихъ отъ того доходовъ не получаетъ. Народъ состоитъ изъ подданныхъ дворянству, которое однакожъ излишныхъ налоговъ и отягощенія причинять имъ не можетъ. Законы ихъ состоятъ въ коранѣ и старинныхъ преданіяхъ; разсужденія ихъ и совѣты происходятъ по большинству голосовъ.

Послѣдуютъ Магометанскому закону Сунискаго толкованія, въ которомъ весьма незнающи; нрава грубаго, другъ противъ друга жестоки и свирѣпы; однакожъ странноприимны. Грабежъ людей и скота считается между ими лучшимъ достоинствомъ.

Простые мужчины одѣваются подобно прочимъ Татарамъ, брѣютъ голову, оставляя только бороду, а нѣкоторые одни только усы. Портки носятъ длинныя и широкія; обувь ихъ состоитъ въ чулкахъ, туфляхъ и сапогахъ; бѣдные же носятъ люди онучи и бахилы, нижнее платье состоитъ въ толстой крашенинѣ или какой нибудь толстой крашеной холстинѣ. Верхнее платье дѣлаютъ изъ своего домашняго сѣраго сукна; носятъ овчинныя шубы; подпоясываются кушакомъ или веревкою; а нѣкоторые застегиваются крючками или пуговицами. Голову покрываютъ небольшею скуфейкою, а

Ногайская татарка.
Eine Nogaische Tatarin.
Feme de Tatares Nogais.

сверхъ ее надѣваютъ плоскую шапку, которыми орды между собою отличаются. Многія головъ небрѣютъ, а только волосы остригаютъ и скуфеекъ не носятъ. Шляпъ вовсе неупотребляютъ. Знатные и зажиточные люди наряжаются наподобіе Кабардинцовъ въ шелковое и тонкое суконное платье; носятъ сафьянные сапоги, долгія и широкія портки, поясъ и саблю, которая бываетъ нерѣдко съ серебреною оправою; платье окладываютъ иногда позументомъ; стеганыя или вышитыя шапки. Голову и бороду брѣютъ, но только оставляютъ одни усы. Къ наряду ихъ принадлежитъ такъ же хорошей со стрѣлами калчанъ и костью кругомъ оправленный лукъ. Росту всѣ немалаго и стройнаго, лице имѣютъ смуглое и нѣсколько храбраго и военнаго вида.

Женщины подобны прочимъ Татаркамъ, и отличаются одними только плоскими шапками обшитыми какою нибудь опушкою. Сверьхъ многихъ перстней, колецъ, лентъ и привѣсковъ нѣкоторыя носятъ въ носовомъ хрящу кольцо украшенное драгоцѣнными каменьями; у многихъ кольцо сіе досягаетъ до нижней губы.

Жилища западныхъ или Бесарабскихъ ордъ состоятъ въ небольшихъ юртахъ, сдѣланныхъ изъ плетня. Юрты ихъ круглыя, шириною не болѣе полторы сажени. Стѣны высотою около четырехъ футовъ, крышка плоская, у которой посрединѣ на верьху оставляется отверстіе для свѣта и дыма. Разбирать ихъ весьма трудно; по чему при перекочеваньѣ ставятъ они ихъ на высокія Татарскія двуколесныя телѣги, и такимъ образомъ перевозятъ. Покрываютъ ихъ войлоками. У многихъ находятся для спанья, варенія пищи, для женъ и дѣтей особливыя юрты. Кочевье свое перемѣняютъ они въ годъ раза по три и по четыре смотря по обстоятельствамъ вразсужденіи пасшвы, воды, или какъ то разсудится ихъ старѣйшинамъ.

Домашней ихъ скарбъ состоитъ не во многомъ; большой и малой котелъ, два блюда, сундукъ съ лучшими ихъ пожитками и деньгами, платье, оружіе, конской приборъ, нѣсколько пахотныхъ инструментовъ, ложки, стаканы и прочія тому подобныя мѣлочи. Знатные и богатые люди живутъ въ большихъ юртахъ, обитыхъ шелковыми обоями украшенныхъ софами, диванами и серебряною посудою.

Кубанскія или восточныя орды имѣютъ такія же точно простыя и богатыя юрты, въ которыхъ они кочуютъ лѣтомъ; но зимою живутъ въ деревняхъ, которыя строятъ гдѣ нибудь при водѣ не подалеку отъ своихъ полей. Избы въ нихъ небольшія и весьма дурно построен-

ныя, но противЪ юртЪ ихЪ гораздо теплѣе. Нерѣдко и деревни свои переносятЪ они сЪ одного мѣста на другое.

СтолЪ во всѣхЪ ордахЪ не весьма изобиленЪ, но большею частію дуренЪ и неопрятенЪ. Главнѣйшая ихЪ пища состоитЪ вЪ баранинѣ, говядинѣ, маслѣ, сырѣ, просѣ и прочихЪ крупяныхЪ или мучныхЪ кашахЪ и соломатахЪ. ѣдятЪ такЪ же и мясо палаго скота, верблюжину и лошадинину. ИзЪ проса пріуготовляютЪ различныя кушанья, сЪ водою, молокомЪ, иногда кашею, а иногда вЪ видѣ *пилава*; густую кашу ѣдятЪ очень рѣдко; до хлѣба или до пироговЪ не имѣютЪ почти ни малѣйшаго вкуса, равно какЪ и вЪ рыбей пищѣ, которую однакожЪ изЪ рѣдка употребляютЪ. До курительнаго табаку великіе охотники. Кромѣ воды употребляютЪ они вмѣсто питья молоко, простоквашу, кумысЪ, мясной или рыбной наварЪ, и одинЪ вареной изЪ пшеницы напитокЪ, называемой у нихЪ *бозЪ*, которой они болѣе всего употребляютЪ.

Главнѣйшей ихЪ доходЪ состоитЪ вЪ скотоводствѣ. СкотЪ ихЪ красивЪ, крѣпокЪ и веселЪ; лошади остаются на зиму вЪ степяхЪ; верблюды, рогатой скотЪ, простыя и Калмыцкаго отродья овцы довольствуются зимою небольшимЪ количествомЪ сѣна. Все богатство ихЪ составляютЪ ихЪ стада, которыя состоятЪ изЪ половины овецЪ, четвертой доли лошадей, четвертой доли рогатаго скота и небольшаго количества верблюдовЪ. Богатство свое исчисляютЪ они по числу скота. ЧеловѣкЪ имѣющей у себя около пятидесяти душЪ и могущей сѣять просо, можетЪ жить со всею семьею безЪ малѣйшей нужды и неимущества. ВЪ посредственномЪ состояніи человѣкЪ сЪ пятью стами душами почитается весьма богатымЪ; а сЪ тысячію уже и очень зажиточнымЪ. Мурза имѣющей у себя толикое число душЪ почитается не весьма знаменитымЪ; однакожЪ и самые богатые изЪ нихЪ имѣютЪ у себя очень рѣдко за 4000 или 6000 душЪ.

По скотоводствѣ упражняются они такЪ же и вЪ небольшомЪ земледѣліи, при которомЪ главнѣйшимЪ продуктомЪ почитается просо. Большая изЪ нихЪ часть сѣетЪ его на поляхЪ своихЪ непремѣнно; но часто случается, что всѣ почти орды промѣниваютЪ его для себя на другіе товары. *Кубанцы* вымѣниваютЪ его по большой части у *ЧеркесовЪ*. Многіе изЪ нихЪ сѣютЪ ячмень, изЪ котораго варятЪ для себя нѣкоторой родЪ каши и продаютЪ. ВЪ прочемЪ же вЪ земледѣліи ни мало они не упражняются; но многіе изЪ нихЪ сѣютЪ собственно для себя табакЪ. О льнѣ и пенькѣ нимало они не стараются. Кубанцы имѣютЪ свои поля большою частію не пода-

леку отъ моря по близости зимнихъ своихъ юртъ. Въ нѣкоторыя извѣстныя времена, а особливо послѣ посѣва, удаляются они до верхней Кубани, и возвращаются назадъ уже послѣ жатвы, и поселяются въ зимовыя юрты. Молоченое просо зарываютъ они въ котлахъ въ землю; и пашутъ плугами, запрягая въ нихъ отъ 4хъ до 8ми воловъ

Многіе Татара получаютъ пропитаніе свое въ ордахъ исправляя ремесло кожевниковъ, сѣдельниковъ, скорняковъ, ременьщиковъ, кузнецовъ; такъ же живутъ и въ прислугахъ и помогаютъ въ звѣроловствѣ и птицеловствѣ. Кубанскія орды упражняются большею частію въ грабежѣ людей и скота, къ чему отмѣнную имѣютъ склонность и способность.

Женщины сверьхъ домашняго хозяйства упражняются въ выдѣлываніи овчинокъ, пряденіи шерсти и тканьѣ. Всѣ почти весьма трудолюбивы, но мужья поступаютъ съ ними очень грубо и сурово, по тому что у рѣдкаго больше одной. За невѣсту платятъ простый человѣкъ около двадцати какой нибудь скотины. Мурза же долженъ заплатить отъ 40 до 50; а при томъ жеребца, панцырь, саблю, ружье, лукъ, кафтанъ, и не менѣе двухъ невольниковъ.

Орды сіи торгуютъ боевымъ и табуннымъ скотомъ, кожами, овчинами и саломъ; сами же покупаютъ холстъ, сукно, шелковыя и шерстяныя матеріи; а иногда крупу, масло, просо и прочее.

КУНДУРОВСКІЯ НОГАЙСКІЯ ОРДЫ.

Когда ПЕТРЪ Великій въ 1715 году, покорилъ себѣ отъ Калмыцкаго Хана Аюка Джейбулатскую и Джисанскую Ногайскія орды, учинилъ подвластною Калмыкамъ, которые назначили имъ для кочеванья мѣста лежащія около Ахтубы по лѣвому берегу Волги, и брали съ нихъ небольшую подать, состоящую въ скотѣ, маслѣ и нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасахъ. Но когда въ 1770 году нѣкоторая часть Калмыцкой орды перекочевала съ Волги въ Сооигарію, то Кундоровская орда перешла къ Красноярску и подверглася непосредственно Россійскому престолу, которой назначилъ ей для кочеванья земли, лежащія по Ахтубѣ до самаго Каспійскаго моря, гдѣ они и поселились около 1000 кибитокъ.

Сіи Ногайцы принадлежатъ нѣкоторою частію къ ясачнымъ Татарамъ; но уволены отъ всѣхъ службъ и податей. Между ими находятся нѣсколько Буруmовъ или большой орды Киргизцовъ, которые въ 1758 году съ нѣкоторымъ числомъ Соонгарцовъ соединились.

Кундуровцы какъ вразсужденіи собственныхъ своихъ обычаевъ, домашняго хозяйства, такъ и вразсужденіи грабежа людей и скота во всемъ подобны прочимъ Ногайцамъ, имѣютъ одинакой съ ними наружной видъ, одинакую пищу, одинакія стада, одинакое хозяйство, одинакія орды, и одинакой образъ жизни. Женщины кольца носятъ не въ носовомъ хрящу, но въ которой нибудь ноздрѣ. Зимнихъ юртъ они у себя неимѣютъ, и скотъ свой оставляютъ на всю зиму въ полѣ, не многіе изъ нихъ сѣютъ просо, но питаются большою частію мясомъ и дикими кореньями. Для сего самаго и бѣднѣе они всѣхъ прочихъ; самые богатѣйшіе рѣдко имѣютъ у себя до тысячи различнаго скота; а у многихъ нѣтъ больше и тридцати.

Юрты ихъ похожи на Кубанскія; при переноскѣ не могутъ ни разбираться ни раскрываться. И на арбахъ или телѣгахъ лежатъ они нѣкоторымъ образомъ на подпоркахъ или на перевѣсъ; такъ что одна пара воловъ можетъ очень легко перевесть цѣлую юрту со всею семьею. Поелику юрты ихъ съ телѣгъ не снимаются, то и въ лѣтнее время спятъ они подъ оными. Около такой юрты, коихъ каждая зажиточная семья имѣетъ по 2 или по 3 дѣлаютъ изъ тростника или изъ плетня для скота заборъ. Припечатанное въ заглавіи сей части изображеніе представляетъ сіи странныя жилища.

КАВКАЗСКІЕ НАРОДЫ.

Кавказскія или тѣ самыя горы, которыя занимаютъ пространство между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ, съ Запада склоняются на Востокъ, и въ Южной сторонѣ къ Персіи, а на Сѣверѣ къ Россіи опускаются, получили при странствованіи народовъ, къ коимъ подали поводъ походы Татаръ, по причинѣ крѣпкаго своего и привольнаго состоянія такое множество остатковъ разбѣжавшихся отъ страху своихъ жителей, и столько селеній побѣдителей, что едва ли сыщется въ другой какой столь малой части земли толикое различіе народовъ и языковъ. Тутъ есть потомки Грековъ, Генуезцовъ, владѣвшихъ при Черномъ морѣ около третьяго надесять столѣтія, Персіянъ и иныхъ народовъ. Побѣдоносные Татара какъ будто бы поглотили сіи остатки народовъ, и мало по малу приучили ихъ къ своему житію, нравамъ и вѣрѣ. А какъ они съ ними такъ, какъ и сами между собою чрезъ женидьбы перемѣшались, а по тому и языки свои перепутали и перепортили; то тѣмъ труднѣе нынѣ догадываться, какого кто изъ нихъ племени, а особливо по тому, что они сами въ превеликомъ пребываютъ невѣжествѣ въ разсужденіи бывшихъ съ ними произшествій, и рѣдко кто на своемъ языкѣ писать умѣетъ. Народныя сіи общества не только соблюли отчужденіе свое отъ прочихъ племенъ, но и больше еще, какъ кажется, чрезъ отдѣленія размножились. Всѣхъ ихъ, кромѣ *Грузинцовъ*, называютъ съ давняго уже времени, по сходственности житейскихъ обрядовъ и по примѣтному смѣшенію съ Татарами, Татарскимъ именемъ, а для отмѣны отъ прочихъ Татаръ проименованы они Горскими Татарами, или Тавлинцами, то есть горными людьми, которымъ названіемъ имянуютъ Черкесовъ, Оссетовъ и прочихъ горныхъ народовъ, имѣющихъ въ Кизлярѣ, Терекѣ и по линіи свою торговлю. По елику многіе Кавказцы, такъ же Татара, то вразсужденіи названія горскихъ Татаръ, намѣренъ я описать ихъ здѣсь нѣсколько пространнѣе; по тому что многіе изъ нихъ по происхожденію своему относятся и къ другимъ народамъ.

Грузія, съ принадлежащими къ ней областями, занимаетъ, по *Географическому раздѣленію*, большую половину Южной, а Сѣверную часть къ Западу и востоку составляютъ Кубанцы, Черкесы, Кабардинцы, и прочіе Татара; Восточную же нагорную часть къ

Каспійскому морю занимаетъ Лезгистанъ и Дагестанъ; Восточная часть къ Черному морю принадлежитъ къ Кубани, а Южная къ Грузіи.

Грузинцы и *Лесгистанцы* независимы, и по тому отъ части повелѣваютъ, а отъ части покровительствуютъ разнымъ малолюднѣйшимъ народамъ, или частнымъ ихъ колѣнамъ. Прочіе же состоятъ *подъ покровительствомъ Россіи, Порты* и *Персіи.* Но я намѣренъ говорить здѣсь о тѣхъ только, кои Россіи подвластны. Однакожъ вразсужденіи того, что сіи безпокойныя толпы отъ части перекидываются то на ту, то на другую сторону, и по тому, то другому верьховному Владѣтелю по своему избранію или по принужденію, покоряются; что округи ихъ весьма между собою перемѣшались; и что они, выключая Грузинцовъ, въ устроеніяхъ своихъ не токмо весьма сходствуютъ, но и часто одна на другую ссылаются; не могу я миновать вовсе и прочихъ тамошнихъ народовъ: ибо въ противномъ случаѣ невразумительно бы было мое описаніе; но при семъ случаѣ великую я имѣю помощь въ путешественныхъ наблюденіяхъ Санктпетербургскаго Академика, Г. Гилденштетта.

ЛЕЗГИ.

Грузинцы называютъ ихъ такъ же и *Лекками*. Живутъ они въ *Лезгистанѣ* и *Дагестанѣ*. Земля сія занимаетъ Восточную часть высокихъ Кавказскихъ горъ, коихъ хребетъ къ Востоку и Сѣверу простирается до самаго Каспійскаго моря и составляетъ границу съ Кавказскими, Грузинскими и Персидскими провинціями.

Въ 1739 году при заключеніи между Россіею и Портою мира *Лезги* признаны свободными. По всюду говорятъ они особливымъ своимъ языкомъ, которой называютъ *Лезгинскимъ*; но имѣютъ въ нихъ столь много различныхъ между собою выговоровъ, что многіе изъ нихъ другъ друга ни мало не понимаютъ. *Гильденштеттъ* нашелъ въ нихъ около осьми разныхъ нарѣчій.

Политическое ихъ устроеніе и между самими ими весьма различно. Нѣкоторые изъ нихъ зависятъ отъ выбранныхъ между ими старѣйшинъ; нѣкоторые имѣютъ князьковъ и дворянъ, изъ которыхъ слабѣйшіе ищутъ покровительства у сильнѣйшихъ; а нѣкоторые ни отъ кого не зависятъ.

Лезги болѣе всѣхъ прочихъ Кавказскихъ народовъ склонны къ грабежу и разбоямъ и часто производятъ около Грузіи великія опустошенія Но впрочемъ страннопріимны; нѣкоторые изъ нихъ грабятъ и тѣхъ которые отъ нихъ были угощаемы. Въ Россійскія же границы вбѣгаютъ очень рѣдко. Послѣдуютъ Мугаметанскому закону Суннскаго толкованія.

Домоводство ихъ состоитъ, какъ и у всѣхъ почти Кавказскихъ народовъ, въ земледѣліи, садоводствѣ и скотоводствѣ. Живутъ такъ же и деревнями въ построенныхъ домахъ; а въ нѣкоторыхъ деревняхъ есть для защищенія и башни. Вразсужденіи пищи, одежды и образа жизни имѣютъ они отъ прочихъ Кавказскихъ народовъ; а особливо отъ Калмыковъ великую отличность.

Лезгійская земля *Ауаръ* имѣетъ повелителемъ своимъ *Ауаръ-Хана*, по Лезгински *Нуцахъ*, которой обладаетъ многими улусами и можетъ выставить до 8000 коннаго войска.

Акушской и Кубешской улусы принадлежатъ большою частію *Шайтакскому Усмею*, а частію подвластны Турскому Шахмалу.

Казикюмигскія степи населяютъ Лезги и Кюмики. Казикумигской Ханъ обще съ Ауаръ Ханомъ почитается сильнѣйшимъ. Курельской и Дабестанской улусы принадлежатъ Кубскому Хану, которой титулуется *Фетъ-Али-Ханомъ*. Прочія же земли подвержены между собою сильнѣйшимъ.

ТРУХМЕНЦЫ.

Трухменцы, *Туркоманы* или древніе *Терекеменскія* Татара составляютъ безъ малѣйшей примѣси настоящей Татарской народъ, обитающей изъ давна по восточнымъ и западнымъ берегамъ Каспійскаго моря, и говорящей Татарскимъ языкомъ по Турецкому нарѣчію.

Около половины нынѣшняго столѣтія восточные Трухменцы, бывшіе подъ игомъ Калмыковъ и претерпѣвая угнѣтеніе отъ Персіи намѣревалися подвергнуться Россіи; но Персидскій Шахъ въ томъ имъ воспрепятствовалъ; однакожъ многія семейства перекочевали къ нашимъ Оренбургскимъ и прочимъ Татарамъ. Когда въ 1770 году нѣкоторая часть Калмыковъ бѣжала изъ Россійскихъ степей въ Соонгарію, то Трухменцы освободясь отъ ихъ ига поселилися на восточномъ берегу Каспійскаго моря; а нѣкоторая изъ нихъ часть перешла къ Кавказскимъ Татарамъ.

Восточные Трухменцы обитаютъ теперь Мангистанскія горныя мѣста отъ Каспійскаго моря до Аральскаго, и состоятъ изъ *Айраклıанской* орды, въ которой 5000, и *Такалмугской*, въ которой до 2000 кибитокъ. Большая орда имѣетъ у себя своего *Хана*; а малою управляетъ опредѣленной отъ большой орды Хана *Бей*.

Обитаемая ими земля суха, здорова, но весьма не много имѣетъ пасбищъ, а еще того менѣе дровъ; отъ сего самаго и скотоводство ихъ не очень велико. Но впрочемъ все ихъ богатство состоитъ въ скотѣ. Весь ихъ образъ жизни весьма сходенъ съ Киргизскимъ. Юрты ихъ нѣсколько меньше Киргизскихъ, и часто живутъ они на старыхъ кочевьяхъ прочихъ народовъ, гдѣ только осталися нѣкоторыя укрѣпленія. Они гораздо свирѣпѣе Киргизцовъ, и съ плѣнными своими невольниками поступаютъ несравненно суровѣе.

Стада ихъ состоятъ въ толстохвостыхъ овцахъ, изрядныхъ лошадяхъ Персидской породы, между коими находится довольно и аргамаковъ, которыхъ очень дорого покупаютъ Бухарцы и проводятъ въ Индію; рогатомъ скотѣ; козахъ и верблюдахъ. Продукты ихъ состоятъ большою частію въ сырыхъ кожахъ, овчинахъ и шерсти. Они вымѣниваютъ ихъ на сукна, мѣлочной товаръ, ножи, котлы, и прочія домашнія надобности и щегольства по своему обычаю. Для сего торга пріѣзжаютъ обыкновенно изъ Астрахани въ Мангислакъ по два судна; а по елику пріѣзжаетъ туда на сіе

время такъ же Киргизцы, Хивинцы, Бухарцы и прочїе восточные народы, то сей торгъ весьма прибыточенъ.

Кавказскїе Трухменцы обладаютъ по западному Каспїйскому берегу восточнымъ краемъ Кавказскаго хребта, около *Дербента* и *Утамыша*, такъ же мысомъ Алазаномъ, или Кахетинскою границею до самаго Каспїйскаго моря. Уѣзды ихъ называются: *Куба*, *Алтилара*, *Такусларъ*, Мискудшакъ, Хинаку, *Кусбедахъ*, *Шамахинъ* и Ширванъ. Всѣ признаютъ главнѣйшимъ своимъ владѣтелемъ Али Хана. Четыре же западные Трухменскїя провинцїи, граничащїя съ сими къ западу, принадлежатъ Гуссейнъ-Хану.

Кавказскїе Трухменцы живутъ на подобїе прочихъ Кавказскихъ народовъ малыми и большими деревнями, въ деревянныхъ домахъ; пропитанїе имѣютъ отъ земледѣлїя и скотоводства; а многїе изъ нихъ кочуютъ лѣтомъ по разнымъ мѣстамъ не имѣя у себя настоящаго и непремѣннаго мѣста.

ОСЕТЫ.

Осетская земля частію занимаетъ высоты Кавказскихъ горъ около источниковъ къ сѣверу текущаго Терека до Лезговъ; а къ югу простирается до Кура, Араги, Зана, Балари и Дидиляхвы.

Граничитъ къ востоку съ Кистинцами, къ югу съ Грузіею, къ западу съ Базіанами и Черкесами, а къ сѣверу съ Черкесами и Кистинцами.

Осеты называются симъ имянемъ отъ Грузинъ и Кистинцовъ; а при томъ имянуютъ ихъ такъ же Оссами; Черкесы и прочіе Татара называютъ ихъ *Куши*. Гильденштетъ почитаетъ ихъ остатками преждебывшихъ Половцовъ. Въ языкѣ ихъ довольно находится такихъ словъ, по которымъ можно его считать одного происхожденія съ Пермскимъ; что утверждается такъ же и даваемыми у нихъ мужчинамъ имянами

Числомъ они довольно многолюдны, могутъ поставить около 10000 конницы; имѣютъ у себя князьковъ и дворянство; но никогда не были сильны, но состояли прежде сего подъ владѣніемъ Грузинскаго Царя; нѣкоторые же изъ нихъ уѣзды отдалися подъ покровительство Россіи; а нѣкоторые подвластны прочимъ Кавказскимъ князькамъ. Купно со всею Грузіею приняли они вѣру Греческаго исповѣданія, но при всегдашней необузданности народа вѣра сія у нихъ почти вовсе истребилась, и видны только одни слѣды прежнихъ церквей; новой же вѣры они никакой не приняли.

Осеты почти всѣ стройны, крѣпки, средняго роста, нравомъ грубы, невѣжды, склонны къ грабежу, вѣроломны и весьма лукавы; но вся ихъ злость и разбойничество происходитъ отъ недостатка въ нихъ самовластнаго правительства. Если когда случится имъ учинить набѣги для грабежа въ Россійскія границы, и стоящія на линіяхъ войска въ томъ имъ воспрепятствуютъ и учинятъ должное отмщеніе; то въ такомъ случаѣ признаютъ они надъ собою Россійское господство, чинятъ присягу и даютъ аманатовъ. Если же, паче чаянія, аманаты тѣ умрутъ или убѣгутъ, то дѣлаются они опять непріязненными. Доходы ихъ состоятъ въ томъ же самомъ, что и у прочихъ Кавказцовъ; то есть: въ скотоводствѣ, небольшомъ землѣдѣліи, чрезъ что могутъ они жить безъ всякой нужды; но совсемъ тѣмъ, какъ сами они, такъ и князья ихъ весьма не богаты.

Живутъ они въ небольшихъ деревянныхъ домахъ, составляющихъ нѣкоторой родъ деревень отъ двадцати до ста семей. Деревни ихъ переносятся часто съ одного мѣста на другое. Отъ пяти до пятидесяти деревень составляетъ уѣздъ. Таковыхъ уѣздовъ находится по верхнему Тереку двенадцать, изъ коихъ два принадлежатъ Карталинскому Царю, а десять Россіи. Около рѣки Кура находятся 16 уѣздовъ, состоящіе всѣ подъ Грузинскими Царями или князьями. Одинъ уѣздъ подвластенъ Имеретіи; а одинъ изъ нихъ лежитъ при Терекѣ на самыхъ горахъ.

БАЗІАНЕ.

Земля, называемая Грузинцами Базіаніею лежитъ въ высокихъ горахъ около Малки, Терека и Аргуновъ; и граничитъ къ востоку съ Осетіею, къ югу съ Имеретіею, къ западу съ Авхазіею, а къ северу съ Черкасами. Уезды ихъ суть: *Базіанской*, Бизинцской, Хуленской, Чеченской, Коралчизетской и Боксанской.

Обитатели сихъ уездовъ называются отъ Грузинцовъ Базіанами, а отъ Черкесовъ Чехами. Происходятъ отъ Татарскихъ поколеній и говорятъ Татарскимъ языкомъ по Ногайскому наречію. Прежде сего были они подвержены Грузинскимъ царямъ и держалисе веры Греческаго исповеданія; хаживали къ развалинамъ старинныхъ церквей; по воскресеньямъ ничего не работали; а некоторые праздники отправляютъ и по ныне. Теперь народъ не имеетъ никакой веры; некоторые изъ знатнейшихъ последуютъ Мухаметанскому закону, но неимеютъ ни мечети ни священнослужителей. Обитатели Чехемскаго уезда, называемые обыкновенно *Чехами*, почитаются выходцами изъ Богеміи; но по изследованіямъ Сарептскаго братскаго общества и академика *Гильденштета* выходитъ тому противное; ибо въ томъ случае не переменилибы они древней свой Славенской языкъ на Татарской.

Базіане не весьма многолюдны и находятся теперь въ союзе съ Грузіею и Россіею; некоторые уезды состоятъ подъ управленіемъ Кабардинскихъ князьковъ, которые берутъ отъ нихъ въ подать съ каждаго семейства по одной овце. Живутъ они на подобіе прочихъ Кавказцовъ отъ скотоводства и небольшаго земледелія; но весьма небогаты. Собственные свои продукты, толстой холстъ, войлоки и пр: променивають они на хлопчатую бумагу, холстъ, соль и прочіе мелочные товары, которые получаютъ отъ Кабардинцовъ.

ЧЕРКЕСЫ.

Сами себя и землю свою называютъ они *Адиги*; Россiане же и Грузинцы, такъ же и Татара называютъ ихъ *Черкесами* или *Черкессiанами*, а землю ихъ *Черкасiею*. Германцы имянуютъ ихъ *Черкасами*. Сами по себѣ составляютъ они многочисленной народъ, могущей поставить на войну около 20,000 конниковъ.

Черкессiя лежитъ къ сѣверной сторонѣ Кавказа, и занимаетъ лощины около вершинъ тѣхъ горъ отъ Чернаго моря и по Кубанѣ до устьевъ Терека. Прежде сего и острова на устьяхъ Кубани принадлежали Черкесамъ, отъ чего и назывались они *Адигами*, то есть *Островитянами*. Черкеская земля заключаетъ въ себѣ рѣки Кубань, Куму и Терекъ; граничитъ къ востоку съ Татарскими уѣздами; къ югу съ Авхазiею и Осетiею; къ западу прилегла къ морю; а къ сѣверу имѣетъ у себя Россiйскiя границы. Раздѣляется на слѣдующiе уѣзды: 1 *большая западная*, 2, *малая восточная Кабарда*, которыя раздѣляются другъ отъ друга теченiемъ Терека, жители обоихъ сихъ уѣздовъ называются Кабардинцы. 3, уѣздъ *Бесленской*, 4, *Темургайской*, 5, *Менгехской*, и 6, Адимоской, лежащiе всѣ по Кубанскимъ истокамъ. Климатъ у нихъ умѣренной, земля плодоносная, скотоводство изобильное; а при томъ въ водѣ и дровахъ нѣтъ ни малѣйшаго недостатка.

Черкеские Татара росту полнаго, стройны, предпрiимчивы, честолюбивы, страннопрiимчивы; но при томъ весьма непостоянны и вѣроломны. Въ военномъ искуствѣ довольно смѣлы и свѣдущи, но употребляютъ его большею частiю на отмщенiе своимъ сосѣдямъ. Женщины ихъ вразсужденiи своей красоты, веселости и опрятности, славятся почти передъ всѣми въ свѣтѣ. Лучшая ихъ красота поставляется въ рыжихъ волосахъ, почему многiя изъ нихъ красятъ нарочно у себя волосы красною краскою.

Языкъ ихъ подобенъ Татарскому. Грузинцы и Царь Иванъ Васильевичь ввелъ въ Черкессiи вѣру Греческаго исповѣданiя; но теперь осталися отъ нее одни только признаки старыхъ обвалившихся церквей и сгнившихъ на кладбищахъ крестовъ. Народъ неимѣетъ у себя почти никакой вѣры; и самые Магометане въ законѣ своемъ ни мало несвѣдущи, неимѣютъ у себя ни мулловъ, ни мечетей ни школъ; и очень рѣдкiе читать и писать умѣютъ.

Раздѣляются они на три рода людей; князей, (Беи), дворянство,

Кабардинецъ.
Ein Kabardiner.
Un Kabardinien

Кабардинка
Eine Kabardinerin.
Une Kabardinienne.

(мурзы) и подданныхъ или простой народъ. Подданные отличаются у нѣкоторыхъ владѣльцовъ отъ рабовъ нѣкоторою разностію въ податяхъ и поборахъ. Прежде сего народъ сей подверженъ былъ Грузинскимъ царямъ и Крымскимъ Ханамъ, изъ коихъ послѣднимъ платилъ вмѣсто подати шубы, медъ, молодыхъ юношей и дѣвицъ, которыя принимались отъ нихъ нарочно присланными къ нимъ комисарами. Наконецъ свергнули они съ себя сіе иго и составляютъ нынѣ нѣкоторой родъ республиканскаго правительства, состоящаго подъ начальствомъ Россіи, которой чинятъ они присягу и даютъ аманатовъ; но впрочемъ живутъ въ полной свободѣ по своимъ собственнымъ законамъ, и не платятъ ни какой подати. Князья ихъ находятся большою частію между собою въ войнѣ; побѣжденные зависятъ отъ побѣдителей. Впрочемъ народъ сей смѣлъ, непостояненъ, что для утвержденія границы должна быть на ней непремѣнно воинская сила и замѣчать ихъ движенія. Кабарда подвластна нѣкоторымъ образомъ и Портѣ и состоитъ подъ управленіемъ особливаго Сераскира.

Черкесы не живутъ въ городахъ, но большими деревнями, домы ихъ построены изъ плетня и обмазаны глиною; невелики, но большою частію опрятны. И самые знатные между ими живутъ такъ же очень дурными домами. Жилища свои перемѣняютъ они очень часто и старыя деревни переносятъ на новыя мѣста оставляя прежнія селенія пустыми.

Главнѣйшіе ихъ доходы состоятъ въ скотоводствѣ, а по томъ въ земледѣліи и скотоводствѣ. Въ стадахъ ихъ главнѣйшая вещь овцы, которыя у нихъ и простаго рода даютъ очень хорошую шерсть и волну, которую продаютъ они частію необдѣланною, а частію ткутъ изъ нее толстой холстъ и шерстяныя матеріи. Обыкновеннѣйшая у нихъ пища баранина; изъ овчинъ выходятъ очень хорошіе тулупы. Лошадей держатъ не помногу, но хорошихъ скакуновъ. Рогатаго скота имѣютъ больше; скотъ ихъ не великъ, но здоровъ, веселъ и крѣпокъ. Многіе держутъ у себя козъ, а нѣкоторые и свиней. Одни только богатые люди имѣютъ верблюдовъ; пчелы ведутся у многихъ, и нѣкоторые изъ нихъ держатъ у себя нарочитые пчельники.

На поляхъ сѣютъ большою частію просо; не многіе заводятъ у себя ярогую пшеницу и ячмень. Почти у всѣхъ есть табачныя гряды. Въ садахъ ихъ находятся въ великомъ множествѣ арбузы, дыни и тыквы; но прочихъ плодовъ и огородныхъ растѣній очень мало.

Столъ ихъ опрятнѣе и лучше многихъ другихъ Кавказцовъ; но впрочемъ одинакаго съ ними вкуса. Кромѣ молока и воды пьютъ вареную изъ проса брагу, медъ, а богатые и вино.

Мужское ихъ одѣянїе весьма красиво. Голову брѣютъ оставляя на верху небольшой хохолокъ; бороду такъ же брѣютъ, но усы отращиваютъ, шапки ихъ къ верьху ширѣ, нежели у опушки, которая бываетъ обыкновенно изъ овчинки, и верьхъ украшаютъ какою нибудь вышивкою или кистью. Нижнее платье суконное или шелковое длиною немного по ниже колѣна и подпоясано кушакомъ, и сабельною портупеею. Широкїе портки; сафьянные сапоги. Верхнее платье суконное или шуба. Въ полномъ нарядѣ являются они вооруженными кинжаломъ, саблею, колчаномъ, лукомъ, стрѣлами и огнестрѣльнымъ оружїемъ; а при томъ надѣваютъ на себя панцырь и выѣзжаютъ на богатоубранной лошади. Сверхъ всего накидываютъ они на себя войлочную епанчу такъ, что лѣвая рука ею закрыта, а правая свободна. Народъ сей весьма храбръ и отваженъ. Женская одежда разнится очень мало отъ прочихъ Кавказцовъ. Дѣвицы ихъ одѣваются очень легко и весьма чисто и опрятно.

Продукты ихъ состоятъ большею частїю въ скотскихъ кожахъ, овчинахъ, шерсти, толстомъ суккѣ, войлочныхъ епанчахъ, салѣ, меду, воскѣ, просѣ и прочихъ нѣкоторыхъ мѣлочахъ. Россїанамъ, Кавказцамъ, Туркамъ и Таврическимъ Татарамъ промѣниваютъ они свои продукты на тонкое сукно, разныя матерїи, юфть, сафьянъ, мѣлочной щепетильной товаръ, сахаръ, вино, и прочїя потребныя для одежды и домашняго хозяйства мѣлочи. Весь почти у нихъ торгъ производятъ Жиды и Армяне. Первые покупаютъ у нихъ пригожихъ дѣвокъ для продажи въ Константинополь.

Къ обычаямъ ихъ принадлежитъ и то, что мужчина покупаетъ для себя только одну жену, а неболѣе; однакожъ многїе нанимаютъ еще сверхъ того одну или двухъ побочныхъ женъ на время. Для мертвыхъ глубокихъ могилъ они не копаютъ, но накидываютъ на нихъ кучу земли или каменьевъ. Надъ знатными же насыпаютъ большїе бугры или курганы.

АВХАЗЫ или АБАЗЫ.

Они называютъ себя *Абазами*, а землю свою *Абаза*; Грузинцы же имянуютъ ихъ *Авхазетами*.

Авхазія составляетъ часть Кубани, выключая части принадлежащей Россіи, которая простирается отъ горъ до Чернаго моря. Граничитъ къ востоку со Свенетами къ югу съ Грузинами, къ западу ограничиваюшся Чернымъ моремъ, а къ сѣверу прилегла къ Черкессамъ.

Прежде сего Авхазы подвластны были особливымъ князькамъ, зависѣвшимъ отъ Грузинскихъ царей; но теперь зависятъ частію отъ Порты, а нѣкоторые уѣзды принадлежатъ Кавказскимъ князьямъ. Настоящихъ у себя владѣтелей почти неимѣютъ; но выбираютъ ихъ изъ старшихъ фамилій; однакожъ и тѣ не много имѣютъ у нихъ власти. Въ послѣднюю Турецкую войну оказывали они противъ Россіи непріятельскія дѣйствія; но неимѣли въ томъ ни какого успѣха; и потеряли столичной свой городъ Анапу. По заключеніи же въ 1789 году мира осталися при прежнихъ своихъ обрядахъ и управленіяхъ.

Что касается до вѣры, то примѣтны въ нихъ нѣкоторые слѣды прежняго Христіянства. *Калтатосъ* ихъ представляетъ нѣкоторой родъ первосвященника, и долженъ быть холостой, добрыхъ нравовъ и примѣрнаго поведенія.

Авхазы вразсужденіи нравовъ, обычаевъ, языка, жилища, одежды, вѣры и прочаго весьма сходны съ Черкессами, такъ что ихъ почти и распознать не можно.

КИСТЫ *или* КИСТИНЦЫ.

Обитаемая Грузинами Кистецкая область простирается по сѣверному хребту Кавказа отъ Терека до Сунши; граничитъ къ востоку съ Татарскими и Лезгинскими округами, къ югу съ Лезгинцами и Грузинами, къ западу съ малою Кабардою, а къ сѣверу имѣетъ границею рѣку Терекъ.

Кистинія населена многими небольшими не зависящими другъ отъ друга народами различныхъ между собою нравовъ и обычаевъ; но между тѣмъ примѣчается въ нихъ нѣсколько одинакой видъ, сходное нарѣчіе и не малая во многомъ сходственность. Языкъ ихъ называется Грузинами Кистинскимъ. На Черкесскомъ языкѣ называются сіи народы *Мичкиги*.

Кистинцы живутъ небольшими и другъ отъ друга не подалеку лежащими деревнями, въ коихъ неболѣе какъ дворовъ по двадцати. Во многихъ деревняхъ построены для защищенія женъ, дѣтей и имущества каменныя башни.

Примѣтны въ нихъ слѣды Христіанской вѣры, почитаніе воскресныхъ дней и праздниковъ; имѣютъ они у себя первосвященника, которой долженъ быть человѣкъ не женатой и хорошаго поведенія. Должность его состоитъ въ раздаваніи благословенія и пр.

Упражняются въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ такъ какъ Черкессы и прочіе Кавказскіе народы. А между тѣмъ ѣздятъ за Терекскую линію для грабежа людей и скота. Въ случаѣ сопротивленія и бываемой за ними погони разсыпаются врознь съ великою поспѣшностію и проворствомъ. Козаки остерегаются ихъ чрезвычайно, по тому что часто отгоняютъ они у нихъ лошадей.

Знаменитѣйшіе Кистинскіе народы суть слѣдующіе:

ЧЕЧЕНГИ.

Живутъ въ Кистинской Чеченской округѣ по Аргуну и Тереку, и могутъ поставить до 5000 конницы. Имѣютъ у себя князей и дворянство. Въ 1773 году умертвили они своихъ владѣтельныхъ князей. Языкъ ихъ состоитъ изъ Китайскаго нарѣчія; и въ домашнемъ своемъ хозяйствѣ не имѣютъ они отъ нихъ никакого различія.

Находятся подъ покровительствомъ Россіи и даютъ аманатовъ, которые живутъ въ Кизлярѣ; но часто зависимость свою забываютъ, которая однакожъ иногда имъ напоминается.

ЮГУШИ.

Югуши, или Югушцы живутъ по Камбалеѣ около Терека. Князей у себя не имѣютъ, но выбираютъ для управленія собою старѣйшихъ изъ знатнѣйшихъ фамилій. Въ силѣ и домашнемъ хозяйствѣ сходствуютъ съ Черкессами и подобно имъ, подвластны Россіи. Въ 1777 году оказывали они непріятельскія дѣйствія; но теперь даютъ аманатовъ.

МИЛЬЧЕГИ.

Живутъ въ округѣ сего имяни по Аксаю и Суншѣ въ двадцати деревняхъ, изъ которыхъ въ одной называемой Истесу и состоящей изъ 500 дворовъ находятся теплыя воды. Всѣ они упражняются большею частію въ грабежѣ и разбояхъ.

КАРАБУЛАКИ.

Прежде сего назывались *Югушами*, а сами себя имянуютъ Арштами, и составляютъ не весьма многолюдную толпу народа. Языкъ ихъ состоитъ изъ Кистинскаго и Чеченгскаго наречія. Прежде сего подвластны были Аксайскимъ князькамъ. Но въ 1772 году вошли подъ покровительство Россіи и начали давать въ Кизляръ аманатовъ.

Кисты, Вагской, Ангушской и Шемской округъ, живущіе по Камбалеѣ уже за нѣсколько лѣтъ начали быть лучше подъ покровительствомъ Россіи, нежели Кабардинскихъ князей, и даютъ аманатовъ.

КУМИКСКІЕ ТАТАРА.

Обитаютъ съ Ногайцами на восточной сторонѣ въ песчаныхъ лощинахъ у подошвы Кавказскихъ горъ на правой сторонѣ Терека по Аксаю и Кайсу до Каспійскаго моря. Земля ихъ плодородна и раздѣлена на многія небольшія округи, изъ коихъ знаменитѣйшія суть слѣдующія.

Брагунской, или Барагунской, лежитъ въ низъ по Сунжѣ, обширностію не великъ и имѣетъ двухъ Князей. У нихъ находятся теплыя воды. *Костякъ*, большая Татарская деревня разстояніемъ отъ Кизляра и отъ Каспійскаго моря въ 60 верстахъ принадлежитъ собственному своему Князю. *Ендрейъ* (*Росс: Андреева*) принадлежитъ двумъ Князьямъ. Здѣсь находятся Андреевскія теплыя воды. Въ округѣ сей имѣется 12 подвластныхъ Князьямъ Ногайскихъ деревень. *Терку*, небольшое Кумикское владѣніе принадлежитъ съ нѣкоторыми деревнями одному Князьку, имѣющему титулъ Шамхала, которой прежде всего начальствовалъ надъ всѣми Кумикскими и Лезгинскими округами; но теперь имѣетъ во власти своей Тарку и нѣкоторые Лезгинскіе уѣзды. Тарку состоитъ изъ 1200 дворовъ и семействъ; въ округѣ поселено около 24 деревень Ногайскихъ Татаръ. Подданные Шамхалу живутъ въ двухъ большихъ деревняхъ: *Казаницкой* и *Сунгутѣ*, близь которыхъ находятся нѣсколько малыхъ деревушекъ, изъ коихъ въ каждой живетъ особливой Князёкъ. *Аксай* или Яхсай имѣетъ такъ же собственнаго своего владѣтеля, подъ властію коего находится 8 деревень Ногайскихъ Татаровъ.

Владѣтели Кумикскихъ уѣздовъ живутъ между собою весьма несогласно. Жители всѣ какъ въ наружномъ видѣ, такъ и во нравахъ, образѣ жизни и нарѣчіи весьма великое имѣютъ между собою сходство не исключая и самихъ Ногайцовъ. Всѣ они Татарскаго поколѣнія и состоятъ въ Россійскомъ подданствѣ, даютъ аманатовъ; однакожъ неуправляются Россійскими законами и не платятъ никакой подати. Законъ исповѣдуютъ Магометанской, но великіе въономъ невѣжды. Несмотря на приверженность свою къ Россіи нападаютъ иногда на стоящія по линіи войски, и на теплыя воды; безъ сильнаго прикрытія проѣхать почти не можно.

Главнѣйшее ихъ упражненіе состоитъ въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Сѣютъ они просо, пшеницу, овесъ, ячмень а иногда и

Сарачинское пшено; разводятъ такъ же хлопчатую бумагу, для своего собственнаго употребленія шелкъ; ленъ и пеньку разводить еще не пріобыкли. Рыбы ѣдятъ гораздо больше, нежели прочіе Кавказцы; по чему имѣютъ у себя и рыбныя ловли.

Скотоводство ихъ подобно въ всемъ прочимъ Кавказскимъ народамъ. Между ими живутъ много Армянъ, посредствомъ коихъ промѣниваютъ они свои продукты на потребные для нихъ товары.

АМБАРЛИНЦЫ.

Амбарлинцы, то есть лощинные жители заимствуютъ название свое отъ лощинъ (Перс: Амбаръ) Гилянскихъ горъ, гдѣ они живутъ и раздѣляютъ оныя на шесть Ханскихъ владѣній или уѣздовъ, въ коихъ вообще считается до 2000 душъ. Въ прежнія времена предавались они то тому, то другому владѣтелю; но уже съ давныхъ лѣтъ платятъ дань Персидскому Хану. По природѣ они Персіане, и осталися при видѣ, языкѣ и нравахъ своихъ единоплеменниковъ.

Живутъ на подобіе прочихъ Кавказскихъ народовъ зимою въ небольшихъ деревняхъ; а лѣтомъ кочуютъ въ подвижныхъ и войлоками покрытыхъ юртахъ. Сѣютъ болѣе прочихъ просо, разводятъ хлопчатую бумагу и шелкъ.

ГРУЗИНЦЫ.

Грузинцы, которыхъ области, а именно, *Кахетія*, *Картваллія*, *Имеретія*, *Гурія*, *Мингрелія* и нѣкоторыя другія, занимаютъ мѣста около рѣки *Куры*, или древняго *Кира*, къ Персидскимъ границамъ, и вообще Южныя переднія и среднія Кавказскія горы многолюднѣе правда и сильнѣе всѣхъ другихъ Кавказскихъ народовъ: но они какъ старинные Греческаго закона Христіане, не смѣшались съ Татарами ни въ разсужденіи крови ниже въ языкѣ и вѣрѣ; имѣютъ собственныхъ своихъ Царей, о которыхъ подробнѣйшее описаніе см: въ части IV.

Говоря о разныхъ Кавказскихъ прежде упомянутыхъ народахъ за нужное почитаю сказать еще слѣдующее: разные сіи остатки Европейскихъ и Азіатскихъ народовъ сдѣлались мало по малу и черезъ нѣсколько родовъ по причинѣ одинакаго мѣстоположенія, воспитанія, житія, а особливо чрезъ употребительное у нихъ похищеніе женъ изъ другихъ племенъ, весьма между собою похожи въ разсужденіи наружнаго вида, сложенія и нравственнаго состоянія, по которому они наибольше уподобляются усилившимся тутъ преимущественно *Татарамъ*, но при томъ и отъ другихъ Татаръ много кое чего собственнаго удержали. Кавказцы, считая вообще, росту большаго, статны, больше худощавы, нежели дородны, лицомъ мужчины смуглы, носъ у нихъ сухощавой, глаза малые, вострые и сѣрые, волосы рыжіе или черные. Въ *поведеніи* они веселы, вѣжливы, смѣлы, роскошны, хвастливы въ разсужденіи одѣянія и угощенія, по гордости великодушны и мотоваты; но при томъ суровы, невѣжды, несправедливы, вѣроломны, и склонны къ грабежамъ и мщенію.

Женщины живутъ у нихъ весьма хорошо, и по большой части пригожи, да при томъ вольнѣе и вѣжливѣе другихъ Татарокъ. А особливо *Черкаскія женщины* по справедливости превозносятся похвалами въ разсужденіи красоты, веселости и чистоты какъ во нравахъ, такъ и во вкусѣ. Въ Кавказскихъ горахъ почитаются *рыжіе волосы* отмѣнною для женскаго пола красотою: и потому подкрашиваются особыми мазями.

Число употребительныхъ въ Кавказскихъ горахъ *языковъ*, полагая въ счетъ и весьма отмѣнныя *нарѣчія*, почти не менѣе, какъ и число различающихся между собою народныхъ остатковъ. Иног-

да употребляють и одинакія деревни совсемъ особливой и ближайшей деревнѣ невразумительной языкъ, которымъ, кромѣ одного мѣста, ни гдѣ не говорятъ. Иные же языки и у нѣсколькихъ народовъ въ употребленіи. Вѣроятно кажется, что языки и нарѣчія умножились тутъ отъ усилившагося невѣжества и повсемѣстной рѣдкости письменнаго искуства, такъ же отъ испорченнаго выговору словъ изо всего горла, чрезъ что дѣлаются они такъ нескладны, что иныхъ буквами нашими и выразить ни какъ не можно, а отъ части можетъ быть и отъ нарочной порчи словъ, въ воровскомъ или иномъ какомъ намѣреніи, такимъ же почти образомъ, какъ дѣлаютъ Цыганы, выговаривая слова на изворотъ, перестанавливая буквы, и такъ далѣе. При всемъ томъ думать надобно, что всѣ *Кавказскіе* языки произошли отъ *Татарскаго*, изъ коего много занято словъ во всѣ тамошніе языки: однакожъ въ иныхъ попадается не мало словъ и Финскихъ, въ другихъ Славянскихъ и Италіанскихъ, а въ нѣкоторыхъ и совсемъ неизвѣстныхъ. *Языки* ихъ можно вообще раздѣлить на чистой *Татарской*, *Черкаской*, *Лесгинской*, *Кистинской* или *Чеченгской*, *Грузинской* и *Осетской*.

Татарскимъ языкомъ говорятъ, по разнымъ нарѣчіямъ, *Трухменцы*, *Амбарлинцы*, *Базаны*. и другіе народы. *Черкаской языкъ* употребителенъ такъ же, по разнымъ нарѣчіямъ, у *Черкасъ*, которые говорятъ онымъ всѣхъ чище и пріятнѣе, такъ же у *Чеченговъ* и у другихъ *Кабардинцовъ*. *Лесгинской языкъ*, которымъ говорятъ въ Лесгистанѣ и у многихъ другихъ народовъ, имѣетъ особливо шесть столь разныхъ нарѣчій, что не въ диковину бы было почесть ихъ и совсемъ особливыми языками. Въ немъ слышно наиболѣе Финскихъ и Перскихъ словъ. *Кистинской языкъ*, которымъ кромѣ Кистовъ говорятъ и многія другія народныя общества, но по весьма многимъ нарѣчіямъ, имѣетъ столь много собственнаго, что ни къ какому извѣстному языку причислить его не льзя. *Грузинской языкъ* употребляется не только въ Грузіи, но и у подвластныхъ ей народовъ. *Осетскимъ языкомъ* говорятъ одни только Осеты, на два нарѣчія; и кажется, что онъ произошелъ отъ Персидскаго. *Чехи* или *Богемцы* у Базіанъ говорятъ испорченнымъ и перемѣшаннымъ Богемскимъ языкомъ. О прочихъ же языкахъ или нарѣчіяхъ малыхъ народовъ, коихъ ни къ которому изъ вышепомянутыхъ языковъ причесть не льзя, умалчиваю.

Всѣ Кавказскіе народы могутъ, хотя нѣкоторымъ изъ нихъ трудно набрать и пятдесятъ человѣкъ военныхъ, поставить до ста

тысячь коннаго войска: ибо нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ онаго и тысячь по десяти. Всѣ тамошнія области вообще какъ будто бы составляютъ одно, изъ многихъ малыхъ вельможныхъ правленій состоящее, непорядочное вельможами управляемое государство. Власть обладателей, Хановъ или Мурзъ (Князьковъ) и Беевъ, весьма различна. Нѣкоторые владѣютъ неограниченно; другіе же платятъ сами дань; нѣкоторыя владѣнія наслѣдственны, а другія избирательны. Нѣкоторые князьки осуждаютъ такъ же подданныхъ своихъ на смерть, и поступаютъ съ ними въ разсужденіи имѣнія, судопроизводства, лицъ, службъ и прочаго совсемъ своевольно; другіе напротивъ того почти ни въ чемъ не вольны; и иногда за бездѣлицу, либо и вовсе безъ причины, отрѣшаются, прогоняются, либо и на тотъ свѣтъ посылаются. Иной и мѣлкой дворянинъ больше въ своей деревнѣ имѣетъ власти, нежели нѣкоторые и нарочито знатные Князьки въ своемъ владѣніи.

Владѣльцы почитаютъ всѣхъ мужественныхъ людей своими *гонками*, которые должны во всякое время, и на сколько имъ угодно, на собственномъ своемъ иждивеніи, съ лошадью и со всею бронею, являться въ готовности къ походу и итти туда, куда они ихъ поведутъ. Въ случаѣ *войны* между сосѣдственными державами вступаютъ между собою нѣкоторые Князьки въ разсужденіи своего въ томъ соучаствованія или для своей безопасности въ договоры: всѣ же вообще не только не могутъ согласиться на принятіе какихъ ни есть мѣръ, но и воюютъ еще при всякомъ случаѣ одни другихъ: по чему между ими и не бываетъ почти никогда всеобщаго мира. Неспокойные поступки и грабительства сихъ народовъ, такъ, какъ и собственная безопасность ихъ обществъ, производитъ больше или меньше порядочныхъ *оборонительныхъ договоровъ*. Они присягаютъ своимъ защитникамъ въ лицѣ своихъ начальниковъ, и клянутся не обижать ихъ подданныхъ ни въ разсужденіи жизни, ни въ имѣніи, но поступать съ ними честно, ихъ защищать, и въ случаѣ войны вспомоществовать имъ имѣніемъ и жизнію; да притомъ въ знакъ преданности своей соглашаются иногда платить и небольшую подать, и даютъ по нѣскольку богатыхъ и знатныхъ человѣкъ въ залогъ своей вѣрности, изъ коихъ служащіе къ безопасности Россіи находятся въ Кизлярѣ, Моздокѣ и Азовѣ. Имъ, напротиву того, обѣщается противу непріятелей ихъ оборона и защита. Такимъ же порядкомъ, но по большой части съ платою тягостной подати, отдаются слабые народы подъ покровительство

сильнѣйшихъ Кавказцовъ отъ части добровольно, а отъ части и принужденно. Но сія признанная, присяжная и дачею аманатовъ утвержденная зависимость очень мало ихъ крѣпитъ; а больше они, особливо въ случаѣ войны, поступаютъ единственно по своей склонности, предразсужденію, могуществу и по противустоящей имъ воинской силѣ, не уважая при томъ много ни слѣдствій, ни будущаго: и по тому они перекидываются часто то на ту, то на другую сторону, и ихъ труднѣе представленіями, нежели силою доводить паки до тишины и покорности.

Нѣкоторые изъ сихъ народовъ почти ни какой подати Князькамъ своимъ не платятъ; другіе должны съ терпѣніемъ сносить и то, когда за однимъ разомъ берутъ у нихъ четвертую долю ихъ имѣнія, либо еще и больше; обыкновенная же подать состоитъ въ десятой долѣ отъ всего землею производимаго, въ опредѣленномъ, смотря по мнѣнію, числѣ лошадей и другаго скота, или въ купеческихъ и ремесленническихъ товарахъ, латахъ, оружіи, посудѣ и проч. *Судъ производится* по Турецкому обыкновенію: наказанія часто совершаются своевольно безъ всякаго изслѣдованія дѣла, безъ отплагательства, и слѣдовательно нерѣдко и напрасно.

Кавказцы имѣютъ правда *всегдашнія жилища*, какъ то и необходимо нужно по ихъ многолюдству: однакожъ жизнь ихъ толико нелѣпа, что малымъ чемъ разнится отъ кочевой, къ которой побуждаютъ ихъ и самыя приволья ихъ мѣстъ. Всѣ *живутъ*, какъ мы уже то замѣтили, только въ *деревняхъ*, изъ коихъ въ каждой бываетъ отъ 20 до 50 дворовъ, и при томъ во многихъ по одной каменной башнѣ, которая имъ въ случаѣ непріятельскихъ нападеній служитъ оградою, а женамъ ихъ и дѣтямъ убѣжищемъ. Когда они предвидятъ непріятельскія на себя устремленія, то покидаютъ они свои деревни и уклоняются на неприступныя горы, гдѣ живутъ они въ полаткахъ, не имѣя иногда ни хлѣба, ни обыкновенныхъ своихъ съѣстныхъ припасовъ. По прошествіи опасности не всегда находятъ они деревни свои въ цѣлости, но иногда видятъ только одни пожарища оныхъ: однако сіе нещастіе не за велико у нихъ почитается по тому наипаче, что они и сами переносятъ не рѣдко деревни свои на другія мѣста. Простое *жилье* составляютъ небольшія деревянныя избы; но многія семьи живутъ въ деревняхъ и въ бѣлыхъ войлочныхъ юртахъ. *Княжескія* и *господскія* жилища называются у многихъ *Кабаками*. Они бываютъ больше деревянныя, а каменныя рѣдко, и при томъ всѣ вообще дурно построены

и убраны. Около оныхЪ стоятЪ избы и наметы придворныхЪ людей и слугЪ, конюшни для лошадей, и проч. *Черкасы*, которые во всемЪ до житія касающемся, имѣютЪ преимущество предЪ прочими Кавказскими народами, живутЪ такЪ же получше и наблюдаютЪ вЪ жилищахЪ своихЪ больше, нежели ихЪ соседи, опрятность. *Амбарлинцы* или Лощинные жители имѣютЪ плохо построенныя зимнія деревни; лѣтомЪ же кочуютЪ по примѣру БашкирцовЪ подЪ шатрами, которые однакожЪ больше прикрываютЪ они рогожами изЪ тростнику, нежели войлоками.

Главные промыслы КавказцовЪ состоятЪ вЪ *земледѣліи и скотоводствѣ*: при чемЪ многіе производятЪ такЪ же простыя *ремесленныя работы* и *торги*. ВЪ теплой своей сторонѣ на знаютЪ они ни чего про озимовой хлѣбЪ, а сѣютЪ ячмень, овесЪ, просо, по немногу конопель, табакЪ вЪ изобильномЪ колечествѣ, а вЪ нѣкоторыхЪ мѣстахЪ наибольше *сарачинскаго пшена*. У *Куниковъ* есть такЪ же *сады шелковичныхъ деревъ*, сЪ коихЪ и собираютЪ они шелкЪ. Все родится и даетЪ тутЪ плодЪ изобильно. *Виноградъ* растетЪ вЪ горахЪ самЪ собою, но не употребляется.

Для *скотоводства* есть всякія приволья: но оно по причинѣ малаго между деревнями разстоянія не можетЪ быть велико. ТутЪ не нуженЪ скоту ни домашній, ни зимній кормЪ; хотя вЪ прочемЪ для него и весьма полезно, когда вЪ зимнее время мѣсяца два получаетЪ и дома по нѣскольку корму. *Лошади* мало уступаютЪ АрабскимЪ вЪ красотѣ, рьяности, понятіи и прочемЪ: и для того обЪѣзженая лошадь продается червонцовЪ по сту и дороже; а сіе самое побуждаетЪ тамошнихЪ КнязьковЪ и дворянЪ содержать конскіе заводы. ВЪ число искуствЪ КавказскихЪ лошадей принадлежитЪ и то, что онѣ, когда надобно на нихЪ сѣсть, или слѣзть долой, становятся на колѣни, разумѣютЪ нѣкоторыя слова, и такЪ далѣе.

Кромѣ простыхЪ *ремесленниковъ* есть у нихЪ такЪ же искусные *мастера желѣзнаго дѣла*, которые дѣлаютЪ простые и вороненые сЪ насѣчкою клинки кЪ саблямЪ, широкіе граненые кинжалы, латы, ножи и прочее, все на Турецкой вкусЪ. *Граненые кинжалы* служатЪ кЪ тому, чтобы пробивать сквозь кольцы латЪ, и дѣлаются отЪ части изЪ ядовитой стали, дабы раны были смертоносны. *Желѣзо* покупаютЪ Кабардинцы изЪ Россіи; но нѣкоторые плавятЪ оное и изЪ своихЪ рудЪ. ПорохЪ дѣлаютЪ они на ручныхЪ мельницахЪ. У нихЪ вообще механическихЪ заведеній мало:

однакожъ нѣкоторые Князьки построили у себя Рускими людьми мушныя мельницы. *Женщины* прядутъ, и ткутъ вездѣ холстъ, матеріи изъ хлопчатой бумаги, и простое сукно. Мѣстами попадаются такъ же и настоящіе, но неискусные, ткачи.

Они производятъ торги по большой части посредствомъ Армянъ и Жидовъ съ Россіею, Грузіею, Персіею и Турціею лошадьми, овцами, кожами, мерлушками, саломъ, масломъ, медомъ, воскомъ, разсыпнымъ хлѣбомъ, овощами, хлопчатою бумагою, простымъ и дикимъ шафраномъ, саблями, кинжалами и симъ подобными товарами; а сами берутъ въ оборотъ крушцы, тонкія сукна, шелковыя матеріи и другія рукодѣльныя произведенія, такъ же пушной товаръ, полотно, всякую мѣлочь, сахаръ, и проч. Они обыкновенно товарами мѣняются, а иногда торгуютъ и на наличныя деньги, которыя, по елику собственныя монеты у нихъ не дѣлаются, принимаютъ они на вѣсъ, то есть сколько золото или серебро потянетъ, не взирая на монетную цѣну; червонцовъ же и нѣкоторыхъ другихъ монетъ вѣсъ и цѣну почитаютъ они вѣрными. При всей ихъ склонности къ обманамъ, весьма прибыточно иностранцамъ производить съ ними торги.

Похищеніе людей и скота можетъ почесться почти и промысломъ нѣкоторыхъ изъ сихъ народовъ. Они производятъ оное нарочито явно, и счастливый въ томъ успѣхъ вмѣняется удальцу въ честь и славу. Нерѣдко пріемлютъ и сами Князьки въ таковыхъ хищеніяхъ участіе, или дѣлятъ добычу съ похитителями пополамъ. Они и своимъ сосѣдямъ не спускаютъ, и помощію Лезгинцовъ обижаютъ наипаче Грузинцовъ и Ногайскихъ Татаръ: но сіи послѣдніе и сами не хуже имъ платятъ. Хищеніе ихъ обращается наибольше на *пригожихъ дѣвокъ* и бабъ, которыхъ сами они или ихъ Князьки дѣлаютъ у себя наложницами, или продаютъ Армянамъ, которые перепродаютъ ихъ въ Турецкіе Серали подъ именемъ Христіанокъ. Славный *торгъ Черкасскими дѣвками* оглашенъ правда съ лишкомъ, однакожъ не по пустому. *Клееманъ*, новѣйшій и достовѣрнѣйшій путешественникъ, увѣряетъ въ путешествіи своемъ въ Крымъ, что Черкасы, кромѣ скота, пригоняютъ въ *Каффу* и своихъ дѣтей, и получаютъ за молодую, пригожую рыженькую дѣвку отъ шести до семи тысячь Турецкихъ піастровъ. Но столько могутъ платить одни только богатые, и слѣдовательно такіе люди, у которыхъ вѣрно больше достатку, нежели у тѣхъ мужчинъ, за какихъ бы могли такія дѣвки въ отечествѣ своемъ выйти; по че-

му и могутъ сїи жертвы любострастїя надѣяться по крайней мѣрѣ на то, что житье имъ будетъ не худое. Народу, покупающему женъ, простительнѣе такой поступокъ, нежели намъ, понимающимъ въ супружество соучастницъ во всѣхъ жребїяхъ нашей жизни.

Въ *одѣянїи* не больше у нихъ отмѣнъ, какъ и у насъ. Всѣ носятъ долгое Восточное платье, брѣютъ голову, и оставляютъ нарочито большой хохолъ. На приодѣвшемся чистенько *Кабардинцѣ* бѣлье бываетъ изрядное, штаны широкїя, сапоги сафьянные, долгое шелковое поясомъ подтянутое нижнее одѣянїе, долгое верьхнее платье, у коего рукава съ прорѣхами и закидываются на задъ, изъ тонкаго сукна или шелковой матерїи, богатая скуфейка и плоская шапка, которая въ верьху ширѣ, нежели около околыша. Рѣдко случается, чтобы не былъ у него привѣшенъ къ поясу верьхняго платья кинжалъ, и чтобы онъ не препоясанъ былъ саблею, которая обыкновенно виситъ на ремешкахъ. А когда надобно *вооружиться*, то надѣваетъ панцырь, препоясываетъ саблю, и беретъ копье, лукъ или ружье. Бѣдные шьютъ себѣ одѣянїе изъ бумажной матерїи или сукна собственнаго своего рукодѣлья.

Женское одѣянїе подобно у нѣкоторыхъ больше Татарскому или Армянскому; у другихъ напротивъ того подходитъ оно ближе къ Европейскому. *Кабардинка* носитъ рубаху, штаны, камзолы и кафтаны съ рукавами и безъ оныхъ, зимою шубу, которая достаетъ до самыхъ икръ, серьги, ожерелье, и покрываетъ голову Татарскою фатою (Тастаръ), которою, когда идетъ со двора, занавѣшиваетъ у себя лицо. Весь ихъ нарядъ, смотря по достаткамъ мужей или отцовъ, такъ, какъ и по собственной ихъ суетности, бываетъ весьма неравной цѣны.

Пища ихъ на Татарской вкусъ, только побольше приправляется и получше. Они ѣдятъ и за столами, сидя на стульяхъ. *Горячїе напитки* любятъ и многїе знатные Магометанцы относятъ заповѣдь Мугаметову къ одному только виноградному вину: по чему и употребляютъ водку, медъ и крѣпкое, Аглинскому подобное пиво, которое варятъ сами.

Имъ невозбранно имѣть и многихъ женъ: но они даютъ первой женѣ столь много преимуществъ, что другой и прочимъ бываетъ то обидно: по чему они и имѣютъ обыкновенно по одной только женѣ, а у богатыхъ и по нѣскольку *наложницъ*. *Покупная цѣна* невѣстъ называется у нихъ изъ пышности *подаркомъ*; но при томъ съ такою же точностїю, какъ и у другихъ Татаръ, опредѣ-

ляется. Покойниковъ своихъ пеленаютъ они въ большія простыни, и хоронятъ ихъ безъ гробовъ.

Многіе Кавказскіе народы считаютъ себя всѣ вообще *Мугаметанами*, и причитаются живущіе по Сѣверную сторону горъ, къ *Сунійскому*, а обитающіе по Южную сторону къ *Алійскому* толку. Весьма не многіе изъ нихъ обрѣзываются, какъ и прочіе Мугаметане, празднуютъ пятокъ, содержатъ посты, моются, и приносятъ иногда молитвы, въ которыхъ называютъ Бога не *Аллою*, какъ Татара, но *Дайлою*. У нѣкоторыхъ есть молебныя *храмины* и при нихъ *Муллы* изъ Персіи. Но они за неимѣніемъ школъ въ дѣлахъ до вѣры касающихся чрезвычайно незнающи, и о законѣ своемъ и сами недоумѣваютъ: а по тому и есть у нихъ много признаковъ Христіанской вѣры, но не меньше и языческаго суевѣрія. Почти всѣ *празднуютъ воскресные дни*, хотя и не богослуженіемъ, однакожъ отдохновеніемъ отъ трудовъ. У *Абузанъ* есть первосвященникъ, котораго они называютъ *Калтакосомъ*; онъ долженъ быть холостой и безпорочной человѣкъ, разрѣшать народу послѣ поста на мясо, и проч. *Чанинстагъ* (чистой человѣкъ) у *Кистинцовъ* холостъ же, и имѣетъ пребываніе при нѣкоторомъ старинномъ каменномъ молебномъ храмѣ, въ коемъ, по ихъ сказкамъ, есть такіе истуканы и книги, которыхъ ни кому видѣть не подобаетъ. По окончаніи жатвы посѣщаютъ благоговѣйные люди сего Чанинстага, который тогда закалаетъ у себя какъ будто бы въ жертву много бѣлыхъ овецъ. Мѣстами попадаются надгробные камни со крестами и Христіанскими надписями. Вѣроятно кажется, что сіи остатки заимствуютъ начало свое отъ временъ Греческаго и Византійскаго владычества, такъ же отъ Моравской братіи, и отъ стараній во времена *Царя Ивана Васильевича* о обращеніи таковыхъ невѣрныхъ къ православной Грекороссійской вѣрѣ.

БУХАРЦЫ.

Россійское государство изъ стари имѣетъ въ Сибири весьма многолюдныя *Бухарскія селенія*. Татарскія слободы въ *Тобольскѣ*, *Тарѣ* и *Томскѣ* совсемъ, а въ *Туринскѣ* и *Тюменѣ* по большой части, населены Бухарцами; и при томъ по близости сихъ городовъ, а особливо около *Тары*, живетъ много Бухарцовъ отъ части въ особливыхъ деревняхъ, а отъ части между другими Татарами. Въ *Башкиріи* есть двѣ *Бухарскія волости*; не упоминая о частныхъ Бухарскихъ семействахъ, живущихъ розно по Оренбургской губерніи, такъ же въ Каргалѣ и Астраханѣ, между другими Татарами. Всѣ сіи Бухарскія селенія и разсѣянно живущія семейства составляютъ больше 20000 душъ одного мужескаго пола. Всѣ они произошли изъ Великой *Бухаріи* чрезъ пресселеніе отъ части своихъ родителей, а отъ части и свое собственное.

Городскіе Бухарцы заимствуютъ начало свое отъ оставшихся у насъ Бухарскихъ карвановъ, и получаютъ все еще нѣкоторое приращеніе отъ Бухарскихъ купцовъ и ихъ прикащиковъ, которые назадъ не возвращаются. Деревенскихъ, и между другими Татарами разсѣявшихся Бухарцовъ составляютъ по большой части такіе люди, которымъ удалось избавиться отъ Киргизскаго рабства побѣгомъ въ Россію. Жители обѣихъ въ Башкиріи находящихся Бухарскихъ волостей называются какъ сами, такъ и отъ тамошнихъ приказныхъ мѣстъ, *Сартами*; подъ словомъ же симъ разумѣть надобно караванами путешествующихъ купцовъ. Во время Россійскихъ побѣдъ, послалъ, по здачѣ ихъ, Бухарской Ханъ къ Россійскому Царю Мурзу *Реингула*, который и пробылъ при Царскомъ дворѣ двенадцать лѣтъ отъ части какъ Бухарской ходатай, а отъ части производя отъ себя торги; и какъ онъ ѣхалъ уже обратно въ Бухарію, то мѣста около Уфы понравились ему такъ, что онъ вознамѣрился остаться тамъ на вѣкъ. Тутъ умножился какъ собственной его родъ, такъ и служителей его семейство, да при томъ приходило къ нему и къ потомкамъ его убѣгающихъ отъ Киргизскаго властительства Бухарцовъ столько, что обѣ волости въ 1771 году состояли изъ 50 семей въ Уфской и изъ 52 семей въ Исетской провинціяхъ; не считая многихъ не перечтенныхъ еще выходцовъ.

Не неприлично будетъ упомянуть здѣсь и о томъ, о чемъ

имѣлъ я случай освѣдомиться и самъ отъ караванныхъ людей въ разсужденіи жителей въ самой Бухаріи и ихъ земли; а особливо по тому, что мы производимъ съ народомъ симъ весьма выгодной торгъ, и получаемъ отъ онаго и нынѣ еще изподоволь новыхъ поселянъ.

Великая *Бухарія*, сколько извѣстно, лежитъ отъ Каспійскаго моря и Аральскаго озера въ восточной сторонѣ, и окружена Персіею, Сѣверною Индіею и многими небольшими Татарскими владѣніями. Лежащій при *Амурѣ-Дарьѣ*, главный городъ *Бухара*, отстоитъ отъ Оренбурга, считая прямою дорогою, верстъ на 1500 въ Южновосточную сторону; у торговыхъ же людей, которые идутъ обыкновенно съ навьюченными верблюдами, прибываетъ дороги отъ пяти сотъ и до тысячи верстъ, по тому, что они должны для отысканія кормовыхъ мѣстъ и воды итти стороною. Земля сія лежитъ въ Сѣверномъ склоненіи Индійскихъ горъ, свободно, и при томъ по большой части ровна; но мѣстами есть и горы.

Бухарцы почитаютъ себя чистыми *потомками Уцовъ*, а нынѣшнихъ *Туркомановъ*. Во время воинственнаго странствованія на Западѣ Татаръ остались они въ семъ мѣстѣ и перемѣнили изподоволь, пубуждаемы будучи плодородіемъ земли и благорастворенныымъ воздухомъ, пастушью жизнь на земледѣльческую, а шатры на одномѣстныя жилища.

Въ *Бухаріи* владычествуетъ *Ханъ*, избираемый изъ Ханскаго колѣна; и онъ побольше имѣетъ власти, нежели Ханы сосѣдственныхъ съ сею землею народовъ: однакожъ не совершенно самовластенъ и можетъ быть низлагаемъ. Въ странѣ сей весьма рѣдки такіе случаи, чтобы народъ былъ покоривой, а Ханы бы, чуждаясь пышности и большихъ издержекъ, жили больше собственнымъ своимъ имѣніемъ, нежели государственными поборами.

Кромѣ находящихся въ Алкоранѣ *законовъ*, имѣютъ они еще и особые писменные, которые всѣ вообще посильны, и исполненіе чинится по нимъ безо всякаго отлагательства. Всякъ не взирая ни на разность племени, ни на вѣру, приемлется въ Бухаріи свободно и пользуется, пока живетъ мирно, совершенною вольностію производить всякой промыселъ, какой ему наиприбыльнѣйшимъ покажется: по чему и есть между Бухарцами великое множество Жидовъ, Аравитянъ, Персіянъ, Индійцовъ и иныхъ Восточныхъ странъ жителей; да и Цыганы странствуютъ у нихъ и живутъ подъ шатрами.

Языкъ ихъ почитается, между Татарскими нарѣчїями, красивымъ, хотя и походитъ нарочито на Персидской. Школы ихъ въ такой чести у Татарскихъ народовъ, что молодые изъ нихъ люди, желающїе препроводить жизнь свою въ духовномъ чинѣ, отправляются въ Бухарїю и учатся тутъ, сверьхъ Татарскаго и Арабскаго языковъ, нѣсколько свѣтскому бытописанїю, знанїю о положенїи разныхъ земель и мѣстъ, и сему подобному. Бухарцы сами имѣютъ изрядныхъ священнослужителей; а купцы ихъ говорятъ Арабскимъ языкомъ проворно.

Между *городами* ихъ одинъ только городъ *Бухара* великъ; прочїе же могутъ почесться мѣстечками, которыя мало разнятся отъ большихъ селъ, по тому наипаче, что городскїе и сельскїе промыслы безъ всякаго почти разбору производятся, и не всякъ при своемъ промыслѣ остается. Города окружены стѣнами изъ несженаго кирпича; улицы въ нихъ прямыя; и проведены водопротечные рвы, которые имѣютъ съ рѣками сообщенїе и по тому доставляютъ городскимъ обывателямъ протечную воду.

Наилучшїе ихъ *домы* строятся изъ тонкаго бревенчатаго лѣсу и несженаго, а иные и изъ чистаго кирпича; но велики ни когда не бываютъ. Простыя же избы или хижины выплетены изъ хворосту и обметаны глиною. Въ *покояхъ* подѣланы по Татарскому обычаю очаги и полати, которыя устилаютъ они хорошими коврами. Въ избы ихъ такъ, какъ и въ Индѣйскїя, проходитъ свѣтъ не окномъ, но сдѣланною въ плоской крышкѣ или потолокѣ решеткою, на которую натягиваютъ они сѣть; а во время дожжа, который бываетъ у нихъ весьма рѣдко, совсемъ оную закрываютъ. Жилища ихъ содержатся въ чистотѣ, но не великолѣпны; и въ однихъ только молебныхъ храминахъ и въ Ханскомъ дворцѣ видна позолота, да и то худая. У всякаго двора есть сводомъ складенная печь, у которой устье для поклажи дровъ сдѣлано въ боку, а верьхъ открытъ для проходу дыму и для вѣшанїя хлѣба внутри печи на вколоченные въ стѣну гвозди.

Главные ихъ *промыслы* суть: землепашество, садовое искуство, рукодѣлїя и торги. Въ разсужденїи того, что дожжи бываютъ у нихъ рѣдко, проведены по пашнямъ и садамъ рвы, изъ которыхъ черпаютъ на поливанїе воду. Они трудолюбивы, но слабы; и по тому покупаютъ у Киргизцовъ и другихъ народовъ невольниковъ, и платятъ за дороднаго дѣтину отъ 50 до 100 Бухарскихъ червонцовъ. Сами они не только не похищаютъ людей, но и съ не-

вольниками своими поступаютъ такъ, какъ будто бы съ своими родственниками, и отнюдь не приневоливаютъ ихъ къ обрѣзанію. На пашняхъ своихъ сѣютъ они Сарачинское пшено (Б. Бриншъ), пшеницу (Гандюмъ), овесъ (Дѣвпурсъ), двоякаго рода бобы (Лобя и Бакла), чечевицу (Машъ), нѣкоторой родъ журавлинаго гороху (*) (Ногудъ), Бухарское пшено (**) (Діагара), и особливой мѣлкой родъ пшена же (Конекъ); другихъ же хлѣбенныхъ посѣвовъ никакихъ у нихъ не видно Сѣмена вскорѣ по окончаніи жатвы очищаются отъ колоса въ полѣ же посредствомъ топтанія скотины, которая нарочно для молоки куда надобно загоняется. А понеже скоту ихъ зимній кормъ не нуженъ, то вся солома употребляется на топку печей.

На *садовыхъ* ихъ *поляхъ* ростутъ конопли (Б. Канабъ) для канатовъ и прочаго, простой ленъ (Сагуръ), другой родъ льну же (Индавъ) и Восточной Сезамъ (***) (Б. Кунчукъ), всѣ три для битья масла, табакъ (Тамакъ), марена (****) (Роянъ), нѣкоторый родъ краски, которую называютъ они Мазою, а наибольше стараются о хлопчатой бумагѣ. Бухарской Батманъ хлопчатой бумаги (въ которомъ вѣсу семь пудъ Россійскихъ) покупается изъ перьвой руки, смотря на чистоту, отъ 3 до 5 червонцовъ. Изъ сѣмени хлопчатой бумаги бьютъ они горькое, но весьма хорошее для сженія, масло. Садовыя ихъ поля обсажены обыкновенно во кругъ шелковичными деревами (Б. Тулъ). Въ обыкновенныхъ ихъ садахъ, до которыхъ они великіе охотники, есть много хорошаго овощу, такъ же априкозовъ, персиковъ, гранатъ, пигвъ, винограду, сливъ, вишенъ, тамошняго орѣшнику, почти всѣхъ нашихъ огородныхъ растеній, а особливо дынь, арбузовъ, и разныхъ хорошихъ цвѣтовъ.

Скотоводство ихъ по причинѣ великаго множества селеній не знатное. Они держатъ лошадей, рогатой скотъ, верблюдовъ, овецъ, козъ, и ословъ. Лошади ихъ хороши; а особливо пѣгихъ весьма охотно Индійцы покупаютъ и платятъ за каждую отъ 30 до 80 Бухарскихъ червонцовъ. *Овечьи* ихъ *заводы* большою частію за Аравитянами, которыхъ и стада состоятъ изъ Арабскихъ овецъ, коихъ родъ отмѣнитъ тѣмъ, что толстые хвосты у нихъ подолѣе, а

(*) Cicer arieti num. L.
(**) Holcus fachâratus. L.
(***) Sefamum orientale. L.
(****) Rubia tinctorum.

шерсть мягкая: но при всемъ томъ добротою далеко она не подходитъ къ Аглинской. Съ ягненковъ сихъ овецъ снимаются славныя *Бухарскія мерлушки.* Самыя лучшія, которыя Россійскіе купцы называютъ *волнистыми*, снимаются съ двухнедѣльныхъ барашковъ, и изъ сихъ каждая мерлушка покупается и въ самой Бухаріи по червонцу: и слѣдовательно тулупъ изъ оныхъ станетъ очень дорого. Волосъ на нихъ лежитъ волнисто и отливаетъ отъ чрезвычайной черноты или бѣлизны. На ягненкахъ, которые постарѣе, бываетъ волосъ такъ же еще волнистъ, но выше и не такъ ровно лежитъ; да и лоскъ отъ него уже не таковъ. Овчари безпрерывно кочуютъ въ песчаныхъ степяхъ и живутъ подъ наметами.

Въ городахъ ихъ и деревняхъ есть всякіе простые *ремесленники*, какъ то портные, кожевники, сапожники, красильщики, маслобои и симъ подобные. Въ красильномъ ремеслѣ упражняются по большой части Жиды, изъ коихъ нѣкоторые содержатъ и небольшія для гуртовыхъ рукодѣлій заведенія. Красильщики и кожевники употребляютъ въ дѣло свое орѣшки съ тамошняго орѣшнику. *Бухарскія изъ хлопчатой бумаги матеріи* ткутъ всѣ тамошнія женщины такъ, какъ наши домашній холстъ. *Пищую бумагу* дѣлаютъ они изъ хлопчатой бумаги и коры съ шелковичныхъ деревъ.

Купечество ихъ производитъ торги въ Индію, Персію, Китай, Россію, и въ небольшія Татарскія области. Во всѣ сіи земли странствуютъ они караванами или обществами. По елику они часто бываютъ долго отъ домовъ своихъ въ отлучкѣ, и по тому къ другимъ народамъ привыкаютъ; то многіе становятся напослѣдокъ къ отечеству своему столь непристрастны, что и никогда въ оное не возвращаются.

Торгъ съ Индійцами производятъ они въ *Калутѣ*, ближайшемъ городѣ великаго *Могола*, отстоящемъ отъ Бухары на 750 верстъ, и въ *Молтанѣ*, который хотя и весьма отдаленъ, однакожъ выгоденъ для торговыхъ людей по тому, что по дорогѣ къ нему не только безопасно, но и довольно разходится товаровъ. Индійцы покупаютъ почти однихъ только пѣгихъ лошадей; напротивъ того Бухарцы берутъ изъ Индіи (Б. Гиндостанъ) лучшія противъ собственныхъ своихъ шелковыя и бумажныя матеріи, жемчугъ, пряное коренье, изумруды (Б. Сумератъ), яхонты (Фахрапъ), Индійской Шафранъ и проч. Изъ *Персіи* вывозятъ они бархаты, кушаки (Б. Фота) обыкновенной Шафранъ, и проч. Съ *Китайцами* торгуютъ

они въ *Кашбарѣ* или *Хашхарѣ*, городѣ лежащемъ въ Бухарїи, но состоящемъ подъ Китайскимъ покровительствомъ. Они гоняютъ туда лошадей, овецъ и ословъ; а берутъ отъ Китайцовъ серебро и ревень, которой разпродаютъ въ Персiи. Привозимой же Бухарцами на продажу въ пограничной съ Россiею и Китаемъ городъ *Кяхту*, въ Даурiи, ревень, которой оттуда идетъ въ Россiю, скупаютъ въ *Тибетѣ* и другихъ мѣстахъ Бухарцы, живущїе въ Восточной и большою частїю къ Китайскому владѣнїю принадлежащей странѣ Бухарїи. Небольшїя сосѣдственныя области снабдѣваютъ Бухарцы всякими какъ своими собственными, такъ и иностранными товарами.

Торгъ съ Россiею нарочито для Бухарцовъ выгоденъ, но при томъ и крайне затруднителенъ. Они должны въ Киргизскихъ отъ части безплодныхъ и безводныхъ степяхъ продолжать дорогу обходами и платить за провожанїе Киргизцамъ, съ нѣкотораго времени, за каждаго верблюда, чемъ бы онъ навьюченъ ни былъ, по три червонца товарами: но и при всемъ томъ караваны иногда разграбляются, а купцы попадаютъ въ неволю. Россїйское правительство принуждаетъ правда Киргизцовъ, чтобы они за таковыя похищенїя и грабежи отвѣтствовали: однакожъ Бухарцы часто остаются въ убыткѣ. Въ Оренбургъ, Троицкъ при Оренбургской линiи, и въ Астрахань приходитъ ежегодно нѣсколько каравановъ, въ коихъ бываетъ отъ 100 до 200 верблюдовъ; меньшїе же бываютъ иногда въ Сибири, въ Петропавловской крѣпости, на Ишимской линїи, въ Томскѣ и другихъ мѣстахъ. Самой большой ихъ торгъ производится въ *Оренбургѣ*, гдѣ находится двойной такъ называемой Азїатской гостиной дворъ, въ которомъ занимаютъ Бухарцы нѣсколько сотъ настоящихъ лавокъ для поклажи своихъ товаровъ. Въ 1773 году шелъ въ Оренбургъ состоящїй изъ 900 верблюдовъ караванъ.

Бухарскїе купцы привозятъ наибольше въ Россїю Бухарскїя и Индїйскїя бумажныя и полушелковыя матерїи, простую и пряденую хлопчатую бумагу, готовые и совсѣмъ сшитые халаты, на которые великой росходъ, мерлушки, сушеной овощь, нѣкоторой родъ мѣлкаго изюму (Кишмишъ), иногда цытварное сѣмя (*), дорогїе каменья, золотой песокъ, и невареную селитру; а въ прежнїя времена привозили такъ же горной и самородной нашатырь, и проч. Изъ Россїи напротивъ того берутъ больше красныя сукна, юфть, червецъ, индиго, бисеръ, ножи, проволоку, иглы, всякой щепетинной

(*) Santonicum.

товаръ, а въ Астрахани и Персидской шелкъ. Въ обмѣнѣ верстаются они обыкновенно своими червонцами. Караванъ рѣдко когда стоитъ на мѣстѣ долѣе двухъ мѣсяцовъ; и что въ сїе время непродастся, то оставляютъ Бухарцы своимъ прикащикамъ, которые иногда и напередъ откупаютъ у нихъ товары.

Ханъ чеканитъ *золотую* и *серебреную* монету, но сей послѣдней выходитъ мало, по тому, что у Бухарцовъ нѣтъ своего серебра. Золотая же монета состоитъ по большой части въ *червонцахъ*, которые дѣлаются изъ вымывнаго изъ рѣкъ ихъ золота просто, съ одною только надписью: но вѣсомъ и добротою бываютъ они почти равны Голландскимъ. Въ Бухарїи производятся торги больше на наличныя деньги; да и подати платятся наличными же деньгами. По торгамъ съ Персїянами получаютъ они часто тамошнїе серебряныя деньги: по чему и ходятъ въ Бухарїи Персидскїя *рупеи*.

Въ разсужденїи *пищи* наблюдаютъ они такїя же установленїя, какихъ держатся другїе Музаметане: но ѣствы ихъ лучше и чище приуготовляются, нежели у живущихъ у насъ Бухарцовъ. Мясная пища не столько у нихъ въ употребленїи, какъ отъ царства растѣнїй заимствуемая; и они вообще живутъ просто и скромно. Въ лѣтнюю пору питаются они почти однимъ хлѣбомъ, свѣжимъ овощомъ, арбузами, дынями, виноградомъ и тому подобнымъ; зимою же ѣдятъ обыкновенно сушеной овощь. Они привѣшиваютъ и къ потолокамъ въ избахъ свѣжїй овощь, арбузы, виноградъ и проч. на закуску. Нѣкоторые вырѣзываютъ въ арбузахъ и дыняхъ ямки, которыя начиняютъ изюмомъ: отъ чего происходитъ такой же почти бродъ, какой, бываетъ въ молодомъ винѣ, и плоды получаютъ преизрядной вкусъ. То же самое дѣлаютъ и Татара нѣкоторые въ Астрахани. Главныя же ихъ ѣствы суть кашицы изъ сарачинскаго и простаго пшена, и другїя; а варятъ оныя съ Сезамовымъ или Кунчуковымъ и другимъ поснымъ или скоромнымъ масломъ такъ, какъ и съ молокомъ. *Хлѣбъ* (Намъ) пекутъ про себя пшеничной, а для людей изъ Бухарскаго пшена. Оный состоитъ въ прѣсныхъ лепешкахъ, которыя вѣшаютъ на находящїяся въ печахъ гвозди, либо пекутъ ихъ или подсушиваютъ крѣпко на угольяхъ въ печи. Лакомая ихъ ѣства называется *Меліонъ*, и дѣлается на подобїе нашихъ маковниковъ изъ толченаго маковаго сѣмени съ медомъ и пряными кореньями. Кто поѣстъ *Меліона*, тотъ становится послѣ онаго веселъ и замысловатъ.

Питье ихъ состоитъ въ простокваше, воде, и чаю, которой пьютъ съ Индійскимъ Анисомъ, а наибольше въ свежемъ, еще не бродившемъ, виноградномъ соке.

Они любятъ *упиваться* слегка, чтобъ только поразвеселиться, а иные не гнушаются и перепоемъ: по чему табакъ и опій въ великомъ у нихъ употребленіи. Опій (Б. Авіумъ) приобретаютъ они изъ ростущаго маку, котораго головки надрезываютъ: после чего выступаетъ изъ оныхъ сокъ и засыхаетъ на воздухе. Они обмываютъ напоследокъ такія надрезанныя маковыя головки водою, которую называютъ маковою (Каненаръ Су.). *Бангъ* ихъ больше ни что, какъ женскаго рода конопельные цветы, которые они свежіе или просушеные, смешавъ съ табакомъ, курятъ, а иногда пекутъ изъ оныхъ и небольшіе пирожки: для сего употребленія завертываютъ они ихъ въ капустные листы, и парятъ въ горячей золе; а напоследокъ съ мукою на молоке замешиваютъ, и просушеные только пирожки глотаютъ по одному или по несколько, смотря по тому, больше ли или меньше хотятъ подгулять.

Благорастворенный въ Бухаріи климатъ споспешествуетъ *любви* не меньше, какъ и пьянству. Зажиточные люди имеютъ обыкновенно по две, по три и по четыре жены; и уваръ отъ *Салаба* или *Кокушкиныхъ слезъ* (*), которыхъ крепительная сила не оказывается тутъ такъ, какъ въ холодныхъ странахъ, неверною, употребляется обоими полами не меньше, какъ у насъ кофей. Корень отъ сего растенія сперьва поджариваютъ, по томъ толкутъ на мелко, и варятъ въ воде, которую пьютъ съ сахаромъ точно такъ, какъ кофей. Многіе мужчины, по причине многоженства богатыхъ людей, остаются въ одинакомъ состояніи: но по елику мужья даютъ въ любви преимущество одной которой ни есть жене, и при томъ долго бываютъ въ поездкахъ, а любимыя женщины сами облегчаютъ любовникамъ путь къ соблазну; то редко когда Бухарскому любовнику, при всей наблюдаемой въ разсужденіи поступокъ женскаго пола строгости, и безъ нужныхъ въ прочемъ проводниковъ, сплетокъ и проч. бываетъ неудача; да и сверьхъ того многія одинакія женщины предаются безпутству: по чему и есть у нихъ много въ обоихъ полахъ страждущихъ любовною заразою людей.

Те, которые *льютъ воду* и по тамошнему обыкновенію купаются въ протокахъ, страждутъ часто такъ называемою *Бухарскою*

(*) Orchis ſ. Satirium.

болѣзнію или *волосатикомъ* (Б. *Пишта*), которая уповательно есть та самая, которая у врачей называется: *dracunculus persicus*, или *vena medinensis*. Червь, называемы *волосатикомъ* (*) роется нѣсколько времени за кожею по всему тѣлу, а напослѣдокъ, въ какомъ бы то мѣстѣ ни случилось, выходитъ на ружу съ произведеніемъ нарочито мучительнаго нарыву. Въ прочемъ довольно видано примѣровъ, что онъ къ выходу своему избираетъ, глаза, языкъ, удъ и проч. Больные уцѣпляются за торчащій кончикъ сего червя, и мотаютъ оной, смотря по тому, сколько онъ въ передъ подается, пока напослѣдокъ исподволь всего вытащатъ. Поелику всѣ части сего червя живущи, то отъ прерванія онаго чрезъ усильное вытаскиваніе опасныя бываютъ слѣдствія. Никто не можетъ запримѣтить того времени, когда червь сей врывается въ тѣло. На ружу же выходилъ онъ у нѣкоторыхъ по прошествіи года, въ Россіи и другихъ мѣстахъ. Нѣкоторые страждутъ вдругъ нѣсколькими, другіе многими, но по одиначкѣ выходящими, а иные мучатся въ жизни своей двадцатью и больше таковыми гадинами; да и ни какой возрастъ не бываетъ отъ оныхъ безопасенъ. При всемъ томъ иные люди, хотя купаются и пьютъ воду, никогда бѣды сей надъ собою не видятъ. Другая меньше опасная, но чаще случающаяся болѣзнь въ Бухаріи, есть *угрызеніе* живущихъ во всѣхъ домахъ *скорпіоновъ*. Произходящіе отъ того нарывы лѣчатъ они прикладываніемъ горячей золы и приношеніемъ о исцѣленіи чрезъ духовныхъ людей моленія.

* * *

Бухарцы наши, гдѣ бы они ни были, держатся другъ друга, и соблюдаютъ чрезъ то отчизненные свои нравы. Съ *виду* они походятъ на Казанскихъ Татаръ, однакожъ больше уподобляются Индійцамъ. Они по большой части великорослы и тонки; глаза у нихъ малые; уши большіе отвислые; а волосъ русой, жидкой и прямой. Въ *поведеніи* ихъ оказывается изрядный природный разумъ, честность, вѣжливость, раченіе, умѣренность и опрятность: что произходитъ частію и отъ изряднаго состоянія ихъ школъ. *Языкъ* ихъ есть такой же, какой употребителенъ въ ихъ отечествѣ, то есть Татарской.

Они держатся наблюдаемаго въ отечествѣ ихъ *счисленія времени*. которое двумя годами отстаетъ отъ располагаемаго по Гегирамъ, и называется у нихъ *Терехъ*: а по тому и нынѣшній 1796

(*) Gordius aquaticus, s. medinensis. Linn.

Сибирской Бухаръ.
Ein Sibirischer Buchar.
Un Bouchar de Siberie.

годъ есть по ихъ счисленію 1210, а не 1208, какъ у прочихъ Мугаметанъ. Сверьхъ того раздѣляютъ они лѣта, обще съ Монгалами и Калмыками, по примѣру Римскихъ Олимпіадъ, на *Додекады*, и всякому году, на подобіе нашихъ двенадцати небесныхъ знаковъ, дано по какому ни есть животному названіе. Такіе по животнымъ наименованные годы суть слѣдующіе: годъ *мыши* (Б. Чапскамъ Дилли), *коровы* (Баресъ), *зайца* (Таушканъ), *ящерицы* (Лу), *змеи* (Джилакъ), *лошади* (Елка), *овцы* (Кой), *обезьяны* (Пилшинъ), который есть нынѣшній 1210 ихъ годъ, *петуха* (Таукъ), *пса* (Етть), и *свиньи* (Донгусъ): и сіи названія употребляютъ они обыкновенно, когда о произхожденіяхъ своихъ временъ говорятъ или пишутъ.

Внутреннее *устроеніе* у нашихъ Бухарцовъ, выключая однихъ *Сартъ*, совершенно подобно тому, какое у Казанскихъ Татаръ: у нихъ такія же распоряженія, подати, промыслы, жилища, вѣра, обыкновенія и житейскіе обряды. По елику они, говоря вообще, зажиточны, то и пользуются правомъ *многоженства* такъ, что у нѣкоторыхъ есть и полное число по Алкоранскому дозволенію женъ, то есть четыре. Цѣна невѣсты, смотря по мѣсту, достатку и склонности, простирается отъ 10 до 200 рублей. При *похоронахъ* ихъ бываетъ отмѣнно отъ обрядовъ Казанцовъ только то, что Бухарцы надѣваютъ на покойниковъ мужескаго пола Турецкую чалму, на которую навертываютъ четыре аршина бѣлой холстины.

Въ *одѣяніи* отошли они такъ же не много отъ Казанцовъ. Мужчины оставляютъ на головѣ по хохлу, а на нижней губѣ по маленькой бородѣ; прочіе же волосы выдергиваютъ или выводятъ особливою мазью. Плѣшивую голову покрываетъ вострая, большою частію собранная скуфейка и плоская шапка съ околышемъ. Они обыкновенно оторачиваютъ и суконное верьхнее одѣяніе. *Женщины* ихъ наряжаются точно такъ, какъ и *Казанскія*. Въ Бухаріи носятъ мужчины весьма высокія нѣсколько вострыя, похожія почти на улей шапки съ околышемъ, по которымъ ихъ, когда пріѣзжаютъ съ караванами, легко признать можно. Тамошнія женщины красятъ у себя на рукахъ ногти измятою гвоздикою (Б. Хна) желто; что дѣлаютъ такъ же и прочія, а особливо въ Астрахани богатыя невѣсты.

Сарты въ Уфской провинціи, живутъ, жительствуютъ и поступаютъ во всемъ точно такъ, какъ Уфскіе деревенскіе Татара. Находящіеся же между Башкирцами въ Исетской провинціи Сарты возлюбили паки кочевую жизнь: однакожъ такъ, какъ и Башкирцы,

имѣютъ всегдашнія зимнія деревни. Они заимствуютъ пропитаніе свое больше отъ *скотоводства*; но при томъ, по примѣру Башкирцовъ, которыхъ они держатся, производятъ небольшое *землепашество.* Они не отмѣнны нынѣ отъ сего народа ни въ житіи, ни въ одѣяніи, ни въ обыкновеніяхъ: однакожъ удержали Бухарской свой видъ и побольше склонности къ чистотѣ.

ТАТАРСКІЕ ПОСЕЛЯНА.

Во всякомъ государствѣ бываютъ и при самыхъ лучшихъ распоряженіяхъ негодующіе, непостоянные и къ безумнымъ дѣламъ склонные граждане, которые уповаютъ на чужой сторонѣ сбрѣсти больше вольности, корысти и иныхъ выгодъ, нежели въ своемъ отечествѣ, и по разнымъ причинамъ изъ онаго удаляются. Кроткое правленіе, безпристрастный судъ и расправа, терпѣніе вѣръ, способность къ приобрѣтенію имѣнія, безопасность владѣть нажитымъ, и многія другія выгоды содѣлали *Россію* давно уже убѣжищемъ не токмо склонныхъ къ странствованію, но и огорченныхъ и утѣсненныхъ людей между сосѣдственными народами: и по тому изъ давна уже всѣ новые выходцы находятъ въ семъ государствѣ зажиточныхъ, состояніемъ своимъ довольныхъ, и по всѣмъ обстоятельствамъ благополучныхъ единоземцовъ или ихъ потомковъ, и обрѣтаютъ у нихъ себѣ пристанище и пріятелей, да сверьхъ того такіе же обыкновенно житейскіе обряды, нравы и вѣры, какія ведутся въ прародительскихъ ихъ мѣстахъ. — Сосѣдственнымъ *Татарскимъ народамъ* такъ, какъ и всѣмъ Восточнымъ жителямъ, которые больше Европейцовъ склонны къ перемѣнамъ, и при томъ часто бываютъ подвержены своенравію своихъ Владыкъ и порабощенію сосѣдей, кажется безопасность и благополучіе Россійскихъ Татарскихъ народовъ толико преимущественнымъ, что знатное число добровольныхъ выходцовъ и нынѣ еще ежегодно умножается; да не меньше перебѣгаетъ къ намъ людей изподоволь и изъ Киргизской и другихъ хищныхъ ордъ неволи. И по тому намѣренъ я сообщить здѣсь краткое описаніе и о знатнѣйшихъ обществахъ таковыхъ выходцовъ со включеніемъ, сколько до нихъ касается, сокращенныхъ извѣстій и о тѣхъ народахъ, отъ коихъ они произошли.

Кромѣ частныхъ выходцовъ, которые являются ко всѣмъ въ Россійскомъ государствѣ находящимся Татарскимъ поколѣніямъ, и присоединясь къ онымъ, становятся непримѣтными, есть особливо въ Сибири, въ Оренбургской, Астраханской и Казанской губерніи, кромѣ Бухарцовъ, поболѣе или поменѣе знатныя *селенія Ногайцовъ, Кавказцовъ, Крымцовъ, Персіянъ, Хивинцовъ* и разныхъ другихъ, которыя, смотря по обстоятельствамъ, каждое про себя, или и нѣсколько вмѣстѣ, живутъ, и по примѣру описанныхъ на ряду съ

Финскими поколѣніями *Тептярей* какъ будто особыя составляютъ *колѣна*. Кромѣ находящихся у Тептярей разнаго произхожденія Татаръ, есть такія же перемѣшанныя толпы или общества разныхъ Татаръ въ *Нагайбацкой крѣпости* при *Икѣ*, вышедшей изъ *Камы* рѣки, и во многихъ Сибирскихъ, Оренбургскихъ, и Астраханскихъ пограничныхъ мѣстахъ. Нагайбацкіе Татара приняли уже Грекороссійскую вѣру и вступили чрезъ то еще больше въ союзъ и соединеніе.

О подверженныхъ Россійской державѣ *Ногайскихъ ордахъ* говорено уже выше сего особливо. Кромѣ же тѣхъ находятся еще у Казанскихъ, Уфскихъ, Оренбургскихъ и иныхъ Татаръ, а наипаче у Башкирцовъ, произшедшія частію отъ оныхъ ордъ, а наибольше отъ Крымской и другихъ независящихъ отъ Россійскаго государства ордъ, многія общества, которыя живутъ иногда вмѣстѣ, а иногда и розно, и житейскіе свои обряды мало по малу соображаютъ обыкновеніямъ тѣхъ Татаръ, у которыхъ они живутъ. Еще и лѣтъ за семь до сего поселилось съ дозволеніемъ правительства на верьхней *Сакмарѣ* чистое *Ногайское народное общество*, которое въ Казанской губерніи производило землепашество и имѣло у себя старшиною Мурзу, и разположило жизнь свою по примѣру Башкирцовъ, то есть принялось за скотоводство и содержаніе пчелъ. Изъ *Кавказскихъ народовъ*, какъ состоящихъ подъ Россійскимъ покровительствомъ, такъ и другихъ, перешло не мало людей въ Астрахань, Кизляръ, Моздокъ и вообще на Терекъ и въ иныя мѣста; чрезъ что и сдѣлались они сопричастны выгодамъ сущихъ Россійскихъ подданныхъ. Когда *Усмей-Ханъ* прославившагося знаніемъ своимъ въ натуральной исторіи здѣшняго Санктпетербургскаго Академика *С. Г. Гмелина* во время путешествія его взялъ въ неволю, въ которой онъ 27 Іюля 1774 года и скончался; то онъ предъявлялъ причиною таковаго своего поступка побѣгъ въ Россійское владѣніе нѣсколькихъ сотъ семей изъ его народа.

Персіяна изъ разныхъ странъ Персіи, а особливо съ береговъ Каспійскаго моря, *Баку*, *Салiака*, *Ензели*, *Гилана* и проч. поселились въ нарочито великомъ числѣ, такъ какъ и иные *Аравитяне* въ Астрахани, около Терека и разныхъ Оренбургскихъ городовъ у тамошнихъ Татаръ. Астраханскіе живутъ дружно и держатся обыкновеній отечества. Иные ѣздятъ по торговымъ дѣламъ и обратно въ свою отчизну, и оттуда возвращаются, либо новыми выходцами замѣняются.

Взоръ у нашихъ *Персіянъ* угрюмой, лицо сухощавое и смуглое, а волосъ жидкой. Они смѣлы, вспыльчивы, любострастны, учтивы: но при томъ и крайне корыстолюбивы. Они больше торгуютъ Персидскими товарами; многіе питаются и отъ своего рукодѣлія; а иные содержатъ заведенія для дѣланія Персидскихъ шелковыхъ и полушелковыхъ матерій.

Мужчины носятъ небольшія вострыя бородки; а на плѣшивую голову надѣваютъ высокія и вострыя шапки съ узкимъ околышемъ. У кафтана, который шьется изъ шелковой матеріи, сукна, или инаго чего, дѣлаются около пояса боры, а полы долгія и заходятъ нѣсколько одна за другую; онъ застегивается пуговками, но при томъ и подпоясывается. Къ поясу прицѣпляютъ саблю или кинжалъ. У нихъ такое обыкновеніе, что надѣваютъ вдругъ на себя кафтана по три и по четыре. *Персіянки* наши окладываютъ воротники у рубахъ золотыми снурками. Кафтаны ихъ подобны мужскимъ и носятся такимъ же порядкомъ; но шьются покороче и рукава дѣлаются съ прорѣхами. Волосы завиваютъ они безпорядочно въ кудри и украшаютъ ихъ каменьями. Шапку замѣняетъ Татарская фата. Къ надяру ихъ принадлежатъ равно кольца и перстни, серьги, жемчужныя ожерелья, и ручныя перевязки; а нѣкоторыя носятъ такъ же и въ обѣихъ ноздряхъ по кольцу.

Самое большое число Персіянъ живетъ подъ именемъ *Кызылбашъ* въ Симбирскомъ намѣстничествѣ въ Ставропольскомъ уѣздѣ совокупно, а около Оренбургской линіи, и между Уфскими Татарами разсѣянно. Они по большой части ушли къ нашимъ Татарамъ изъ Киргизской неволи, и состоятъ изъ простыхъ людей или Персидской черни. *Кызылбашъ* есть такое имя, которымъ Киргизцы и другіе Татара вообще называютъ Персіянъ въ поруганіе; чему можетъ быть причиною Персидская разность въ разсужденіи вѣры. *Ставропольскіе Кызылбаши* производятъ *землепашество*; живущіе же при линіи служатъ по большой части у другихъ Татаръ, пасутъ ихъ стада и ходятъ за арбузными ихъ огородами.

Ставропольскіе такъ, какъ и *Нагайбацкіе Персіяна* крестились въ Грекороссійскую вѣру. Всѣ же прочіе содержатъ *Мугаметанской законъ по Алиеву толкованію*, и чрезъ то, выключая частные обряды, сходствуютъ съ прочими нашими Мугаметанской вѣры Татарами въ праздникахъ, пищѣ, счисленіи времени, многоженствѣ, свадебныхъ, похоронныхъ и другихъ обрядахъ такъ, какъ и во всемъ житіи.

Хивинцы, Ташкентцы и *Туркестанцы* живутъ наибольше у Бухарцовъ, да и у всѣхъ прочихъ Татаръ, однако малыми только обществами и вездѣ не въ великомъ числѣ: а по тому они и не очень между собою дружатся, но больше къ инымъ Татарамъ присовокупляются. Они перешли къ намъ отъ части сами, а отъ части еще отцы ихъ, какъ торговые люди: однакожъ не мало ихъ и изъ Киргизской неволи къ намъ спаслось и осталось у насъ на поселеніи. По елику то, что Татарамъ симъ свойственно, трудно бы было у самихъ ихъ отыскивать; то я намѣренъ такъ же, какъ сдѣлалъ и въ разсужденіи Бухарцовъ, поговорить нѣсколько о ихъ поколѣніяхъ, по тому наипаче, что купцы ихъ посѣщаютъ пограничныя наши торговыя мѣста, приходя иногда въ особливыхъ, а иногда въ Бухарскихъ караванахъ.

Хивинцы, которые сами себя называютъ *Хивели*, а отъ прочихъ называются такъ же *Ургенештали* и *Харазами* (странственниками обрѣвшими мясо и дрова), жили въ прежнія времена на рѣкѣ нижнемъ Уралѣ (или старинномъ Яикѣ) гдѣ и нынѣ еще въ 60 верстахъ выше устья *Сарачика*, знатнѣйшаго ихъ города, есть явные примѣты прежняго ихъ тутъ пребыванія. Будучи же оттуда прогнаны, пошли они на Востокъ и поселились въ нынѣшней своей небольшой землѣ, которую сами назвали *Хивою*. Она лежитъ въ Восточной сторонѣ *Аральскаго озера*, и смежна съ Персіею, малою Бухаріею и другими Татарскими областями. Отъ Оренбурга считается до главнаго ихъ города *Хивы* отъ шести до семи сотъ верстъ въ южновосточную сторону кромѣ одного хребта Индійскихъ горъ, который въ Хивинской области изобилуетъ, какъ слышно, не только простыми крушцами, но и самымъ золотомъ, земля тамъ ровная, сухая, однакожъ не безплодная, лѣсомъ скудна, и вообще малой Бухаріи весьма подобна.

Не меньше Хива уподобляется Бухаріи и въ разсужденіи своихъ жителей, гражданскаго ихъ устроенія, вѣры и житейскихъ обрядовъ, но только Хивинцы противу Бухарцовъ утопаютъ болѣе въ невѣжествѣ. Число ихъ полагается до 20000 душъ мужскаго пола. *Ханъ Хивинской* живетъ съ дворомъ своимъ, по Восточному обычаю, великолѣпно, и получаетъ изрядные отъ области своей доходы: но долженъ, хотя онъ и поважнѣе многихъ другихъ Хановъ, на всякъ часъ бояться, чтобы его не свергнули, да при томъ и жизни не лишили. У нихъ еще и примѣра такого не было, что бы Ханъ долѣ осьми лѣтъ правительствовалъ. Чрезъ сіе то самое

перевелось и Ханское ихъ колѣно такъ, что они давно уже избираютъ себѣ Хановъ изъ сыновей или Салтановъ Киргизскихъ Хановъ; а сіи обыкновенно набогатившись довольно, отрекаются за благовременно сами отъ своего достоинства. Славный Киргизскій *Ханъ Абулхаиръ* и прежній *Ханъ Нуръ Галій* были въ молодыхъ своихъ лѣтахъ *Хивинскими Ханами.* По томъ владычествовалъ у нихъ *Хаилъ*, сынъ Киргизскаго *Салтана Базыря.* Область сія, когда еще Трухменцы и Аральцы подвластны ей были, почиталась сильною; нынѣ же принимаютъ они сихъ народовъ въ военное время на жалованье, и по тому всѣ сосѣди, кромѣ Киргизсцовъ, ихъ боятся.

Политическое благоустройство Хивинцовъ подобно во всемъ Бухарскому. Ханъ живетъ по званію своему великолѣпно; имѣетъ гвардію изъ 500 Узбековъ и многихъ служителей, которые всѣ невольники, по тому что вѣроломнымъ Хивинцамъ онъ ни въ чемъ недовѣряетъ; а особливо почитается у нихъ не позволительнымъ быть рабомъ у Хана.

Судопроизводство у нихъ весьма строго и безполезно. Преступниковъ вѣшаютъ они за ноги.

Ханъ бьетъ у себя червонцы на подобіе Бухарскихъ, такъ же серебреныя и мѣдныя мѣлкія деньги.

Они живутъ, какъ и Бухарцы, въ городахъ и деревняхъ. Городовъ у нихъ такихъ, которые познатнѣе, двенадцать. Главный городъ *Хива* выстроенъ при Аральскихъ рѣкахъ *Амударьѣ* и *Улударьѣ*; по чему и довольствуется посредствомъ водопроточныхъ рвовъ свѣжею изъ оныхъ водою. *Строеніе* и разположеніе домовъ точно такое, какъ и въ Бухаріи. Нѣкоторой въ Хивѣ бывшій Россійскій офицеръ полагаетъ Сѣверную широту сего мѣста въ 38 гр. и 30 мин. Въ ней домовъ до трехъ тысячь; и она обнесена четвероугольною стѣною изъ несженаго кирпича. *Скорпіоны* (Х. Чіанъ) водятся и тутъ въ домахъ въ великомъ множествѣ, и немалое причиняютъ жителямъ безпокойствіе.

Пашнями своими и садовыми полями пользуются они такъ же, какъ Бухарцы своими садами. Скотоводство у нихъ такое же или еще менѣе: по чему и покупаютъ они скотину себѣ на убой у Киргизсцовъ и Трухменцовъ. Всякой сырой толкъ должны они уступать Хану по предписанной цѣнѣ. О ткальномъ и красильномъ дѣлѣ очень мало они радѣютъ: и по тому невыдѣланныя свои произведенія промѣниваютъ на Россійскія и Бухарскія маше-

ріи. Торговля ихъ подобна Бухарской, но далеко не столь обширна; и для того Хивинскіе купцы вмѣстѣ съ Бухарскими, а рѣдко съ особливыми, караванами приходятъ въ Оренбургъ и Астрахань.

Въ *одѣяніи*, *лицѣ* и *житіи* совершенно сходствуютъ съ Бухарцами. Обыкновенныя ихъ ѣствы суть: лапша (Х. Оноши), кашица изъ сарочинскаго пшена (Плавъ), блины (Нанъ) изъ пшеничной муки или Бухарскаго пшена (Куза) и невозбранныя по закону мясныя пищи. Про рыбу мало они и знаютъ, по тому, что воды ихъ оною недостаточны. Они упиваются такъ же *табакомъ*, *опіемъ* и *конопельными цвѣтами*.

Въ столичномъ ихъ городѣ погребенъ *Палванъ*, славной и чудотворной святой Мугаметанской; по чему и приходятъ къ нему часто на поклоненіе благоговѣйные люди и изъ далекихъ мѣстъ. Въ складенномъ изъ кирпича притворѣ, гдѣ лежитъ и тѣло сего святаго, хранится книжка, въ коей описано житіе его и содѣянныя имъ чудеса; и она такъ, какъ и мнимыя мощи Палвановы, оберегается тутъ сорокью по міру шатающимися чернецами. На поставленномъ тутъ и столбами подкрѣпленномъ высокомъ шестѣ утверждена въ верху вмѣсто шишки большая клѣтка. Въ самое весеннее равноденствіе покушаются всѣ чернецы взлѣзть по канатамъ въ сію клѣтку: при чемъ многіе обрываются и больно ушибаются. Кто взберется на верьхъ, тому является святой Палванъ во плоти, и надѣляетъ его даромъ пророчествовать. Онъ свергаетъ оттуда свое одѣяніе, которое благоговѣйный народъ раздерзываетъ и нацепляетъ на себя лоскутки въ отвращеніе какихъ то бѣдъ. Знатные Хивинцы, Киргизцы и иные предаются тутъ же погребенію.

Туркостанская область лежащая при Сиръ Дарѣ давно уже лишилась того благосостоянія и могущества, которымъ она въ сей странѣ преимуществовала. Она состоитъ нынѣ въ одномъ только небольшомъ городѣ *Туркостанѣ* и нѣсколькихъ деревень, упражняющихся въ хлѣбопашествѣ, которыя несутъ иго средней Киргизской орды. Городъ сей почитается у всѣхъ Мугаметанъ какъ будто священнымъ; да въ немъ и много Ходжіевъ или святыхъ изъ Мугаметова поколѣнія.

Ташкентская область нѣсколько обширнѣе, и въ самомъ городѣ *Ташкентѣ*, лежащемъ при Сиръ-Дарьѣ, есть около шести тысячь домовъ. Ею управляетъ Ханъ, избираемый такъ, какъ и Хивинской, изъ Киргизскихъ Князьковъ, и состоящій иногда подъ Киргизскимъ, а иногда подъ Соонгарскимъ покровительствомъ.

Обѣ сіи области и живущіе въ нихъ народы, въ разсужденіи естественнаго состоянія, промысловъ, житейскихъ обрядовъ, нравовъ и вѣры, ни мало отъ Бухарцовъ и Хивинцовъ не разнятся; только они по причинѣ угнѣтеній скуднѣе: и по тому торгъ свой производятъ отъ части черезъ Бухарцовъ, а отъ части и сами съ караванами ихъ приходятъ въ Россію и другія мѣста, и оставляютъ иногда своихъ прикащиковъ.

Аральцы живутъ по берегамъ и на островахъ Аральскаго озера. Они составляютъ особое Усбекское колѣно, избирающее независимыхъ своихъ Хановъ изъ Киргизскихъ Князьковъ: но войска коннаго можетъ оно набрать только до пяти тысячь. Городовъ у нихъ нѣтъ, и живутъ они въ одномѣстныхъ деревняхъ. Какъ сами они, такъ гражданское ихъ устроеніе, нравы и вѣра Мугаметанская, не отмѣнны отъ того, что сказано о Хивинцахъ; но по причинѣ безплодныхъ степей скотоводство есть главный ихъ промыселъ. Къ произвожденію торговъ не имѣютъ они случаю: и по тому рѣдко когда попадаютъ въ Россію другіе Аральцы, кромѣ тѣхъ, которымъ удастся отъ Киргизской неволи избавиться бѣгствомъ; и въ такомъ случаѣ пристаютъ они къ какимъ бы то ни было Татарамъ.

О *Трухменцахъ* сказано при описаніи Кавказскихъ Татаръ. Новые выходцы изъ сихъ ордъ перебѣжали всѣ отъ Киргизцовъ и живутъ у нашихъ Кызылбашъ и у другихъ Оренбургскихъ и Уфскихъ Татаръ хотя и разсѣянно, однакожъ въ нарочито знатномъ числѣ.

Великое сходство между *Бухарцами*, *Хивинцами*, *Туркостанцами* и *Таткентцами* въ разсужденіи виду, качествъ, житейскихъ обрядовъ, нравовъ и языка, подаетъ поводъ думать, что всѣ они одноролцы; да и сами они почитаютъ себя отшетившимися колѣнами *Туркостанцовъ*. *Аральцы* и *Трухменцы* имѣютъ много, а *Каракаллаки* еще и больше отмѣннаго отъ примѣтъ помянутыхъ народовъ, и кажется, что они искони уже были особыя орды.

Кара-Каллаки (черные колпаки) называютъ себя сами *Кара-Киптаками* (черные скотоводцы), и живутъ въ мѣстахъ около *Сиръ-Дарьи*, знатной изъ Аральскаго озера вышедшей рѣки, по которой и называются обѣ ихъ большія орды, одна верьхнею, которая обитаетъ въ верьхнихъ мѣстахъ по сей рѣкѣ, а другая нижнею, которая болѣе въ низъ живетъ по оной. Но по томъ обѣ орды имѣли у себя одного общаго Хана и составили одну орду.

До бытія царства Астраханскаго кочевали они въ Низовыхъ мѣстахъ по Волгѣ, но прогнаны отсюда Ногайскою ордою, и подались по примѣру Хивинцовъ не далѣе на Западъ, какъ то сдѣлали прочіе народы, но пошли назадъ на Востокъ къ Сиръ-Дарьѣ. Въ теченіе времени съ 1741 по 1743 годъ искала нижняя орда, состоявшая изъ 300000 кибитокъ или семей, Россійскаго покровительства: но Киргизцы, отъ которыхъ желали они прийти чрезъ то въ безопасность, поступили съ ними столь жестоко, что почти всѣхъ за то истребили; остальные же присовокупились къ верьхней ордѣ, которая отдалась подъ покровительство Соонгарцамъ.

Каракаллаки обѣихъ ордъ раздѣляются на многія колѣна или улуссы, которыхъ начальники называются *Ходжами* или потомками Мугамета, *Шейхами*, *Салтанами*, *Тарханами*, *Бями*, и *Батырями*, и составляютъ разныя степени ихъ дворянства. Они правда подчиненные ордынскаго Хана, но мало оказываютъ ему повиновенія.

Гражданское ихъ устроеніе весьма сходно съ *Башкирскимъ*. Они такъ, какъ и Башкирцы, живутъ въ одномѣстныхъ зимнихъ хижинахъ или мазанкахъ, а лѣтомъ кочуютъ съ подвижными войлочными или изъ тростника сдѣланными юртами и производятъ небольшое землепашество; главное же ихъ дѣло скотоводство. До лошадей они не великіе охотники, но тѣмъ больше любятъ рогатой скотъ, которой употребляютъ какъ въ упряжечныя, такъ и въ верьховыя поѣздки. Между ими есть искусные ремесленники, которые дѣлаютъ ножи, сабли, ружья, котлы, порохъ и проч. и продаютъ все сосѣдямъ, часто и къ собственной своей погибели. Они изрядное имѣютъ свѣденіе о Мугаметанскомъ своемъ законѣ. Къ торговлѣ они такъ же, какъ и къ войнѣ не охотники. Въ случаѣ непріятельскихъ дѣйствій стараются они защищаться изъ за земляныхъ окоповъ. Людей похищаютъ охотно: но сами и чаще еще попадаютъ къ Киргизцамъ въ неволю, какъ то и дѣйствительно рѣдко случается, чтобы между собственными людьми знатныхъ Киргизцовъ не было и Каракалпаковъ, однакожъ по великому сходству житейскихъ обрядовъ обоихъ сихъ народовъ, не столько чувствительно имъ бремя рабства, какъ другимъ: и по тому они мало къ нашимъ Татарамъ перебѣгаютъ.

БАШКИРЦЫ.

Башкирцы какъ сами, такъ и отъ Ногайцовъ *называются Башкурами.* Сіе наименованіе значитъ, по ихъ толкованію, *пчеловодца* (отъ слова Куртъ, пчела), а по Ногайскому главнаго волка. Киргизцы же называютъ Башкирцовъ, *Истяками* или Остяками.

Они и сами выводятъ *породу* свою отъ *Ногайцовъ*; нѣкоторые же писатели утверждаютъ, что они произошли отъ древнихъ *Болгаръ. Абулъ Газы* называетъ *Болгарію* и *Даште Кипчакомъ*; да Кипчакская волость еще и нынѣ есть въ Башкиріи, и при томъ самая большая. Можетъ статься, что они и дѣйствительно Ногайцы, которыхъ приняли въ свое общество прогнанные Болгары. Съ виду по крайней мѣрѣ не совсемъ они на Татаръ походятъ, и земля ихъ, которую старики то Башкирскою, то Пашкатырскою называютъ, есть часть прежней Болгаріи.

Въ прежнія времена странствовали они по Южной Сибири и ея границамъ, подъ предводительствомъ и властію собственныхъ своихъ Хановъ. Но Сибирскіе Ханы притѣснили ихъ такъ, что они перешли въ нынѣшнія свои мѣста, распространились оттуда по Волгѣ и по рѣкѣ Уралу, и покорились Казанскимъ Царямъ.

Нынѣшняя *Башкирія* заключаетъ въ себѣ Южную часть Уральскихъ горъ, около *бѣлой*, между *Камою, Волгою* и рѣкою *Ураломъ*, слѣдовательно Западную Уфскую, и Восточную Исетскую провинцію Уфимскаго Намѣстничества. Сія гористая и крупицами изобильная *земля* имѣетъ плодородныя ровнины, лѣса и рыбныя озера. Она издревле раздѣляется по *Казанской, Уфской, Сибирской* и *Ногайской* дорогамъ.

Когда Царь *Иванъ Васильевичь* Казанское царство разорилъ, то Башкирцы добровольно Россіи покорились: послѣ чего и приказано было для обереженія ихъ отъ Киргизцовъ построить *Уфу*. Они тогда были безсильны, однако скоро оправились, и при томъ не мало такъ же усилились чрезъ принятіе въ свое общество Финскихъ и Татарскихъ выходцовъ, отъ коихъ произошли *Тептяри*. Съ того времени часто они противу Россіи бунтовали, а особливо и вообще въ 1676, 1708 и 1735 годахъ. При всѣхъ смятеніяхъ поступали они безчеловѣчно и всѣ окололежащія мѣста опустошали. Принятыя тогда правительствомъ противу ихъ вѣроломства мѣры крайне были для нихъ погибельны, и благосостояніе ихъ пришло въ

упадокъ: но при всемъ томъ при кроткомъ нашемъ правленіи, по причинѣ привольныхъ своихъ мѣстахъ и соотвѣтствующей онымъ своей жизни, скоро они паки оправлялись. По воспослѣдовавшемъ въ 1741 году преодолѣніи сего народа, построены на рубежахъ Башкиріи, а отъ части и въ нутри оной, разныя небольшія крѣпости, у которыхъ правда ограды и батереи всплошь деревянныя, однакожъ они довольной могутъ чинить отпоръ Башкирцамъ, которые конницею только воюютъ. Въ послѣднее въ 1774 году бывшее безпокойство присовокупились было и они къ поношенію своему и нещастію въ мятежническую шайку, и не прежде, какъ уже по сотреніи оныхъ злодѣевъ, принесли они паки свою покорность.

Изъ давнаго уже времени не имѣютъ они у себя Хановъ; такъ же и дворянство у нихъ въ смятеніяхъ ихъ истребилось. Теперь они подданными Россійской имперіи. Раздѣляются на Ногайскихъ и Сибирскихъ Башкиръ. Первые живутъ въ Уфимскомъ намѣстничествѣ, а послѣдніе по Уралу въ Исетской провинціи. Состоятъ изъ волостей, кои раздѣляются на семь (Аимаку). Каждая волость избираетъ изъ своей братіи старшинъ, коему отъ правительства придается писарь, занимающій должность нѣкотораго рода прокурора. Въ 1770 году считалося Ногайскихъ Башкиръ до 23,882 семей; а Сибирскихъ нѣсколько менѣе. Сверьхъ сихъ находятся и въ Пермскомъ намѣстничествѣ неподвижно живущіе Башкирцы, коихъ считается до 1000 семей.

Разположеніе лица ихъ походитъ на Татарское, но по большой части нѣсколько поплосчае. Они обыкновенно сложеніемъ крѣпче и дороднѣе Казанскихъ Татаръ. Уши у многихъ большія; глаза у всѣхъ малые; а бороды у большой половины русыя. Они одарены отъ природы изряднымъ разумомъ, но онаго не устроеваютъ; отважны, недовѣрчивы, упрямы, суровы, слѣдовательно и опасны. Ежели бы не было за ними строгаго присмотру, то не преминули бы они чинить и грабительствъ.

Языкъ ихъ есть Татарское же, но съ Казанскимъ весьма несходное нарѣчіе. У нихъ, какъ у Мугаметанъ, грамотное знаніе и школы въ употребленіи: что однакожъ суровому сему народу мало пользуетъ; да и самое ученіе преподается у нихъ кое какъ, потому, что они учителей себѣ и священнослужителей выбираютъ изъ своей же братіи.

Подать ихъ состояла съ начала въ небольшомъ полушномъ денежномъ окладѣ; при чемъ такъ же собиралось съ нихъ по неболь-

шому количеству меду, воску и мягкой рухляди. По прекращенїи возмущенїя ихъ въ 1741 году учреждено *состоянїе* ихъ по примѣру *Казацкаго*; и по тому правятъ они службу при пограничной линїи, либо и въ походы по наряду ходятъ: при чемъ сами себя должны снабдѣвать лошадьми, одѣянїемъ и оружїемъ; во всемъ же прочемъ оказывается имъ такое призрѣнїе, какъ и другимъ козакамъ. Поелику въ мирное время малое только ихъ число употребляется въ воинскую службу, то домосѣды платили по 40 копѣекъ подушнаго окладу. Но послѣ сдѣланнаго о соли новаго учрежденїя, снятъ съ нихъ и сей окладъ; а вмѣсто того принуждены они соль, которую прежде даромъ съ озеръ своихъ брали, покупать нынѣ изъ казенныхъ стоекъ.

Во время *военной службы* выбираютъ они старшинъ, такъ же десятниковъ, пятидесятниковъ, сотниковъ, и такъ далѣе, сами; предводителей же полковъ, которыхъ называютъ они атаманами, опредѣляютъ къ нимъ Россїйскїе начальники, избирая ихъ изъ самыхъ лучшихъ старшинъ. Собственное ихъ *оружїе* лукъ (Б. Ша) да стрѣлы (Окъ), такъ же копье (Б. Сунгусъ), латы (Савотъ) и головной щитъ; многїе же ходятъ въ походъ вмѣсто всего того только съ саблями и ружьями или пистолетами, а у иныхъ бываетъ и все вмѣстѣ. Лукъ да стрѣлы, такъ, какъ и калчаны (Садокъ), которые обыкновенно покрываются медвежьею или иною какою кожею, и вмѣщаютъ въ себѣ до 50 стрѣлъ, дѣлаютъ они сами. Латы дѣлаются на подобїе сѣтки изъ желѣзнопроволочныхъ колецъ, и нѣсколько тяжелы, но и дороги: по чему и мало употребляются. Лошади подъ ними бываютъ добрыя; они ѣздятъ на нихъ хорошо и смѣло и стрѣляютъ изъ луковъ исправно: по чему небольшое число Башкирцовъ и одерживаетъ всегда побѣду надъ гораздо большимъ количествомъ Киргизцовъ; да при томъ часто Башкирцы и однимъ полкомъ странствуютъ долго, и не будучи поражаемы, въ Киргизскихъ ордахъ. Какъ по сей причинѣ, такъ и для того, что Башкирцы въ Киргизскихъ степяхъ могутъ пробыть безъ съѣстныхъ припасовъ и прочаго. Наряжаютъ начальники пограничныхъ мѣстъ преимущественно Башкирцовъ, для наказанїя Киргизцовъ за разграбленїе каравановъ или за иныя какїя шалости. Когда Башкирское *войско въ походѣ*, то много тутъ видно кое чего страннаго. Всякїй ѣздокъ надѣваетъ такое платье, какое ему вздумается, и какое сшить себѣ въ состоянїи, только вообще долгое; и всякъ имѣетъ у себя по заводной лошади, которую поберегаетъ для сшиб-

ки съ непрїятелемъ, и накладываетъ на нее только съѣстное, которое состоитъ отъ части въ высушенномъ накрѣпко разсыпномъ хлѣбѣ: по чему и возятъ они съ собою же верьхомъ по нѣскольку жерновъ. У всякой почти сотни есть свой небольшей пестрой значекъ; и сїи значки столько же во всякомъ полку многоразличны, сколько и самое оружїе. Они ѣдутъ верьхомъ безъ всякаго порядку, и располагаются нѣсколько въ ряды только тогда, когда остановятся.

Башкирцы до самаго времени, какъ Россїянами покорены, да и послѣ того еще долго, вели жизнь кочевую; но мало по малу соединили они странственную пастушью жизнь съ сопряженнымъ со всегдашними жилищами землепашествомъ. Нынѣ всѣ они имѣютъ одномѣстныя зимнїя хижины и подвижныя лѣтнїя юрты.

При постройкѣ *зимнихъ деревень* (*Ауловъ*) уважаютъ они больше плодородїе мѣстъ, нежели приволье къ водѣ, по тому, что они довольствуются зимою снѣгомъ. Въ деревнѣ (Б. Аулъ) бываетъ дворовъ отъ 10 до 50. Они срублены изъ бревенъ худо и непрочно, и состоятъ по большой части въ одной избѣ съ плоскою крышкою. Въ нутри разположено все по Татарскому вкусу, но худо. Полати служатъ часто и клѣвами для молодой скотины. Очагъ огороженъ вокругъ шестиками, которые перевязаны и глиною обметаны. Возлѣ онаго закладенъ кирпичами чугунной котелъ. Многїя двери такъ малы, что надобно въ нихъ пролѣзать; свѣтовыя же въ стѣнахъ окна обтянуты по большой части, вмѣсто стеколъ, пузырями, рыбьими кожами или окунутыми въ масло тряпицами. При всякомъ жильѣ есть небольшая четвероугольная кладовая (Б. Кюзю). И самыя молебныя храмины знатнѣйшихъ деревень не лучше построены. Ежели имъ какое нибудь мѣсто въ ихъ странѣ покажется лучше прежняго, то покидаютъ они свою деревню и строятъ новую: и для того по прошествїи нѣсколькихъ лѣтъ тѣмъ труднѣе доискиваться въ разсужденїи названїя ихъ деревень толку, чемъ больше перебывало у нихъ между тѣмъ старшинъ: ибо они по нимъ даютъ и деревнямъ своимъ названїе, какъ на примѣръ, Султанова, Ахметова и такъ далѣе.

Въ *лѣтнихъ* ихъ *деревняхъ* (*Кошахъ*) бываетъ отъ 5 до 20 юртъ (Б. Тырма); и по тому они большїя деревни раздѣляютъ на меньшїе лѣтнїе станы. Юрты ихъ круглы и бываютъ въ поперешникѣ отъ 3 до 5 саженъ. Бока решетчаты вышиною фута въ четыре. На нихъ лежатъ крышечныя перекладины, кои соединяются

въ кругъ, который бываетъ въ поперешникѣ фута въ два: и по тому походитъ всякая ихъ юрта на тупой кегель. Бока и верьхъ покрываютъ войлоками и укрѣпляютъ ихъ арканами. Живущїе въ высокихъ Уральскихъ горахъ Башкирцы строятъ лѣтнїя свои юрты на четыре угла продолговато, на подобїе нашихъ дворовъ, и покрываютъ ихъ берестою, по тому, что овецъ держатъ мало. По срединѣ таковой ихъ юрты виденъ очагъ съ тaганомъ, или висящею для котловъ цепью.

Въ *Пермїи*, въ Кунгурскомъ уѣздѣ, есть между тамошними Казанскими Татарами двѣ небольшїя *Башкирскїя волости*, коихъ жители за недостаткомъ чистыхъ полей живутъ во всегдашнихъ весьма хорошихъ деревняхъ, которыя совершенно подобны прочимъ Татарскимъ деревнямъ.

Домашнїй скарбъ Башкирцовъ, (выключая Кунгурскихъ, о коихъ теперь только упомянуто) столь скуденъ, да и вся ихъ жизнь такъ мерзостна, что такому богатому, какъ они, народу, ни мало не соотвѣтствуетъ. Полати и полы въ молебныхъ ихъ храминахъ усланы войлоками; ковры же и тюфьяки рѣдко у нихъ видны. Кромѣ чугунныхъ котловъ, заводны они только деревянною и берестовою посудою, и кожаными мѣшками; а каменная или крушцовая посуда и прочее рѣдко у кого бываетъ. Во всѣхъ почти хижинахъ есть и деревянныя ступы (Киле), которыя въ разсужденїи крупянаго и мушнаго дѣла замѣняютъ мельницы; да они же употребляются къ выполакиванїю конопель, и къ другимъ симъ подобнымъ дѣламъ. Въ иныхъ деревняхъ есть такъ же при ключахъ небольшїя *водяныя мельницы*, съ утвержденными горизонтально въ стоячїй валъ жернова шестью или осмью лопатами. Башкирцы называютъ ихъ *Тернозами*, а *Россїане Мутовками*; и для приведенїя таковой мельницы въ движенїе довольно бываетъ и самаго малаго ключа, по тому, что они проводятъ воду корытомъ такъ, что она паденїемъ своимъ въ низъ на одинъ или на полтора фута касается краю водяңаго колеса, или плоскостей концовъ лопатъ, которыя длиною бываютъ только фута въ полтара. А гдѣ нѣтъ такихъ мельницъ, тамъ есть во всякой хижинѣ ручная мельница или жерновы, которыя состоятъ изъ двухъ дубовыхъ кружковъ, изъ коихъ каждой въ поперешникѣ будетъ фута въ полтора, а толщиною пальца въ четыре. Въ обѣ плоскости сихъ кружковъ или обрубковъ наколочены кусочки отъ разбитыхъ чугунныхъ котловъ часто и такъ, что они не больше, какъ только линїи на двѣ торчатъ выше вну-

шренней поверьхности кружковъ. По самой серединѣ нижняго кружка утвержденъ стоймя деревянной гвоздь, а въ верьхнемъ сдѣлана по серединѣ дыра пространнѣе нежели для гвоздя надобно. На верьхней же плоскости верьхняго кружка укрѣпленъ возлѣ краю стоймя деревянной гвоздь, который служитъ рукояткою. Когда надобно молоть, то подстилаютъ они подъ такія жерновы покрывало, и изподоволь сыплютъ хлѣбъ въ дыру верьхняго кружка; а по томъ обращаютъ его около гвоздя такъ, какъ около оси. Перемолотой хлѣбъ сыплется съ нижняго кружка на покрывало, и какъ крупа тотъ часъ годится къ употребленію; буде же надобна имъ мука, то сѣютъ они сквозь сито и перемалываютъ опять крупное до тѣхъ поръ, пока останутся одни отруби.

Главный промыселъ Башкирцовъ есть *скотоводство*; но при томъ упражняются они нѣсколько въ *землепашествѣ, звѣриной ловлѣ* и добываніи крушцовъ, гдѣ есть изобильныя оными горы. Они могутъ назваться привычными, щастливыми и богатыми скотоводцами; да они и имѣніе свое считаютъ по величинѣ своихъ стадъ или табуновъ. *Лошадиные заводы* всему у нихъ предпочитаются, по тому, что они заимствуютъ почти отъ нихъ единственно всѣ прямыя свои надобности, какъ на примѣръ верьховыхъ лошадей, молоко, мясо; изъ шкуръ шьютъ они себѣ платье и сосуды, а изъ волосу дѣлаютъ веревки и прочее. Число *овецъ* почти соотвѣтствуетъ у богатыхъ числу лошадей, или и превозходитъ оное, однако малымъ чемъ. *Рогатаго* же *скота* держатъ богатые въ половину противу лошадей. Почти у всѣхъ есть небольшія *козьи стада*. Зажиточные люди держатъ по нѣскольку и *верблюдовъ*. Свиней почитаютъ они, какъ Мугаметане, погаными; а дворовой птицы не умѣютъ зиму продержать. Рѣдко и у простаго человѣка бываетъ меньше 30 и 50 лошадей; многіе имѣютъ оныхъ до 500, богатые до 1000, а иные до 2000 и свыше; чему соотвѣтствуетъ число и прочаго скота. Но Башкирцы не объ одномъ только скотоводствѣ стараются: они не меньше *радѣютъ* и о *пчелахъ*. Всякъ имѣетъ хотя нѣсколько, а иные и до двухъ, трехъ, четырехъ и пяти сотъ ульевъ.

Лошади ихъ и *рогатой скотъ* Рускаго роду; слѣдовательно какъ тѣ, такъ и сей росту посредственнаго, но при томъ бодры и весьма крѣпки. У многихъ изъ ихъ лошадей шерсть склочивается и завивается подобно какъ у барановъ. Большая половина *овецъ* ихъ Калмыцкаго роду, съ жирными хвостами, большими головами и пови-

слыми ушами (*). Нѣкоторые, а особливо кто поскуднѣе, держатъ для лучшей шерсти Россiйскихъ или короткохвостыхъ овецъ, а у иныхъ бываютъ и оба рода вмѣстѣ. Они не взирая на жестокую и продолжительную зиму не даютъ скотинѣ ни какого корму, и по тому она сама достаетъ себѣ изъ подъ снѣгу увядшую и вымерзшую траву и мохъ. Однимъ только чрезвычайно слабымъ или очень тяжелымъ скотинамъ даютъ они для подкрѣпленiя ихъ силъ нѣсколько сѣна. *Верблюдовъ*, которые должны такъ же промышлять себѣ кормъ, обшиваютъ они ветхими войлочными покрывалами. Всякая скотина становится подъ весну крайне тоща и слаба: по чему и пропадаетъ у нихъ оной не мало отъ голоду, стужи и нападенiя хищныхъ звѣрей; а особливо, когда послѣ оттепели и послѣдовавшей за нею стужи покроется снѣгъ черепомъ. Съ такою же безпечностiю предоставляютъ Башкирцы природѣ и самой приплодъ своего скота. Жеребцы, быки и козлы всегда ходятъ вмѣстѣ съ кобылицами, коровами и козами. Однакожъ иные и холостятъ излишнихъ самцовъ; а прочiе совсемъ ихъ не трогаютъ, слѣдовательно и самыхъ худыхъ не отлучаютъ. При всемъ томъ самки рѣдко приносятъ плодъ не въ надлежащее время; чему причиною отъ части и изтощенiе силъ въ продолжительное зимнее время. Въ лѣтнюю же пору бываетъ всякой у нихъ скотъ не только бодръ, но и тученъ. Для лучшаго удою держатъ они жеребенковъ и телятъ весь день у юртъ своихъ на арканахъ, и припускаютъ къ матерямъ только на ночь. Они примѣтили, что вскормленные такъ скудно жеребенки и телята гораздо лучше переживаютъ зиму, нежели тѣ, которые будучи на волѣ, высасываютъ одни все молоко. *Пчеловодство* ихъ во всемъ подобно Польскому. Они такъ же держатъ бортни на деревахъ, на которыя взлѣзаютъ по обвитой около дерева и ихъ тѣла веревкѣ, вырѣзываютъ соты, и такъ далѣе.

Ровныя мѣста и открытыя долины въ Башкирiи изобильны самыми плодородными *пашнями*, на которыхъ и при нерачительномъ обработыванiи безъ всякаго удобренiя бываетъ урожай въ десять кратъ и больше противъ посѣву. Но хотя Башкирцы съ давнихъ уже временъ упражнялись нѣсколько въ землепашествѣ: однако они при всемъ томъ, почитая промыселъ сей съ лишкомъ для себя тягостнымъ, а хлѣбъ не необходимою надобностiю, мало въ земледѣлiи успѣваютъ: по чему и поощренiя правительства, которое нѣ-

(*) Ovis laticauda. Linn.

сколько уже лѣтъ жалуетъ наирачительнѣйшимъ Башкирскимъ земледѣльцамъ алые праздничные кафтаны и другія вещи въ награжденіе за сіе ихъ раченіе, мало и тихо дѣйствуютъ. Многіе и совсемъ за землепашество не принимаются; а иные сѣютъ по близости деревни десятинахъ на двухъ хлѣбъ и по немногу конопель: но ни у кого больше осьми десятинъ въ посѣвѣ не бываетъ. Они такъ же, какъ и Бухарцы очищаютъ сѣмена отъ соломы топтаньемъ крупной скотины, на которой разъѣзжаютъ верьхомъ по сжатому хлѣбу.

Звѣриная ловля, къ которой лѣсистыя ихъ горы весьма привольны, производится большою половиною народа только для забавы, а скудными и для пропитанія. Они ходятъ на промыселъ сей съ простыми своими собаками, которыя походятъ на настоящихъ гончихъ, съ учоными беркутами (*) съ силками, прочими звѣроломными орудіями.

Къ произвожденію *рудоколнаго дѣла* не имѣютъ они ни свѣденія, ни раченія: однакожъ нѣкоторые умѣютъ разпознавать простыя руды и упражняются въ отыскиваніи хорошихъ слоевъ. Ежели какая ни есть Башкирская волость имѣетъ въ околицѣ своей мѣдную или желѣзную руду, то продаетъ изобильныя оною горы съ довольнымъ пространствомъ лѣсовъ, Россійскимъ заводчикамъ на нѣкоторое время, и обыкновенно на шестдесятъ лѣтъ. По прошествіи сего времени беретъ волость за себя такія мѣста обратно, ежели заводчикъ вновь ихъ не откупитъ. Въ *Перміи* строятъ нѣкоторыя *Башкирскія рудоколни* сами и ставятъ мѣдныя руды на ближайшіе заводы по разположеннымъ, смотря по тому, сколь выходна руда, цѣнамъ. Ни единой Башкирецъ, и вообще ни одинъ Татаринъ, не работаетъ ни когда ни въ своемъ, ниже въ другихъ какихъ рудникахъ, по тому, что работа сія не по гордости ихъ и не по силамъ: однакожъ многіе изъ нихъ получаютъ небольшую прибыль отъ перевозу рудъ на заводы.

Работы сіи такъ, какъ и домашнія исправы разныхъ надобностей, мало занимаютъ у нихъ времени; и по тому мужчины большую половину зимы передъ очагомъ за трубкою табаку, а лѣто за кумызомъ въ калякальѣ препровождаютъ. *Женщинамъ* напротивъ того тѣмъ *больше дѣла*, а особливо въ лѣтнюю пору. Они доятъ великое множество кобылицъ и коровъ въ день по нѣскольку разъ, дѣлаютъ на зиму масло и сыръ, провѣтриваютъ мясо, вялятъ ры-

(*) Falco fulvus. Linn.

бу, выдѣлывают кожи, шьют платье, ткут кропивной и пеньковой холст, валяют войлочныя покрывала, и так далѣе.

Мягкую рухлядь вымачивают они в кислом молокѣ, намазывают мозгами от скотин, и натирают мѣлом. Для *молошных мѣшков* выдѣлывают они верблюжьи, лошадиныя и бычачьи кожи, разпяливают их на сведенные к верьху востро шестики, покрывают войлоком и ставят на курево, которое содержат они в вырытой в землѣ ямкѣ, подкладывая гнилое дерево или коровiй кал, до тѣх пор, пока кожа сдѣлается рогу подобна; на что требуется времени дней около осьми. Большiе *молошные мѣшки* (Б. Сава) сшивают они еще до прокуриванiя жилами или конским волосом. Они подобны видом кеглю, а мѣрою бывают ведер в пять и в шесть. Мѣшки сiи имѣют обыкновенно мѣсто свое по правую сторону у входа в их жилище; и как они сами собою сваливаются, то потягивают их на веревках в верьх. *Малые мѣшки* (Б. Турсук) служат дома и в пути вмѣсто бутыль. Они дѣлаются из содранной с лошадиной головы шкуры на подобiе груши Гдѣ шкура на шеѣ отрѣзана, там вставливается дно из другаго куска; рот служит устьем и шейкою сосуда, а уши, которыя в цѣлости оставляются, рукоятками. А дабы мѣшки сiи имѣли желаемое подобiе, то набивают они их золою и песком, и по том коптят. Таким же образом дѣлают они и небольшiе кожаные дойники. Как мѣшки, так и другiе их кожаные сосуды никогда совсем не отмакивают, и при том легки и прочны: но хотя бы кто и не побрезговал тѣм, что они дѣлаются по большой части из шкур падальщины; однакож они и без того гнусны, по тому что скоро от держанья чернѣют и пахнут так, как и находящееся в них молоко или иное что, мертвечиною.

Холст ткут они больше из *кропивы*, а иногда и из *пеньки*: но всегда претолстой и узкой. Они ни кропивы ни конопель в водѣ не вымачивают, но развѣшивают осенью и зимою на заборах или разстилают на кровлях; послѣ чего крѣпко сушат и очищают толченiем в ступах. Прядут они всегда праслицами. *Ткальные* их *станы* посовершеннѣе тѣх, какiе у Оренбургских Татарок. Основа навертывается около утвержденнаго стоймя в скамью шеста. Навой ходит в двух между полом и потолоком ущемленных шестах, гребенка из деревянных спичек, а ниченки из конскаго волосу, и прикрѣплены к потолоку.

Для пригнѣтанія сихъ послѣднихъ есть подножки, прикрѣпленныя къ веревкамъ, или дѣлается только у веревокъ петля, въ которую ставится нога. И по тому не могутъ они такъ, какъ Тобольскія Татарки, съ тканьемъ своимъ вездѣ носиться. Такимъ же образомъ ткутъ они толстое узкое сукно, которое валяютъ, употребляя къ тому мыло собственнаго своего варенія; а иногда и красятъ оное сами. Холщевое и шерстяное одѣяніе шьютъ они кропивными или изъ пеньки прядеными нитками, а шубы и кожаную одежду изщепанными *жилами*, которыя вытаскиваютъ они изъ ногъ всякой крупной дворовой скотины; отрѣзываютъ же ихъ длиною въ пядень, и высуша на вольномъ воздухѣ, колотятъ до тѣхъ поръ, пока изщеплются; послѣ чего разбираютъ и ссучиваютъ такъ чисто, что нигдѣ не примѣтно узолковъ.

Войлоки свои, которыхъ много надобно имъ на покрышки юртъ, на подстиланіе подъ себя, на бурки или епанчи, на сѣдельныя покрышки, и на прочее, валяютъ они по Рускому обыкновенію изъ шерсти, то есть: разложивъ толщиною въ большой палецъ перещипанную шерсть на простынѣ или рогожѣ, вспрыскиваютъ горячею водою, по томъ катаютъ вмѣстѣ съ рогожею или простынею, и опять вспрыскиваютъ, катаютъ и топчутъ изъ всей силы до тѣхъ поръ, пока шерсть очень крѣпко сляжется.

Одѣяніе Башкирцовъ весьма подобно тому, какое у Казанскихъ Татаръ въ обыкновеніи. Оба пола носятъ рубахи (Б. Калдакъ), обыкновенно изъ толстаго кропивнаго холста; долгія и широкія штаны, полусапоги (Итекъ) или туфли (Занкъ); бѣдные же обвертываютъ ноги онучами и ходятъ въ лаптяхъ. *Мужчины* носятъ кафтаны весьма долгіе и пространные, наибольше изъ краснаго сукна съ опушкою, и подпоясываются сверьхъ оныхъ поясомъ (Белгау) или сабельною портупеею: почему нижнее платье и не видно. Шубы шьютъ себѣ изъ бараньихъ, но больше изъ конскихъ кожъ такъ, чтобъ грива ложилась въ доль спины: что въ вѣтреную погоду весьма странно кажется. Они по примѣру Казанцовъ носятъ бороду, брѣютъ голову и покрываютъ оную нерѣдко и богато вязеною скуфейкою (Б Тебетей); но по верьхней шапкѣ и съ перваго взгляду Башкирца признать можно. Она подобна кеглю, но не очень востро къ верьху сведена, вышиною въ пядень; а шьется изъ сукна съ узкимъ околышемъ, оттопырившимся и загнутымъ на подобіе Голландскихъ корабельныхъ шляпъ. Въ дорогѣ носятъ они такіе широкіе штаны (Салбаръ), что можно подобрать въ нихъ всю одежду. Припеча-

Башкирка
Eine Baschkirin.
Une Baskirienne.

шанное въ концѣ сей части изображенїе представляетъ Башкирца на ловлѣ медведя въ пчельникѣ.

У *верьхняго женскаго одѣянїя* (Сапкенъ), которое дѣлается обыкновенно изъ тонкаго сукна или шелковыхъ матерїй, пришиты въ переди пуговки, которыми оно застегивается и при томъ подпоясывается. Шею и грудь покрываетъ косынка (Б. Дюлбега) выложенная чешуйчато монетами; иногда же дѣлается она и решетчато изъ бисеру и раковинъ. *Дѣвки* прицепляютъ къ великому множеству косъ ленты и брякушки, которыя достаютъ до самыхъ икръ, и носятъ шапку съ завостреннымъ, длиною въ пядень, затыльникомъ, который такъ же, какъ и самая шапка, покрывается монетами или корольками. *Замужнїя бабы* носятъ сверьхъ такой шапки покрытой подобнымъ образомъ начельникъ, и только по двѣ косы, либо и вовсе волосъ не заплетаютъ. Въ ненастную погоду надѣваютъ на голову бабы и дѣвки Татарскїя фаты (Тастаръ).

Въ разсужденїи *пищи* и *питїя* имѣютъ предписанїя тѣ же, какїя и прочїе Мугаметане; и наблюденїе оныхъ относится преимущественно къ ихъ скотоводству. Когда въ зимнее время скотъ ихъ похудаетъ и ослабѣетъ, то питаются таарогомъ (Кругъ), масломъ (Май), провѣсным мясомъ, вяленою рыбою, дичиною и тѣмъ, на что въ стадахъ ихъ нападетъ хворость, или что отоймутъ у хищныхъ звѣрей: ибо они такую скотину бьютъ; большая же половина скота сама собою падетъ и по тому въ пищу имъ уже не годится. У земледѣльцовъ бываютъ сверьхъ того зимою каши и мушныя ѣствы, такъ же прѣсныя на угольяхъ печеныя лепешки. Отъ скуднаго и несытнаго пропитанїя такъ, какъ и отъ недостатка свѣжаго воздуха, бываютъ они томны, блѣдны, худощавы и робки. Но по веснѣ на равнѣ со стадами своими оправляются, и становятся бодры, дородны, веселы и проч. Порядочные люди живутъ въ деревняхъ до тѣхъ поръ, пока пашенъ своихъ не засѣютъ; прочїе же убираются съ юртами своими въ степи, какъ можно скорѣе. Всѣ пьютъ весною *березовой сокъ*, которой въ сдѣланныя въ деревахъ глубокїя зарубины, къ великому таковыхъ деревъ вреду, стекается и посредствомъ пустыхъ травяныхъ стебельковъ всасывается. Мало по малу начинаетъ подростать трава, а вмѣстѣ съ оною возобновляется и Башкирское молочное раздолье. Ибо лѣтомъ служитъ имъ молоко, отъ части прѣсное, а больше кислое, единственною почти и общею пищею, по тому что они во все сїе время бьютъ только увѣченную скотину, на звѣриную и рыбную

ловлю не ходятъ, хлѣба не пекутъ, и не варятъ изъ муки ни какихъ ѣствъ; развѣ у кого случатся еще отъ зимы остатки. Въ одно только праздничное время бьютъ они скотину, да и то по большой части больную или околѣвающую.

Кислое молоко называется у нихъ, коровье и овечье *Айреномъ*, а кобылье *Кумызомъ*. Для *Айрену* молоко въ первой разъ варится и смѣшивается съ простоквашею; а по томъ отъ времени до времени приливаютъ только въ Арейной мѣшокъ свѣжее молоко и перебалтываютъ со старымъ. Которые дѣлаютъ масло, тѣ снимаютъ по утру сметану; и въ такомъ случаѣ Айренъ бываетъ не иное что, какъ сыворотка. Масло дѣлаютъ они не какъ Рускія хозяйки перетапливая въ печи, но посредствомъ одного пахтанія. Ежели въ Кумызѣ недостатку нѣтъ, то снявъ съ Айрена сметану, дѣлаютъ изъ него творогъ. *Кумызъ* получаетъ такъ же начало свое отъ перетапливанія кобыльяго и верблюжьяго молока, и отъ смѣшенія онаго съ кислымъ кобыльимъ молокомъ; а по томъ такимъ же образомъ умножается и безпереводно содержится. Сметана не снимается, по тому, что изъ кобыльяго молока масло крѣпкое не выходитъ. Въ прочемъ же Кумызъ отъ кислоты имѣетъ столь пріятной вкусъ, и при томъ столь питателенъ и крѣпокъ, что не только служитъ пропитаніемъ, но и дѣлаетъ Башкирцовъ здоровыми, бодрыми, краснощокими, дородными, а невоздержныхъ и пьяными: и по тому въ жаркіе лѣтніе дни въ иной деревнѣ или стану не сыщешъ ни одного трезваго человѣка. Нѣкоторые изъ нихъ перегоняютъ кумызъ по примѣру Телеутовъ, Калмыковъ и проч. и пьютъ водку; другіе мѣшаютъ Кумызъ для лучшаго подпою съ крѣпкимъ медомъ, или пьютъ попремѣнно то медъ, то Кумызъ. Съ наступленія осени уменьшается ихъ раздолье, и какъ сами они, такъ и стада ихъ претерпѣваютъ вышесказанныя тягости.

Въ *обхожденіи* и *житіи* Башкирцы дичае, лѣнивѣе и неопрятнѣе Казанскихъ Татаръ: но они не меньше привѣтливы, и еще веселѣе ихъ, а особливо лѣтомъ. Кумызкой ихъ мѣшокъ отверзается всякому; и всѣ вообще мужчины лѣтней деревни ходятъ изъ юрты въ юрту, и между разговорами и шутками опорожниваютъ одинъ мѣшокъ Кумызу за другимъ. Въ зимнее время порядочно они обѣдаютъ и ужинаютъ: при чемъ сидятъ около ѣствъ на цыпкахъ. Какъ передъ ѣдою и послѣ оной, такъ и переходя отъ пустаго Кумызнаго мѣшка къ полному, творятъ молитву. Сосуды ихъ и

ѣствы галки. Молока они ни когда не процѣживаютъ, и ежели въ ономъ случится съ лишкомъ много волосъ или иныхъ какихъ нечистой, то вытаскиваютъ они пальцами, или цѣдятъ сквозь связанную изъ волосъ и пропотѣлую скуфейку въ питейныя чаши. Бараньи и овечьи ноги бросаютъ съ шерстью въ огонь, гдѣ они вдругъ обжигаются, жарятся и коптятся; жижицу же носитъ хозяйка на рукахъ и удѣляетъ всякому. За праздничною своею *пятипалою ѣствою* (Бишбармакъ) употребляютъ не только свои руки, но и одинъ другому тискаетъ оную въ ротъ; при чемъ принимающій глотаетъ такъ жадно, какъ голодный волкъ. А буде кому черезъ мѣру ротъ набьютъ, то онъ излишнее выплевываетъ себѣ въ горсть, и за другимъ разомъ кладетъ въ ротъ, и проч. Ѣдоки они добрые: пятнадцать фунтовъ мяса, да сверьхъ того одно ведро Кумызу да одинъ обѣдъ или ужинъ, служитъ инымъ къ утоленію одного только голоду. Когда есть хлѣбъ, то ѣдятъ оной такъ, какъ мы пирожное, послѣ другихъ ѣствъ. Они ѣдятъ такъ жадно, что ѣствы у нихъ подъ руками какъ будто горятъ. Ежели при какомъ ни есть угощеніи случатся остатки; то гости дѣлятъ оные по рукамъ и уносятъ съ собою. Гостю вмѣняется у нихъ въ отмѣнную честь то, когда хозяинъ велитъ осѣдлать для него любимую свою лошадь.

О повозкахъ они не заботятся: но тѣмъ больше любятъ ѣздить верьхомъ какъ мужчины, такъ и женьщины; и по тому хорошія лошади и сбруя въ великой у нихъ чести. Сѣдлы для женьщинъ разнятся только большими и лучшими покрышками. Предъ каждою юртою стоитъ обыкновенно одна осѣдланная лошадь. Отъ безпрестаннаго сидѣнья на цыпкахъ и отъ многой верьховой ѣзды, у большой половины мужчинъ колѣна выкрывились. Ночью спятъ на войлокахъ въ платьѣ: при чемъ и гадиною рѣдко кто не бываетъ заводенъ, по тому наипаче, что они гораздо рѣже другихъ Мугаметанъ моются. По Восточному обыкновенію непорочная *старость* и *бѣлая борода* въ великомъ у нихъ почтеніи. Когда они приглашаютъ чужихъ людей къ соучаствованію въ какомъ ни есть ихъ празднествѣ, то обѣщаютъ посадить ихъ возлѣ своихъ стариковъ. Когда жители разныхъ деревень въ праздникъ, называемой *Курбанъ байрамъ*, попеременно съ женами и дѣтьми одни у другихъ гостятъ; то тотъ, кто старѣе всѣхъ, бываетъ старшимъ, не смотря на то хозяинъ ли онъ или гость.

Многіе Башкирцы имѣютъ по двѣ *жены*, а больше рѣдко у кого бываетъ. Употребительный у нихъ *выкупъ за невѣсту* (Калымъ) состоитъ въ скотѣ, и простирается отъ 15 до 200 головъ; при чемъ лошади, рогатой скотъ, и овцы почти по равному даются числу. За невѣстою идетъ часть сего выкупа въ приданомъ (Игатъ), и по тому въ прежнія возвращается руки. По причинѣ изобилія въ Кумызѣ и сообразуясь своей бодрости, играютъ они свадьбы только лѣтомъ. Передъ *сочетаніемъ*, Муллою совершаемымъ, заводятъ между собою бабы и дѣвки о невѣстѣ споръ; при чемъ, первыя одерживаютъ верьхъ и по томъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ выводятъ у нее волосы: и сіе торжество называется у нихъ *Таки Алганъ*. При сочетаніи даритъ Мулла жениху стрѣлу, и говоритъ: будь храбръ, содержи и защищай свою жену! На всякую свадьбу убиваютъ для Бишбармака по одной лошади. Въ первую ночь остается у молодыхъ двое мужчинъ и столько же женьщинъ. На другой день получаютъ гости отъ молодыхъ небольшіе дары, какъ то, нитки, холстъ, платки, иголки и прочее.

Увеселенія ихъ во время свадебъ и праздниковъ состоятъ, кромѣ пированія, въ пѣніи, пляскѣ, борбѣ, бѣганіи на лошадяхъ въ запуски, стрѣляніи въ цѣль, и смѣхотворныхъ представленіяхъ, въ коихъ они передразниваютъ людей и звѣрей: и сія игра называется у нихъ черный иноходецъ (Карай Гурга). Они *играютъ* не только на балалайкѣ, но и на дудкахъ, сдѣланныхъ изъ пустыхъ травяныхъ стволиковъ; къ чему нѣкоторые и баса припѣваютъ. При пѣніи употребляютъ они искони такое изобрѣтеніе, которое въ иномъ мѣстѣ не постыдно бы было объявить и за новое. А именно: они носятъ для обороны отъ комарей особливыя опахалы, которыя нашимъ почти подобны: и въ ихъ то складкахъ пишутъ они свои пѣсни. *Пѣсни* ихъ гласятъ о славныхъ богатыряхъ, странствующихъ удалыхъ головахъ, превращеніяхъ и проч, и служатъ наипаче къ соблюденію въ памяти дѣлъ славныхъ ихъ предковъ, которыя и воспѣваютъ они съ великимъ восторгомъ. Когда напослѣдокъ женихъ собирается везти невѣсту свою домой, то она ходитъ изъ юрты въ юрту прощаться съ благодареніемъ и плачемъ; и при семъ случаѣ надѣляютъ ее иные скотомъ, а иные домашнею рухлядью. Въ родительской юртѣ обнимаетъ она Кумызной мѣшокъ, благодаритъ ему, что столь долго ее питалъ, и прицепляетъ къ нему небольшой подарокъ. Весь

станЪ провожаетЪ молодыхЪ нѣсколько верстЪ, и всѣ пьютЪ при разставаньѣ взятой сЪ собою вЪ малыхЪ мѣшкахЪ Кумызъ.

При *родахъ* бываютЪ у нихЪ такіе же обряды, какіе и у прочихЪ нашихЪ МугаметанЪ: но дѣтей воспитываютЪ чрезвычайно нерачительно, чистоты около ихЪ не наблюдаютЪ, и приваживаютЪ правда ихЪ кЪ своимЪ житейскимЪ порядкамЪ, но не кЪ школамЪ. ВЪ разсужденіи *похоронЪ* странно то, что они покойниковЪ своихЪ возятЪ хоронить верьхомЪ. Хоронильщики и Мулла ѣдутЪ верьхомЪ вЪ переди; мертвое тѣло, привязанное кЪ доскамЪ, виситЪ промежЪ двухЪ лошадей; а соболѣзнующіе друзья и пріятели слѣдуютЪ всѣ позади верьхомЪ на хорошихЪ лошадяхЪ. ПредавЪ покойника погребенію, правятЪ у той юрты, изЪ которой онЪ вынесенЪ, поминаніе сЪ молитвами Муллы, а по томЪ бываетЪ тутЪ пріятелямЪ угощеніе.

Башкирцы искони содержатЪ Мугаметанской законЪ, и имѣютЪ молебныя храмины, школы и священнослужителей: но вЪ разсужденіи вѣры своей не послѣдніе невѣжды и наблюдаютЪ не мало и языческихЪ обрядовЪ. Ежели они н. п. во время какого ни есть празднества убьютЪ животное, то ставятЪ на приборѣ (КаштакЪ) уваренное мясо противЪ солнца, творя при томЪ много поклоненій и проч. во всемЪ подобно ШаманскимЪ язычникамЪ. Они имѣютЪ такЪ же нѣсколько и *бѣсогонителей*, которыхЪ называютЪ они *ШайтанЪ Курьесця*, и которые сказываютЪ про себя, будто они шатающихся ночью бѣсовЪ видятЪ, и при томЪ по нимЪ стрѣляютЪ, саблями машутЪ, палками бьютЪ, преслѣдуютЪ ихЪ вЪ болота и воды, ранятЪ, а иногда, по сказкамЪ ихЪ, и убиваютЪ. Они вѣрятЪ, что можжевельникЪ всѣхЪ злыхЪ духовЪ изЪ жилищЪ выгоняетЪ и предохраняетЪ отЪ всякихЪ волшебныхЪ оговоровЪ. Они боятся *волшебствЪ*; но при томЪ и сами имѣютЪ колдуновЪ (Б. КашметЪ), которые сказываютЪ про себя, будто они знаютЪ прошедшее и будущее, и проч. Гдѣ держатЪ они своихЪ пчелЪ, тамЪ привѣшиваютЪ они кЪ дереву, для отвращенія волшебныхЪ оговоровЪ, конскую голову. Жестокіе припадки отЪ маточной болѣзни и тоски, которые у нихЪ нерѣдко случаются, равномѣрно и нѣкоторые припадки беременныхЪ женщинЪ, почитаютЪ они бѣснованіемЪ, и по тому стараются Муллы изгонять бѣса изЪ таковыхЪ больныхЪ почерпнутыми изЪ Алкорана заклинаніями, которыя они ежедневно повторяютЪ, и при томЪ больныхЪ, добираясь до сатаны, толкаютЪ, бьютЪ, ругаютЪ и оплевываютЪ. Ког-

да же такому хворому станетъ полегче, то навѣшиваютъ они ему на шею зашитое въ кожу такое то реченіе, дабы злой духъ паки въ него не вселился. *Пахатной* ихъ праздникъ (Сабантуй) во всемъ, кромѣ молитвъ, творимыхъ Муллою, сходствуетъ съ *Анга Соареномъ* Черемискимъ. Хотя земледѣліе у нихъ и не въ чести; однакожъ въ праздникъ сей съѣзжается верьхомъ всякая деревня, не изключая ни женъ, ни дѣтей, на свои пашни, слушаетъ приносимое Муллою моленіе о плодородіи земли и изобиліи въ травѣ, и забавляется по томъ попойкою, пляскою, пѣснями, рысканіемъ въ запуски и тому подобнымъ.

Мещерячка.
Eine Metscheräkin.
Une Metcheréke.

МЕЩЕРЯКИ.

Мещеряки составляютъ особое Татарское колѣно, которое нынѣ заключаетъ въ себѣ около двухъ тысячь семей, изъ коихъ четыре ста пятдесятъ шесть въ Исетской провинцїи между Башкирцами, а прочїе въ Уфской провинцїи отъ части между Уфскими Татарами, а отъ части и между Башкирцами живутъ, слѣдовательно всѣ въ Башкирїи, и по тому въ Уфимскомъ, а частїю въ Пермскомъ намѣстничествахъ.

Въ четвертомъ надесять столѣтїи, да можетъ быть еще и ближе къ нашимъ временамъ, *жили* они на нижней *Окѣ* между Мордвою или Муронами и Черемисами. А какъ перешли они въ Башкирїю, то принуждены были Башкирцамъ, какъ помѣщикамъ, платить съ каждой семьи по 25 копѣекъ поземельныхъ денегъ. Во время Башкирскаго бунту въ 1735 году и послѣ доказали Мещеряки правительству свою вѣрность и преданность; по чему оное и освободило ихъ отъ платежа Башкирцамъ поземельныхъ денегъ, и вмѣсто всякой подати повелѣло исправлять имъ козацкую службу.

Съ *виду* походятъ они нарочито на Уфскихъ Татаръ. Во *нравственномъ* же *состоянїи* ближе подходятъ къ Башкирцамъ, однакожъ они не столь суровы, поумнѣе, въ Мугаметанскомъ своемъ законѣ тверже, и вѣрность къ Государю наблюдаютъ больше, нежели Башкирцы.

Мещеряки Западнаго или Уфскаго Урала *живутъ* почти всѣ во всегдашнихъ деревняхъ. *Скотоводство* ихъ не велико, однакожъ есть главный ихъ промыселъ, отъ котораго они такъ, какъ и отъ изряднаго *пчеловодства* преимущественно заимствуютъ свое пропитанїе: но при томъ и землепашества совсемъ не пренебрегаютъ. У Исетскихъ Мещеряковъ точно такїе же *порядки* въ разсужденїи зимнихъ и лѣтнихъ деревень, какъ и у Башкирцовъ, съ коими они такъ же и безъ разбору кочуютъ и обходятся дружески: но вообще не столь они зажиточны, какъ Башкирцы.

Мужское *одѣянїе* совершенно, а женское почти подобно Башкирскому: однакожъ Мещерячки отличаются отъ Башкирокъ наибольше шапками, которые шьютъ они поплосчае, и по примѣру Башкирокъ покрываютъ ихъ монетами и корольками, и широкою серебряными или жестяными наборцами выкладенною перевѣсью, которую носятъ на подобїе ленты черезъ плечо.

Въ *вѣрѣ, жилищахъ, лицѣ, дѣлахъ, увеселенiяхъ,* и во всемъ къ *житейскимъ обрядамъ* принадлежащемъ, подобны они частiю Башкирцамъ, а частiю Уфскимъ Татарамъ; только школы и священнослужители у нихъ лучше Башкирскихъ, и по тому они, яко разумнѣйшiе Мугаметане, не столько суевѣрны, и въ обхожденiи милѣе, благосклоннѣе и опрятнѣе.

БАРАБИНЦЫ.

Барабинцы или *Барабинскїе Татара* называются сами *Бараминцами;* да сїе же самое названїе имѣетъ знатнѣйшая и самая древняя ихъ волость. Россїяне же, Киргизцы, и иные прозываютъ ихъ по землѣ ихъ *Барабинцами*.

Земля ихъ, которую сами они называютъ *Барабою* и Барабинскою степью, лежитъ между Обью и Иртышемъ, и простирается отъ Алтайскихъ горъ на Сѣверѣ за рѣку *Туру* до самаго *Туя*, вышедшей изъ *Иртыша* рѣки, и до Нарымскихъ предѣловъ при *Обѣ*. Отъ горъ и за самой Омъ даже до рѣки Туры простирается настоящая *Бараба*; склонившаяся же больше на Сѣверъ часть сей страны называется *Абацкою* и *Туйскою степью*. Во всей ихъ пространной области мѣста низмѣнныя, открытыя, плодородныя, частію болотныя, озерами изобильныя и преисполненныя лиственнаго и краснаго лѣсу рощами. Изъ числа *озеръ* ихъ *Тангкое* и *Убское* по пространству, такъ же находящееся при Ямышевской крѣпости при Иртышѣ и многїя другїя въ склоненїи горъ лежащїя по изобилїю своему въ поваренной соли достопамятны; въ разныхъ же иныхъ озерахъ вода соленая, но при томъ горькая; да сверьхъ того великая часть Южной или близкой къ горамъ степи преисполнена солончаками.

Барабинцы изъ стари владѣютъ степью между Иртышемъ и Обою. Во время завоеванїя Россїянами Сибири, были они за *Ханомъ Кучумомъ*, имѣвшимъ пребыванїе въ *Сибири*. Въ 1595 году исторгнуты они изъ власти его Тарскими козаками; и Барабинцы принадлежатъ и нынѣ еще всѣ вообще къ Тарской округѣ. Послѣ сего Россїйскаго преодолѣнїя бывали Барабинцы нѣсколько кратъ подъ игомъ *Соонгаръ*; при чемъ такъ же подвержены были угнѣтенїямъ и *Киргизцовъ*, когда сїи жили еще на рѣкѣ верьхнемъ Енисеѣ. Въ 1606 году сдѣлали Соонгарцы то, что хотя Барабинцы и тогда уже подвластны были Россїи, принуждены были однакожъ платить и Соонгарцамъ подать, которую они называли *Албаномъ*. Когда они Соонгарцамъ чинили сопротивленїя, то жестоко они съ ними поступали; но какъ покорялись, то побѣдители довольны были и малымъ Албаномъ, то есть съ каждаго семейства одною звѣриною кожею; небольшимъ количествомъ мягкой рухляди, и орлиными или ястребиными перьями для оперенїя стрѣлъ: за подачтью

же сею присылались Соонгарскіе повѣренные, которые разъѣзжая повсюду оную собирали. Соонгарцы часто были прогоняемы: но они всегда чинили вновь нападенія, а особливо Калмыцкой *Контайша* въ 1641 году обложилъ ихъ вновь данью.

Барабинцы еще больше претерпѣвали отъ *Киргизцовъ*, не яко отъ побѣдителей, но какъ отъ разбойнической шайки. Сіи грабители побивали немалое число Барабинцовъ, и похищали ихъ женъ, дѣтей и скотъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія научило ихъ Россійское правительство, чтобъ они сами собою защищались; и на такой концъ запаслись они тогда оружіемъ, а многіе изъ Князьковъ ихъ укрѣпили было и юрты свои рвами и окопами, которыхъ остатки видны еще и понынѣ: но все сіе, по видимому, ни мало не пособило: ибо Киргизцы на иныхъ Князьковъ (Б. Яута) и въ самыхъ ихъ станахъ нападали и свирѣпость свою насыщали. Спокойно же живутъ они еще только съ того времени, какъ въ 1730 году опредѣлены порядочно Сибирскіе рубежи и заведена тамошняя линія или рядъ небольшихъ крѣпостей.

По елику народъ сей бывалъ то подъ тѣмъ, то подъ другимъ игомъ, то онъ и не запомнитъ, когда были у него собственные Ханы или обладатели; особенныя же ихъ *колена* или *волости* великой хранятъ между собою союзъ. Волости сіи лежатъ: *Бараминская* при рѣкѣ Омѣ, *Тураская*, которая называется и *Колебинскою*, при Тартасѣ, вышедшей изъ Омы рѣкѣ, *Тайская* при озерѣ Убскомъ и проч. *Теренинская* около разныхъ небольшихъ озеръ, *Тунуская* по рѣчкѣ Узѣ, *Евбайская* при *Яркулъскомъ* и другихъ озерахъ, и *Каргалинская* при Тартасѣ. Всѣ семь волостей заключаютъ въ себѣ 68 деревень, и платятъ подушной окладъ по бывшей въ 1760 году переписи только за 2216 душъ, хотя въ нихъ, судя по одинакимъ деревнямъ, и несравненно больше должно быть число мужескаго пола Но въ вышепомянутое число не включены жители тѣхъ Барабинскихъ волостей, которыя находятся въ Абайской и въ Сѣверныхъ степяхъ при рѣкахъ Обѣ и Иртышѣ, такъ, какъ и находящихся по лѣвую сторону Иртыша въ Ишимской степи, между Иртышемъ и Тоболомъ двухъ Барабинскихъ же волостей; число мужескаго пола душъ, во всѣхъ оныхъ селеніяхъ вообще развѣ малымъ чемъ менѣе количества душъ въ самой Барабѣ. Обширная и плодородная Барабинская степь чрезвычайно мало населена Татарами: и по тому правительство за нѣсколько лѣтъ, а особливо съ 1767 года поселило нѣсколько тысячь *Россійскихъ переведенцовъ* изъ негодныхъ въ воен-

ную службу людей и заточенныхЪ изЪ Россіи, а особливо по дорогамЪ изЪ Омска и Тары вЪ ТомскЪ, вЪ весьма порядочно разположенныхЪ деревняхЪ, которыхЪ жители изрядно за дѣла свои принялись, и щастливо вЪ оныхЪ упражняются.

СЪ *виду* многіе Барабинцы совсемЪ походятЪ на ТатарЪ; но есть между ими великое множество и такихЪ, которые кажутся, какЪ будто бы они Калмыцкіе выродки или потомки; у сихЪ лицо плоское, глаза малые продолговаты, уши большія, а волосЪ черной. По елику Соонгарцы, яко побѣдители, часто и долго между ими живали; то и слѣдствіе сіе легко могло отЪ того произойти. Наполненный всегда парами лѣтній воздухЪ вЪ Барабѣ, причиною тому, что всѣ тамошніе жители мокротны и вЪ лицѣ блѣдны. КакЪ вЪ семЪ обстоятельствѣ, такЪ вЪ недостаткѣ наставленія и вЪ ихЪ скудости заключается по видимому вина нарочитой ихЪ глупости и почти совершеннаго ко всему безпристрастія. Они и вЪ самой любви и вЪ питьѣ весьма умѣренны. Многіе изЪ нихЪ подвержены цынготной болѣзни. Не великія свои желанія могутЪ они удовлетворять и не причиняя вреда ближнему: и по тому они не только никого не обижаютЪ, но и не лгутЪ, не крадутЪ и не разбойничаютЪ. *ЯзыкЪ* ихЪ есть Татарское, и при томЪ меньше Башкирскаго испорченное, нарѣчіе. Рѣдко кто изЪ нихЪ умѣетЪ на ономЪ читать и писать.

ВЪ *деревняхЪ* есть *старосты*; а во всякой волости выборной, ТатарскимЪ воеводою утвержденной *Яута* или КнязекЪ, *собиратель подушнаго окладу* (АпехунЪ), и одинЪ *ЕсаулЪ*. НачальникамЪ нѣтЪ никакого жалованья, но они пользуются народнымЪ почтеніемЪ и повиновеніемЪ: по чему тяжебныя дѣла сего народа рѣдко доходятЪ до уѣзднаго суда и расправы.

СЪ того времени, какЪ освободились отЪ СоонгарцовЪ, платятЪ они сверьхЪ обыкновеннаго *Ясака* еще и прежнюю Калмыцкую подать (АлманЪ), состоящую вЪ лосинныхЪ кожахЪ, выдрахЪ, лисицахЪ, бѣлкахЪ и другой мягкой рухляди: но не возбранно очищать оную и наличными деньгами. Всей вообще Соонгарской подати собирается ежегодно сЪ семи волостей, считая на деньги, только до 300 рублей, а настоящихЪ подушныхЪ денегЪ не приходитЪ и вЪ четверо противЪ того; и по тому подати сіи ни мало имЪ не чувствительны.

Житейскіе обряды БарабинцовЪ чрезвычайно сходствуютЪ сЪ Башкирскими. У нихЪ такЪ, какЪ и у БашкирцовЪ, есть *зимнія*

деревни и *лѣтнія юрты*; да и *скотоводство* есть ихъ главное, а *земледѣліе* напротивъ того больше побочное дѣло. Къ *звѣриному промыслу* мѣста ихъ не привольны; отъ рыбной же ловли на многочисленныхъ ихъ озерахъ многіе заимствуютъ свое пропитаніе.

Хижины въ *зимнихъ ихъ деревняхъ* разнятся отъ Башкирскихъ небольшими сѣнями и отверстіемъ въ потолокѣ, которое дѣлается не столько для свѣту и изхожденія паровъ, сколько для того, чтобы въ случаѣ великихъ метелицъ, во время которыхъ иногда совсемъ заноситъ снѣгомъ ихъ хижины, вылѣзать на дворъ симъ отверстіемъ и опрастывать двери. Во всякой почти хижинѣ есть врытая въ землю деревянная *ступа*, которой толкушка прикрѣплена къ долгой перекладинѣ; и какъ подъ оною лежитъ поперечина, то толкушка, когда ступитъ кто на конецъ перекладины, поднимается. Подобныя симъ ступы есть такъ же у Чулымскихъ и другихъ Татаръ.

Лѣтнія ихъ *хижины* (Угъ) или *юрты* состоятъ изъ воткнутыхъ въ землю и къ верьху сведенныхъ на подобіе борти шестиковъ (Тыкма). Такая юрта, которой подпоры, при перекочовкѣ на другое мѣсто, не вынимаются, бываетъ въ поперешникѣ саженъ въ пять, и покрывается сдѣланными изъ троснику, который укладывается прямо, рогожами (Топанъ). *Домашній* ихъ *скарбъ* и всѣ вообще порядки точно такіе, какъ и у Башкирцовъ, только поскуднѣе.

Они держатъ только *лошадей* и *рогатой скотъ*; да сверьхъ того по малому только числу, и то рѣдко, овецъ, по тому, что пастбища съ лишкомъ для нихъ влажны. Въ скотѣ состоитъ ихъ имѣніе: но у инаго нѣтъ и ни единой скотины; у посредственнаго же состоянія людей водится отъ 5 до 20 лошадей, а рогатой скотины и того еще меньше. У одного человѣка въ Чауской волости было въ 1771 году семдесятъ лошадей: по чему и считали его всѣ богачомъ. Послѣ прежнихъ грабительствъ Киргизскихъ давно бы они уже размножили свои стада, если бы при Тоболѣ, Иртышѣ и Обѣ свирѣпствующая *язва*, которую называютъ они Гундурмою, и при томъ пользовать во время оной скотины не умѣютъ, не причиняла часто въ оныхъ опустошенія. Въ 1763 году почти весь скотъ отъ оной палъ. Лошади ихъ и рогатой скотъ подобенъ Башкирскому или Россійскому. Онъ правда почти во всю зиму бродитъ: но какъ у нихъ малое токмо онаго количество, то во время великихъ снѣговъ кормятъ они его нѣсколько и сѣномъ.

Барабинцы очень худо изъ луковъ стрѣляютъ: и по тому дичь

Барабинская баба.
Eine Barabinzische Frau.
Femme Barabinzoise.

или ловятъ или *собаками* травятъ. Собаки же у нихъ настоящія гончія, больше дюжи, нежели велики, и почитаются столь полезными, что они доброй собаки никогда на лошадь не промѣняютъ. Всѣ вообще *производятъ рыбную ловлю*, и излишнюю рыбу вялятъ, не соля въ прокъ на зиму. Въ *землепашествѣ* упражняются еще меньше Башкирцовъ, и слѣдовательно не столько употребляютъ крупяныхъ и мучныхъ ѣствъ. Рѣдко кто пашетъ десятинъ до пяти; сѣютъ же только ячьмень, овесъ, а нѣкоторые по немногу и конопель.

Женской полъ упражняется въ такихъ же точно дѣлахъ, въ какихъ и Башкирки. По елику доеніе скота и иныя симъ подобныя работы меньше занимаютъ у нихъ времени; то они выдѣлываютъ шкурки съ нырковъ, гагаръ и другихъ водяныхъ птицъ, не выщипывая перья, и сшивъ по томъ въ тулупы или шапки, продаютъ. Такія изъ птичьихъ шкурокъ составленныя шубы весьма теплы, не пропускаютъ ни мало мокроты, и нарочито крѣпки.

Мужчины головы не брѣютъ, но любятъ небольшія бородки. Сверьхъ скуфейки *носятъ* они глубокую шапку съ набитымъ, и какъ въ переди, такъ и на зади раздвоеннымъ, околышемъ. Весь прочей нарядъ подобенъ Татарскому; только кладутъ они на верьхнемъ одѣяніи небольшія петлицы, хотя пуговицы и не пришиваются. Кромѣ табашнаго прибору привѣшиваютъ лѣтомъ къ поясу прикрѣпленной къ рукояткѣ немалой пукъ конскаго волосу (Б. Гилбей Ушъ), подобной почти Турецкому Бунчуку, которымъ они обороняются отъ чрезвычайнаго множества комаровъ.

Бабы носятъ по двѣ косы, а дѣвки и больше, и украшаютъ ихъ лентами; голову же покрываютъ плоскими шапками съ околышемъ. У *дѣвокъ* бываютъ шапки обыкновенно поменѣе, вострыя и съ околышемъ же. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ употребляются такъ же выкладенныя бисеромъ, на подобіе Башкирскихъ, шапочки, и всѣ носятъ повсядневно фаты. Лѣтомъ ходятъ больше въ вышитыхъ узорчато рубахахъ изъ толстаго кропивнаго холста, которыя разнятся отъ употребительныхъ у Черемисъ и другихъ народовъ рубахъ только тѣмъ, что придѣлывается къ нимъ цѣлой рядъ пуговокъ и петель, которыми оныя въ переди застегиваются. Въ праздники выходятъ въ долгомъ на рубаху похожемъ одѣяніи изъ бумажной или другой какой матеріи, и въ опушенномъ, въ переди пуговками украшенномъ, верьхнемъ платьѣ, которое дабы видно было и нижнее платье, дѣлается немного покороче. Весь нарядъ сходенъ

съ Башкирскимъ; только скуденъ. Бѣлья своего никогда не моютъ до тѣхъ поръ покамѣстъ оно совсемъ развалится.

Они ѣдятъ не только все то, что Мугаметанамъ по закону ихъ не возбранно, но въ случаѣ недостатка и палыхъ скотовъ и хищныхъ звѣрей, не гнушаясь ни мало, по тому, что они привыкли къ сему еще со временемъ своего идолопоклонства. Хотя у нихъ скотины и мало, однакожъ они при всемъ томъ дѣлаютъ масло, сыръ и Кумызъ, которой они подбалтываютъ водою, чтобъ долѣе тянулся. *Сыръ* сушатъ они на огнѣ, и по тому онъ бываетъ всегда кривъ и безобразенъ. По елику Кумызъ утоляетъ правда у нихъ жажду, но голоду такъ, какъ у Башкирцовъ не унимаетъ, то питаются они лѣтомъ дикими птицами, рыбами, сараною (*), кандыкомъ (**) припоршною травою (***) (аштыкъ), конѣвымъ щавелїомъ (****) (кушкулакъ), дягилемъ (*****) (Шума Кукша), и борщомъ (******) (булдырьянъ), такъ же черемухою, голубицею, клюквою и иными дикими ягодами и кореньями. Зимою ѣдятъ они больше вяленую рыбу, дичину и каши. До хлѣба не великїе они охотники, и по тому не много онымъ запасаются. Ѣства, которая называется у нихъ *Астыгай*, есть не иное что, какъ совсемъ почти утопленное прѣсное кобылье и коровье молоко, которое отъ чугунника краснѣетъ и на зиму въ прокъ можетъ быть оставляемо. Жажду утоляютъ они водою и рыбною ухою. Хмельные же напитки должны они доставать изъ Россїйскихъ деревень: и по тому рѣдко кто изъ нихъ бываетъ пьянъ.

Всѣ безъ изъятїя, мужчины и женщины, старые люди и молодые, курятъ очень много *табаку* (Тамакъ), и прицепляютъ къ поясу весь нужной къ тому приборъ. Употребляютъ же Китайской *Шаръ* и простой или такъ называемой Черкаской табакъ. Тотъ и другой смѣшиваютъ они, дабы долѣе держался, и какъ они говорятъ, былъ прїятнѣе, пополамъ съ тонкими березовыми стружками, и курятъ сїю смѣсь изъ самыхъ малыхъ крушцовыхъ Китайскихъ трубокъ (Кангза).

(*) Lilium Martagon. L.
(**) Erythronium, Dens Canis. L.
(***) Campanula lileifol. L.
(****) Rumex Acetosa. L.
(*****) Angelica.
(******) Heracleum Sphondylium. L.

Барабинская дѣвка.
Ein Barabinzisch Mädgen.
Fille Barabinzoise.

Подать платятъ мягкою рухлядью, лисицами, бобрами, соболями, горностаями, лосинными кожами и пр. Однакожъ предоставлено имъ на волю платить оную и деньгами. Весь сей народъ платитъ казнѣ не болѣе какъ на 1500 рублей.

Барабинцы въ обрядахъ своихъ относящихся къ обхожденїю, употребленїю пищи, свадьбамъ, похоронамъ, и прочему, уподобляются Башкирцамъ: только въ увеселенїяхъ своихъ и вообще наблюдаютъ больше скромности. Между ими очень мало такихъ, у которыхъ больше одной *жены*. Они содержатъ женъ своихъ хорошо и покупаютъ ихъ на платье, на наличныя деньги или на скотину, считая на деньги рублей по 5 и по 50. Иному молодцу достается здоровая и добрая дѣвка рубля за 2 или за 3. Многїе заслуживаютъ шестю договорную за невѣсту плату (Калымъ) при рыбной ловлѣ, звѣриномъ промыслѣ или на полевой работѣ. Покупающїе женъ на наличныя деньги, занимаютъ оныя у Россїйскихъ поселянъ, которые по большой части зажиточны; да Барабинцы никогда ихъ и не обманываютъ, но обѣщавшись пашню въ такую то мѣру выжать, приходятъ въ наилучшую пору съ женами и съ дѣтьми для исполненїя своего уговора.

Всѣ вообще Барабинцы недавно еще отъ *Шаманскаго язычества* обратились къ *Мугаметанской вѣрѣ*. Когда Иркуцкой Вице-губернаторъ *Ланге* ѣхалъ въ 1714 году черезъ Барабу, то всѣ тамошнїе жители, а во время путешествїй г. *Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Миллера* и *Профессора Гмелина*, которыя кончились въ 1748 году, большая ихъ половина, были язычники. У нихъ были *Шаманы* или *Камы*, да сверьхъ сихъ еще особливые *колдуны* и отгадыватели, коихъ они называли *Якутеретарами*, и которые предсказывали особливо по сотрясенїю луковой тетивы. Шаманы употребляли барабаны. Во всѣхъ юртахъ видны были деревянные *идолы*, которыхъ называли они Шайтанами (Сатанами). Идолослуженїе ихъ подобно было наибольше суевѣрїю Телеутовъ, о коихъ впредь будемъ говорить.

Обращенїе ихъ къ Мугаметанской вѣрѣ возпослѣдовало изподоволь вопреки законамъ и тайнымъ образомъ по прельщенїю странствовавшихъ въ Барабѣ Муллъ сосѣдственныхъ Татаръ. Нынѣ всѣ Барабинцы уже обрѣзаны и есть у нихъ небольшое число священнослужителей и молебныхъ храминъ. Народъ весь утопаетъ въ чрезвычайномъ невѣжествѣ и оттюдь не оттрезвился еще отъ прежняго своего суевѣрїя. У него есть и нынѣ волшебники и пред-

скавашели. Многіе кладушъ покойникамъ во гробъ домашній скарбъ и кушанье, и такъ далѣе. Мало между священнослужителями ихъ шакихъ людей, которые умѣюшъ чишашь, а еще меньше разумѣющихъ Арабской языкъ.

КИРГИЗЦЫ.

Киргизскія орды, которыя извѣстны такъ же и подъ именемъ *Казачьей орды*, но по худымъ дѣламъ, называютъ сами себя *Сара Кайсаками* (Степными Козаками) и Киргизами не отъ Татарскаго слова *Киргизъ*, подлой мужичина, но по мнимому своему родоначальнику.

Они, по силѣ нѣкоторыхъ собственныхъ ихъ преданій, потомки Крымскаго *Хана Кундугура*, слѣдовательно настоящіе по природѣ Ногайцы. Предки ихъ, какъ явствуетъ изъ оныхъ извѣстій, негодуя на своихъ родственниковъ, удалились изъ прародительскихъ мѣстъ въ чистыя степи, гдѣ число ихъ умножилось бѣглецами до сорока человѣкъ, которые похищеніями скота и женъ сдѣлались отечеству своему подъ именемъ *сорока ларней* (Киркъ Кирсакъ) страшными. Они препровождали жизнь свою въ странствованіи, и становились отъ времени до времени чрезъ присовокупленіе къ шайкѣ своей и иныхъ бѣглецовъ, многолюднѣйшими. *Абулъ Гази* почитаетъ ихъ потомками старшаго Могола, а особливо произшедшими отъ *Киргиза*, внука *Хана Огуса*. Они жили будто сперьва при рѣкѣ Икранѣ, неподалеку отъ Китайской стѣны, и по случаю преселенія многихъ Татарскихъ и Монгольскихъ народовъ перешли изъ перьвыхъ своихъ обиталищъ въ склонившіяся больше на Западъ мѣста. Самыя древнія бытія сего народа тѣмъ больше сомнительны, что до завоеванія Сибири Россійскимъ оружіемъ и о имени его не слышно было.

Во время же сихъ завоеваній кочевали Киргизцы при *верьхнемъ Енисеѣ*, около Іюса, Абакана и далѣе на Югѣ и на Востокѣ. Въ 1606 году сдѣлались они купно съ Барабинцами Россійскими подданными. Съ того времени довольно они ославились своимъ непостоянствомъ, возмущеніемъ, покореніемъ, союзами, порабощеніемъ сообщившихся народовъ, жестокостію, грабежами, вѣроломствомъ и всемъ тѣмъ, что только безпутное отъ дикаго и необузданнаго степнаго народа можетъ быть сдѣлано. Они бывали то союзниками Россіи, Золотой орды или Соонгарцовъ, то паки ихъ непріятелями: отъ чего много претерпѣли въ Сибири особливо Красноярскіе, Чулымскіе, Барабинскіе и Алтайскіе Татара. Въ 1632 году избрали нѣкоторые Киргизцы совокупно съ Туркостанцами общаго Хана и получили и сами названіе *Туркостанцовъ*; въ 1636

году были они по причинѣ оказываннаго имъ Соонгарцами покровительства опасны, напротивъ того въ 1643 году претерпѣли они отъ Калмыковъ пораженіе, и такъ далѣе. По всѣмъ таковымъ перемѣнамъ пришли они отъ Енисея на Обь и вообще подавались все далѣе на Западъ и Югозападъ.

Ни кто не запомнитъ съ какихъ временъ и по какимъ причинамъ раздѣлились Киргизцы на *три орды*, изъ коихъ одна называется *большою*, другая *среднею*, а третья *малою*.

Большая орда дружна съ *Бурутами*, да и почитается за одинъ съ ними народъ, и при томъ еще коренной, отъ коего произошла средняя и малая орда. Они кочевали наибольше на Югѣ и поселились въ *Алтайскихъ* горахъ, кои суть склонившійся на Сѣверъ хребетъ Индійскихъ горъ, и по которымъ они и называются *Алтайскими Киргизцами*. Еще и нынѣ кочуетъ орда сія по ту сторону Ташкента, при рѣкѣ верьхнемъ Сыртѣ, около Туркостана и проч.

Она можетъ нарядить до 30000 человѣкъ конницы, изъ коихъ однакожъ развѣ только третья часть къ произвожденію войны способна. Она такъ же, какъ и другія орды, разбойничаетъ и производитъ грабежи не только на земляхъ спокойныхъ своихъ сосѣдей, но и надъ купеческими караванами, какъ то сдѣлалось въ 1738 году у Ташкента надъ Россійскимъ караваномъ. Соонгарцы довольно старались подвергнуть ее своему игу: но храбрость ея и неприступныя горы сохранили ея независимость; и она вступила съ Соонгарцами въ союзъ единственно для отвращенія отъ себя Соонгарскихъ набѣговъ.

Киргизцы большой орды, или *Буруты* живутъ во всегдашнихъ зимнихъ деревняхъ; но лѣтомъ обитаютъ по большой части въ тростниковыхъ шалашахъ; однакожъ очень рѣдкія перемѣняютъ мѣсто своего жилища. Нѣкоторые изъ нихъ упражняются нѣсколько въ земледѣліи; а въ прочемъ гораздо прилѣжнѣе, основательнѣе и мужественнѣе, нежели прочихъ Киргизскихъ ордъ народы; однакожъ напротивъ того болѣе ихъ склонны къ воровству и разбоямъ. Во время войны навѣшиваютъ они на себя великое множество колокольчиковъ и побрякушекъ, которые производятъ страшной шумъ и пугаютъ непріятельскихъ лошадей. Въ прочемъ всѣ они довольно ревностные Магометане.

Съ *среднею* и *малою* ордою то же самое было. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія уступлены они Соонгарцамъ, но должны были

шакЪ же, какЪ и Соонгарцы очистить Сибирь совершенно: послѣ чего и заняли Киргизцы шѣ степи, которыми они нынѣ владѣюшЪ. Каждая орда имѣетЪ особливаго Хана и свои разведенныя мѣста, которыя раздѣлены ими нѣсколько по УлуссамЪ. *Степи* ихЪ *простираются*: на Западѣ до рѣки *Урала* (Кирг. *ДiекЪ*); на Сѣверѣ до *Уя* и новой Сибирской или Ишимской линiи отЪ Тобола до Иртыша; на Востокѣ до рѣки *Суразы*, Хивы, Туркостана и проч.; на Юговостокѣ и Югѣ до *СирЪ-Дарьи*, такЪ же *Аральскаго озера* и *Каспiйскаго моря*. Обширныя сiи степи, которыхЪ Западною и Югозападною частiю малая, а больше на ВостокЪ и на СѣверЪ простирающеюся страною средняя орда владѣетЪ, состоятЪ большою частiю изЪ открытыхЪ и сухихЪ лощинЪ сЪ песчаными мѣстами и солончаками; плодоносныхЪ же полей мало, а лѣсистыхЪ мѣстЪ и того меньше. Они недостаточны такЪ же и хорошею водою. Премногiя озера нарочито или нѣсколько изобильны солью; а такихЪ, вЪ коихЪ чистая вода, мало. Знатнѣйшiя ихЪ рѣки, кромѣ такЪ называемыхЪ порубежныхЪ рѣкЪ, суть: *верьхнiй ТоболЪ* и *ИшимЪ*, впадающiя вЪ ИртышЪ, такЪ же *Емба*, *ИргисЪ* и *Тургай*, изЪ коихЪ первая вЪ *Каспiйское море*, а прочiя вЪ Аксакальское озеро впадаютЪ.

ВЪ 1731 году разумный, но неспокойный *ХанЪ малой орды АбулгаирЪ*, *отдался* купно сЪ ордою своею *подЪ Россiйское* покровительство; и тѣмЪ самымЪ избавился отЪ СоонгарскихЪ и БашкирскихЪ притѣсненiй. ОнЪ учинилЪ при томЪ и присягу вЪ вѣрности. Торжественно же присягали, но не безЪ прекословiя народнаго, ХанЪ и его Вельможи вЪ Оренбургѣ за всю орду вЪ 1738 году; послѣ чего оставилЪ тамЪ *АбулгаирЪ* заложникомЪ одного своего Князька. *Средняя орда*, вЪ коей начальствовалЪ тогда *ХанЪ Шемяка*, послѣдовала примѣру малой, и хотя было нарушила вскорѣ союзЪ, однакожЪ вЪ 1739 году вЪ лицѣ *Хана* своего *Абулмамета* вновь учинила вЪ Оренбургѣ такую же, какЪ и малая орда; торжественную присягу. ВЪ письменныхЪ дѣлахЪ, касающихся до переговоровЪ, называются Киргизцы *Киргизкайсацкимъ войскомЪ*. Когда вЪ 1749 году произошла между сими ордами междоусобная брань, то *АбулгаирЪ ХанЪ* лишился на сраженiи жизни: послѣ чего Россiя доброжелательнаго его Князька *НурЪ Галiя*, бывшаго прежде вЪ Хивѣ ХаномЪ, утвердила вЪ достоинствѣ Киргизкаго Хана. *Среднею ордою* владѣетЪ нынѣ богатой КнязекЪ (СалтанЪ) *Аблай*, не называясь однакожЪ

Ханомъ, и повинуется нѣсколько Хану малой орды. Теперь обѣ орды такъ между собою дружны, что нѣкоторые Улуссы средней орды избирали себѣ начальниковъ изъ числа Салтановъ *Нурб Галія*.

Средняя орда состоитъ изъ *Найманскаго*, *Арганцскаго*, *Уваkгерейскаго* и *Кипчакскаго* колѣна, *малая же орда*, которая сама себя называетъ и *Килчинскою*, раздѣляется на *Алчинское* и *Джатырское* колѣно. Каждое колѣно состоитъ изъ нѣсколькихъ не равно многолюдныхъ малыхъ поколѣній, которыя называютъ они: *Улуссами* и дѣлятъ обыкновенно на роды или Аймаки. Въ каждой ордѣ считается тысячь до тридцати кибитокъ или семей; да они не меньше могутъ поставить и ратоборныхъ людей: но сія смѣта полагается только, примѣняясь къ извѣстнымъ частнымъ Аймакамъ въ разсужденіи числа находящихся въ нихъ душъ.

Когда Ханъ и вельможи присягаютъ и вступаютъ въ переговоры; то орды подвергаются чрезъ то *покровительству* и зависимости, но не государственнымъ законамъ Россіи, и не платятъ на ряду съ прямыми подданными податей. Орды сіи такъ, какъ и нѣкоторыя Кавказскія, обязаны быть пріятелями пріятелямъ, а врагами врагамъ Россійской державы, подданнымъ Россійскимъ въ торгахъ и обхожденіи не только изъявлять всякое благопріятство, но такъ же ихъ защищать, подавать помощь, оказывать всякую справедливость и удовлетвореніе, и вообще поступать съ ними, какъ съ соподданными одного и того же правленія. Напротивъ того орды получаютъ защиту противу своихъ угнѣтателей, въ торгахъ и обхожденіи тѣ же выгоды, владѣютъ спокойно своими землями и остаются при всѣхъ своихъ устроеніяхъ, законахъ, вѣрѣ, обращеніи съ своими сосѣдями, не платятъ ни какого подушнаго окладу, не получаютъ ни какихъ до устроенія ихъ касающихся повелѣній и вообще ни въ чемъ не ограничиваются. Въ залогъ исполненія своихъ обязательствъ даютъ они по нѣскольку изъ своихъ Князьковъ или знатныхъ людей *аманатовъ*, которые въ Оренбургѣ получаютъ съ Россійской стороны соотвѣтствующее условію жалованье. Въ условіи семъ выговорили они каждому аманату въ день только по 15, а каждому ихъ прислужнику по 5 копѣекъ: чемъ и содержатъ они себя изрядно, по тому, что ѣдятъ почти одну только баранину, которая присылается имъ изъ орды. Когда *Ханъ* пріѣзжаетъ въ Оренбургъ, чего однакожъ онъ безъ дозволенія Губернаторскаго дѣлать не долженъ; то ему какъ правительствующему лицу, оказывается честь пушечною пальбою,

преклоненїемъ знаменъ, музыкою, почестною стражею и проч. Большая половина ихъ вельможъ получаетъ отъ правительства ежегодно подарки, которые нарочито походятъ на жалованье, и состоятъ въ деньгахъ, матерїяхъ, мукѣ, крупѣ и прочемъ. Ханъ самъ получаетъ ежегодно по 600 рублей наличными деньгами, и до 20 верблюжьихъ вьюковъ съ съѣстными припасами, нѣкоторые вельможи до 300 рублей, а самые простые старшины по 20 рублей. Ежели Хану надобно о какомъ ни есть дѣлѣ снестись съ Губернаторомъ, то посылаетъ одного или нѣсколько старшинъ съ полномочїемъ, которые обо всемъ доносятъ словесно. Всякъ изъ таковыхъ посланниковъ получаетъ, какое бы въ прочемъ дѣло ни было, алое платье въ подарокъ. Губернаторъ посылаетъ къ Хану по дѣламъ же приказныхъ служителей, которые такъ же получаютъ иногда дары, состоящїе всегда въ лошадяхъ, но несравненно цѣною низшїе. Обѣ орды для поощренїя къ торговлѣ уволены отъ платежа пошлинъ, и при томъ больные ихъ, буде пожелаютъ, снабдѣваются даромъ отъ Оренбургскихъ врачей лѣкарствами: но они весьма рѣдко пользуются симъ на человѣколюбїи основаннымъ учрежденїемъ. Не взирая на всѣ договоры, клятвы, заложниковъ и оказываемыя изобильно милости, слѣдуетъ сей суровой и необузданной народъ при всякомъ случаѣ склонности своей къ хищенїю, коей можетъ только полагать нѣкоторые предѣлы противупоставляемая сила, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ же внушенїя и соучаствованїя ихъ больше доброжелательныхъ вельможъ и торговыя выгоды, къ собственной ихъ прибыли клонящїяся. Граница, которою служитъ отъ части знатная рѣка Уралъ, повсюду ограждена рядомъ или линїею крѣпостей и окоповъ. За великїя нарушенїя договоровъ орды наказываются: но они при всемъ томъ похищаютъ иногда изъ Россїйскаго владѣнїя людей и скотъ, и разграбляютъ часто въ степяхъ своихъ идущїе въ Россїю Бухарскїе или иные какїе караваны. Все, что впредь сказано будетъ мною о Киргизцахъ, относится, по елику Россїя не имѣетъ съ большою ордою ни союза, ни торговаго обращенїя, наипаче къ *средней* и *малой ордѣ*.

У *Киргизцовъ видъ* точно такой же милой и свободной, какъ у Казанскихъ Татаръ. Глаза у нихъ, которые поменѣе, можетъ быть и отъ того единственно, что они болѣе сжимаютъ вѣки по причинѣ желтѣющихся степей и ослѣпляющаго снѣгу, веселы, а не грозны. Они одарены отъ природы изряднымъ разумомъ, лю-

бятъ пустоши, пышны, прокладны, ласковы, любострастны, и слѣдовательно не кровожаждущи. Грабительства ихъ, такъ же жестокость и несправедливости можно почесть паче слѣдствiями суроваго и не обузданнаго ихъ рода жизни, нелѣпаго стремленiя къ мщенiю, и ложныхъ понятiй о чести и смѣлости, нежели природнымъ къ тому влеченiемъ: по чему они совокупно съ разпространенiемъ торговли съ Россiею нарочито и во нравахъ своихъ исправляются. *Женщины* ихъ похваляются за домовитость, за добросердечiе и за соболѣзнованiе о невольникахъ, которымъ облегчаютъ они часто побѣги и не безъ собственной своей опасности.

Школъ у нихъ нѣтъ; и хотя по тому рѣдко кто на своемъ *языкѣ* писать умѣетъ, однакожъ языкъ ихъ, по утвержденiю знающихъ людей, нарочито изрядное Татарское нарѣчiе, конечно по тому, что они Татарами окружены и ни съ какими иными народами обращенiя не имѣютъ.

Дворянство ихъ многолюдно: нижнiй родъ онаго называютъ они *Ходжами*, а среднiй *Бiю*, вышнiй же состоитъ изъ *Салтановъ*. *Ходжи* ихъ не отрасли Мугаметовы, какъ то у Туркостанцовъ и другихъ народовъ, но единственно честной природы люди; *Бiи* же должны имѣть богатырей, а *Салтаны* или Князьки начальниковъ народа своими предками. По елику женьщинъ они покупаютъ, то и въ родословiи совсемъ ихъ не числятъ. Не только колѣна, но и самые роды или Аймаки, рачительно наблюдаютъ взаимной союзъ и избираютъ себѣ старшинъ изъ знатнѣйшихъ и самыхъ богатыхъ дворянъ. *Начальникамъ* ихъ нѣтъ ни малѣйшаго жалованья; да и повиновенiя малымъ чемъ больше оказывается противъ того, какое бы и безъ начальства изъявляемо имъ было по богатству ихъ и прилѣпленiю къ нимъ какъ простаго народа, такъ и другихъ богачей. И самому Хану оказывается честь и повиновенiе больше по старшинамъ, которые бываютъ отъ части его братья, Салтаны, дядья или ихъ друзья. Да и такiя опредѣленiя, которыя сдѣланы съ общаго согласiя всѣхъ Аймакскихъ начальниковъ, исполняются народомъ токмо по толику, по колику они ему угодны; и всякимъ частнымъ человѣкомъ, когда только предвидитъ онъ себѣ изъ того пользу, нарушаются.

Во время положенной обще на мѣрѣ и народомъ подтвержденной *войны* собираются всѣ къ ратованiю способные люди въ опредѣленное мѣсто, всякъ, по примѣру Башкирцовъ, съ двумя или больше лошадьми, и вооруженъ. Толпы сiи соединяются и вступаютъ въ

походъ подъ предводительствомъ избранныхъ военачальниковъ. Поелику всякъ самъ себя содержитъ, то войско ихъ не имѣетъ надобности, ни въ казнѣ, ни въ житницахъ. Множество ихъ все опустошаетъ. Чего они изъ попадающихся имъ стадъ не съѣдятъ, и которыхъ непріятелей мужескаго пола не перерубятъ, тѣхъ такъ, какъ женъ и дѣтей, уводятъ въ неволю. Когда воинственное странствованіе имъ наскучитъ; то они сами собою мало по малу возвращаются на прежнія свои мѣста: по чему войско ежедневно тогда убываетъ. Когда они встрѣтятся съ неробѣющими непріятелями, то ни мало въ дѣлѣ своемъ не успѣваютъ. Изъ луковъ стрѣляютъ они очень худо. Огнестрѣльныя ихъ оружія безъ курковъ, по чему и палятъ они изъ нихъ еще и нынѣ по старинному обыкновенію, поджигая порохъ фитилемъ. Они не могутъ и прямо изъ рукъ палить, но сходятъ съ лошади, ложатся на земь и ставятъ ружейной стволъ на придѣланные къ нему рожны; что все выжидать непріятелямъ иногда становится и скучно. Ежели они въ предпріятіи своемъ не успѣютъ, или къ тому еще и пораженіе претерпятъ; то всякъ спѣшитъ ближайшею дорогою въ свой улуссъ. При всемъ томъ одерживаютъ они обыкновенно побѣду надъ такими непріятелями, которые не мудренѣе ихъ въ воинскихъ дѣйствіяхъ.

Яко *судіи* имѣютъ *старшины* въ улуссахъ, а Ханъ, въ вершеніи тяжебныхъ дѣлъ больше, нежели въ правленіи, власти, по елику всякъ вступается за употребительные у нихъ законы и требуетъ, чтобы оные были наблюдаемы. *Законы* ихъ утверждаются частію на Алкоранѣ, а частію на старинномъ обыкновеніи, въ особыхъ же случаяхъ на естественной справедливости.

Кто *убьетъ мужа*, тотъ подвергается гоненію его родственниковъ на два года, въ теченіе которыхъ могутъ они его убить, не навлекая на себя чрезъ то наказанія. Если же онъ жизнь свою между тѣмъ сбережетъ, то долженъ дать родственникамъ убіеннаго сто лошадей, одного невольника и двухъ верблюдовъ. Пять барановъ или овецъ берутся въ замѣну одной лошади. За *убіеніе жены, робёнка* или *невольника*, такъ, какъ и за оскверненіе женьщины, за которымъ послѣдуютъ безвременно роды, полагается наказаніе въ половину противу вышеписаннаго. Но во всѣхъ случаяхъ мирятъ тяжущихся друзья и пріятели; при чемъ обиженные больше или меньше уступаютъ.

Изуродованіе человѣка почитается въ половину противу лишенія жизни. Большой палецъ стоитъ 100, малой 20, а прочіе отъ

30 до 60 овецъ. Лишенїе ушей считается у нихъ толико ужаснымъ порокомъ, что человѣкъ претерпѣвшїй сей уронъ, хотя и безвинно, отнюдь имъ несносенъ. Кто въ гнѣвѣ соперника своего схватитъ за бороду или за дѣторoдный удъ обоего пола, тотъ по произволенїю судей истязуется крайне строго. За похищенїе какой ни есть вещи взыскиваютъ въ девять кратъ больше, и такъ далѣе. Ни кому не дозволяется за самаго себя присягать; и ежели братъ или приятель сдѣлать того не пожелаетъ или не можетъ, то тотъ, на кого вступила жалоба, обвиняется.

Всѣ вообще Киргизцы *кочуютъ*, живутъ всегда въ подвижныхъ юртахъ, и ради *скотоводства*, главнаго и почти единственнаго упражненїя, странствуютъ въ своихъ степяхъ. По елику они въ разсужденїи перекочовокъ сообразуются своимъ стадамъ, то лѣтомъ пребываютъ наибольше въ лежащихъ ближе къ Сѣверу, а зимою въ склонившихся больше на Югъ степяхъ. *Звѣриной промыселъ* и *рыбная ловля* могутъ почесться побочными только ихъ упражненїями; о *землепашествѣ* же, которое и безъ того въ большей части сухихъ и солончаками изобильныхъ ихъ степей, было бы не прибыльно, они и не думаютъ.

Табуны ихъ состоятъ изъ лошадей, верблюдовъ, рогатаго скота, овецъ и козъ. Отъ нихъ они заимствуютъ свое *пропитанїе* и одѣянїе, такъ, какъ и самое *благосостоянїе*; и сїя ихъ слава купно съ соучаствованїемъ въ совѣтахъ, доставляетъ имъ преимущественныя мѣста и проч. И у самаго простаго, но добраго скотоводца, рѣдко бываетъ меньше 50 или 30 лошадей, въ половину противъ того рогатаго скота, 100 овецъ, нѣсколькихъ верблюдовъ и отъ 20 до 50 козъ. Въ средней же особливо ордѣ есть, какъ слышно, и такїе люди, у которыхъ табуны содержатъ въ себѣ до 10000 лошадей, до 300 верблюдовъ, отъ трехъ до четырехъ тысячь рогатаго скота, около 20000 овецъ, и больше 1000 козъ. Имѣющїе тысячь по пяти лошадей и по соотвѣтствующему числу другаго скота люди есть и въ малой ордѣ.

Скотоводство ихъ вообще Башкирскому подобно. Да и самой родъ ихъ *лошадей* и *рогатаго скота* таковъ же, только Киргизкїя въ разсужденїи того, что бродя въ теплыхъ степяхъ не столько холодомъ и голодомъ изнуряются, какъ Башкирскїя, бодрѣе, дичае и пригожѣе. Къ упряжкамъ очень трудно ихъ приваживать, и за однимъ овсомъ околѣли бы они съ голоду, если бы вдругъ перестали давать имъ и другой кормъ: по чему и надобно такъ дѣлать, чтобы они исподоволь къ тому привыкали.

Верблюды (Тые) удаются въ теплыхъ ихъ и соленыхъ степяхъ чрезвычайно хорошіе. Они держатъ какъ тѣхъ, кои объ одномъ, такъ и такихъ, которые объ двухъ горбахъ, по тому, что первые долѣе сносятъ жажду и для того къ дальнимъ путешествіямъ преимущественно способны; послѣдніе напротивъ того изобильнѣе шерстью. Зимою обшиваютъ и они ихъ войлоками. Они приучаютъ верблюжонковъ, когда еще сосутъ, къ тому, чтобы они услыша слово *Гіокъ*, становились на колѣни. Головымъ верблюдамъ прокалываютъ они въ носу хрящъ и проволакиваютъ сквозь оной небольшую веревку съ запоромъ, дабы во время верьховой ѣзды можно было ихъ править. Верблюды приносятъ имъ въ хозяйствѣ ихъ великую пользу. Когда перемѣняютъ они свои станы, то навьючиваютъ на нихъ свои юрты и домашнюю рухлядь; такъ, что они носятъ на себѣ тяжести и по 30 пудъ. Въ дальныхъ путешествіяхъ никогда они свыше 16 пудъ на верблюда не навьючиваютъ. Съ каждаго верблюда приходитъ въ годъ отъ 10 до 12 пудъ шерсти, которую продаютъ они въ Россію и Бухарію, а отъ части и сами употребляютъ на дѣланіе камлотовъ и аркановъ. Сверьхъ того они ихъ доятъ для Кумызу и сыру, а иногда и для масла, которое тучнѣе коровьяго и не столько жидко бываетъ, какъ изъ кобыльяго молока дѣлаемое, и при томъ ѣдятъ ихъ мясо; кожи же почитаются наилучшими для большихъ молошныхъ мѣшковъ (Сава).

Рогатымъ скотомъ завелись они еще недавно. Они похищали себѣ на разводъ оной у Калмыковъ стадами и не мѣшали его размноженію. По примѣру Калмыковъ употребляютъ они его, кромѣ обыкновеннаго заимствованія отъ него разныхъ выгодъ, къ верьховой ѣздѣ, и прокалываютъ ему на такой конецъ, какъ и верьблюдамъ, въ носу хрящъ.

У *овецъ* ихъ хвосты широкіе; головы большія, а уши повислыя. Для овечьихъ заводовъ степи ихъ весьма привольны, и по тому они не только не взирая на то, что много бьютъ, не уменьшаются, но и самыя овцы бываютъ чрезвычайно велики. У нихъ есть овцы вышиною съ осла, у которыхъ обливніеся жиромъ хвосты бываютъ вѣсомъ и по пуду. Шерсть на нихъ бѣлая, черная, сѣрая, пестрая; да и рыжая всѣмъ Киргизкимъ и широкохвостымъ овцамъ общая. Баранина служитъ ежедневною и нерѣдко чрезъ долгое время единственною пищею прожорливымъ Киргизцамъ: но при всемъ томъ поелику многія овцы ягнятся двойнями, могутъ онѣ не только сами ѣсть великое множество ягненковъ, но и продавать овецъ въ весьма

знатномъ числѣ въ Россїю и Хиву. *Мясо* сихъ овецъ слаще нежели обыкновенныхъ; и имѣющїе чистой вкусъ люди примѣчаютъ, что оно отъ благовонныхъ полыни родовъ (*) балзамомъ отзывается. Ягненки такъ вкусны, что ежегодно посылается нѣкоторое число оныхъ изъ Оренбурга въ Санктпетербургъ для придворнаго стола. Киргизкїя мерлушки всѣхъ прочихъ, кромѣ Бухарскихъ, славнѣе, дешевлѣе, больше разходятся, и почитаются первымъ товаромъ въ Киргизкихъ торгахъ. Онѣ бываютъ всѣхъ вышепомянутыхъ цвѣтовъ. Отъ самыхъ лучшихъ такой же лоскъ, какъ и отъ Бухарскихъ, и онѣ волнисты; простыя же мѣлкокурчаты, а на хуждшихъ волосъ прямѣе. Дабы имѣть побольше волнистыхъ мерлушекъ, то обшиваютъ они ягненковъ, какъ только родятся, холстомъ, отъ чего волосъ остается волнистъ и мякокъ. Когда же ягненки подростутъ уже такъ, что холстъ лопнетъ, то убиваютъ они ихъ, дабы скорѣе содрать съ нихъ шкуру. Но такое хозяйство ведется только при малыхъ стадахъ, или у богатыхъ людей, имѣющихъ у себя многихъ невольниковъ. *Овечья* ихъ *шерсть* жесткая и къ произвожденїю ею торговъ не годится, но употребляется только ими на валянїе войлоковъ и толстаго сукна.

Хотя большая половина сихъ богатыхъ и праздныхъ скотоводцовъ упражняется въ *звѣриной ловлѣ* только для забавы: однакожъ промыселъ сей, доставляя имъ дичину и мягкую рухлядь, приноситъ великую пользу. Въ степяхъ ихъ водятся волки (К. Бура), простыя и степныя лисицы (Тулка и Корсакъ), язвецы, красная дичь, сайги, горностаи, сурки, суслики и другїе звѣри. Въ мѣстахъ ихъ, лежащихъ больше на Востокъ и Югъ водятся не въ такомъ множествѣ, а отъ части рѣдко, дикїя овцы (Аркалъ), такъ называемыя Калмыцкїя коровы (Кирг. Сугунъ, Калм. Сарлыкъ, серны (Киракуйрукъ), чекалки, барсы (Юлбарсъ), дикїе ослы (Тарпанъ), и другїе. Кромѣ разныхъ ловушекъ, силковъ и прочаго, гоняются они за звѣрями на лошадяхъ верьхомъ, при чемъ употребляютъ гончихъ своихъ собакъ и беркутовъ, коихъ они покупаютъ наибольше въ Оренбургѣ весьма дорогою цѣною, и учатъ ихъ такъ, что они преслѣдуемому звѣрю уцепляются когтями своими въ глаза и тѣмъ еще лучше, нежели собаки, побытъ его останавливаютъ; послѣ чего преслѣдователь убиваетъ его тяжелымъ своимъ кнутомъ.

Есть между ими и *кузнецы*, но не искусные; и по тому они топоры, ножи, оружїе, огнивы и проч. по большей части покупаютъ.

(*) Artemisiae Spec.

Нѣкоторые умѣютъ дѣлать просто и порохъ. Они ко всякой работѣ такъ непривычны, что и отъ самаго малаго труда почти обливаются потомъ и тотъ часъ устаютъ. Примѣромъ тому служитъ и слѣдующее. Въ 1770 году хотѣлъ Ханъ, послѣдуя Россійскимъ сельскимъ хозяевамъ, чтобы накошено было нѣсколько сѣна для хвораго скота, и досталъ себѣ на такой конецъ небольшія, въ одинъ только аршинъ длиною, Россійскія косы. Но Киргизцы его не только или заносили ихъ выше травы, или задѣвали землю, но и послѣ всякой замашки, при чемъ нерѣдко и сами опрокидывались, долго отдыхали, а напослѣдокъ и вовсе бросили косы, такъ, что Ханъ принужденъ былъ для дѣла сего нанять Козаковъ.

Похищенія людей, скота и товаровъ, коими обижаютъ Киргизцы наибольше Каракалпаковъ, Бухарцовъ, Персіянъ, Трухменцовъ и другихъ сосѣдей, охотнѣе же, но съ вящшею опасностію, Калмыковъ, а Россіянъ изрѣдка, хотя между ими и запрещены, однакожъ они не токмо не стыдятся грабить, но и хвастуя еще между собою такими удальствами, которыя нерѣдко походятъ на сумазбродства, не иначе, какъ будто храбрыми подвигами и воинственными упражненіями. Кромѣ случайныхъ грабительствъ, перебираются они по одиначкѣ на удачу за границу, больше же соединяются въ шайки, кои нерѣдко имѣютъ и знатныхъ предводителей. Когда они вздумаютъ разграбить караванъ въ нутри или внѣ своихъ степей, то вступаютъ о томъ и цѣлые улусы въ заговоръ. Многіе Киргизцы попадаютъ во время грабительствъ своихъ въ неволю, или лишаются жизни, и пропадаютъ такимъ образомъ безъ всякаго взысканія. По случаю небольшихъ грабежей, остается всякъ при томъ, что кому захватить удастся; послѣ большаго же похищенія бываетъ дѣлежъ по усмотрѣнію. Скотину всякъ про себя оставляетъ, и по слику уведенныя жены служатъ мужьямъ въ честь, то и ихъ по большой части изъ рукъ своихъ не упускаютъ; невольниками же и товарами поступаются своимъ богачамъ за скотъ, или продаютъ первыхъ и Бухарцамъ. Сіе дѣлаютъ они особливо съ Рускими людьми, отъ части для того, чтобы не было никакой привязки, а отъ части и по тому, что Бухарцы большія даютъ за нихъ деньги, почитая ихъ искусными и къ земледѣлію способными.

Россійское средство къ отвращенію Киргизкихъ грабительствъ за границею состоитъ въ линіи или стоящихъ рядомъ укрѣпленіяхъ. Гдѣ рѣки не составляютъ предѣла или рубежа, тамъ отъ одного укрѣпленія до другаго натыканы въ землю и загнуты прутья,

дабы объѣзды могли по полостямъ оныхъ примѣтить, были ли тамъ Киргизцы, которые обыкновенно пріѣзжаютъ верьхомъ; и когда о томъ удостовѣрятся, то стараются ихъ переловить. Россійской скотъ пасутъ такъ же вооруженные и верьховыхъ лошадей при себѣ имѣющіе пастухи. Если же при всемъ томъ учинятъ Киргизцы грабежи, или разобьютъ въ степяхъ своихъ торгующіе съ Россіею караваны; то Россійскіе начальники требуютъ у Хана всему тому возвращенія; а когда ни Ханъ, ни знатнѣйшіе ихъ люди не возмогутъ сдѣлать того, чтобы все похищенное отдано было обратно, то посылается нѣсколько войска, состоящаго наибольше изъ Башкирцовъ, въ орду, гдѣ первый улусъ, какой бы ни попался, принужденъ бываетъ въ отвращеніе отъ себя бѣды, указать сему войску тотъ, отъ коего разграбленіе сдѣлалось; послѣ чего приводитъ войско нѣкоторое число Киргизцовъ и скота для разсчету въ Оренбургъ. При семъ расчетѣ всѣ Киргизцы, какъ скоро возвратятся тѣ люди, кои пропадали, отпускаются немедлѣнно въ ихъ Аймаки. Емлемые по одиначкѣ хищники наказываются и отсылаются въ находящіеся по крѣпостямъ остроги.

Киргизскія женщины упражняются какъ и Башкирки въ доеніи скота, выдѣлываніи кожъ, тканьѣ, валяньѣ войлоковъ и въ другихъ симъ подобныхъ дѣлахъ. Они *ткутъ* не холстъ крапивной или пеньковой, но *толстое* токмо *сукно* и *камлотъ*, и употребляютъ къ валянью сукна *мыло* собственнаго своего варенія.

Въ сравненіи съ другими кочевыми народами нашихъ странъ, *живутъ* Киргизцы очень хорошо. При необузданной своей вольности, и видя совершенную удобность, нажить и себѣ нужное для достаточнаго пропитанія множество скота, не хочетъ ни кто изъ нихъ быть у другаго рабомъ или слугою, но желаетъ, чтобы всякъ поступалъ съ нимъ такъ, какъ съ своимъ братомъ: по чему богатые люди никакъ не могутъ обойтись безъ *невольниковъ* (Язюренъ); и чемъ больше у кого рабовъ, тѣмъ больше придаютъ они великолѣпія, и тѣмъ лучше для его табуновъ. Знатнымъ служатъ одни только невольники; да и у самаго Хана есть оныхъ больше пятидесяти. Для людей препровождавшихъ и прежде жизнь свою по примѣру Киргизцовъ невольничество ни мало не тягостно, по тому что господа обходятся съ невольниками своими какъ будто бы съ родственниками, содержатъ ихъ тою же пищею и снабдѣваютъ всякими надобностями; для привыкшихъ же къ иной жизни людей довольно оно тягостно. Покушеніе спастись отъ неволи побѣгомъ и

согласіе съ женами подвергаютъ плѣнниковъ, да и самыхъ женъ строгостямъ, отъ которыхъ иные и умираютъ.

По елику не всякъ можетъ имѣть довольное для табуновъ своихъ число невольниковъ; то богатые надѣляютъ скудныхъ скотомъ, а сіи въ знакъ благодарности приглядываютъ за скотиною своихъ благодѣтелей. Ежели табуны чьи ни будь скоро размножатся, то онъ почитаетъ сіе благодатію и раздѣляетъ по бѣднымъ людямъ знатное число скота. Ежели сей податель пребудетъ въ благосостояніи, то надѣленные имъ люди не бываютъ ему за то ни чемъ обязаны; если же онъ по причинѣ скотскаго падежа, разхищенія, по инымъ какимъ нещастіямъ лишится своихъ стадъ, то надѣленные имъ прежде пріятели даютъ ему толикое же число или еще и съ приплодомъ скота, хотя бы у самихъ ихъ и весьма мало за тѣмъ оставалось. И по тому богатый человѣкъ дѣлаетъ посредствомъ таковыхъ благотвореній табуны свои какъ будто вѣчными.

Жилища ихъ суть подвижныя войлочныя юрты, совсемъ подобныя Башкирскимъ, только огромнѣе и чище. Знатные и зажиточные люди покрываютъ ихъ бѣлыми войлоками, и при томъ имѣютъ особыя юрты для женъ, дѣтей, стряпни, и для съѣстныхъ припасовъ, а иногда и для хвораго скота. Мѣсто для разводу огня сдѣлано по серединѣ юрты подъ полою вершиною крышки. Около онаго лежатъ войлоки или Персидскіе ковры, а иногда и тюфяки. Внутренность юрты или шалаша украшена бываетъ у богатыхъ пестрыми, нерѣдко шелковыми матеріями. Кругомъ стоятъ молочные мѣшки и сундучки, на стѣнѣ виситъ оружіе, верьховая конская збруя, наилучшее одѣяніе и сему подобное.

Домашній скарбъ сходенъ такъ же съ Башкирскимъ. Крутцовыхъ сосудовъ не ставятъ они ни во что; напротивъ того превеликія изъ березоваго суку выдѣланныя миски такъ имъ милы, что за нарочито великую чашку даютъ иногда и лошадь.

Станы ихъ, по елику Аймаки охотно пребываютъ въ союзѣ, довольно заключаютъ въ себѣ юртъ, но очень обширны. Около Ханскаго собственнаго стану наберется юртъ около тысячи; напротивъ того иногда на 50, да и на 100 верстахъ не попадается ни одна юрта. Ради паствы перемѣняютъ они какъ зимою, такъ и лѣтомъ станы; о чемъ Аймаки въ отвращеніе всякаго притѣсненія вступаютъ между собою въ условія. По елику они жгутъ почти одинъ только скотской калъ, то юрты ихъ въ зимнюю пору холодны.

Одѣваются они по Восточному обычаю, но обыкновенно лучше, нежели другїе Татара. Мужчины голову брѣютъ и оставляютъ только усы, да хохолъ. Штаны у нихъ широкїя. У полусапоговъ ихъ каблуки долгїе вострые, носки вострые же, и они подъ подошвами усыпаны гвоздями. Шовъ нерѣдко строчатъ и золотомъ. Рубахи рѣдко кто носитъ; а въ мѣсто оныхъ служитъ долгой тонкой натѣльникъ (К. Егда). Подобное сему нижнее платье изъ какой ни есть или и изъ шелковой матерїи дѣлаемое называется у нихъ *Чапанъ*, а верьхнее платье, коего рукава дѣлаются широкїе, къ низу съуженные, *Челковъ*. Поясъ замѣняетъ у многихъ сабельная портупея, и у иного привѣшенъ къ оной табашной приборъ, огниво и ножъ. Нижняя шапочка или скуфейка вышита и востра. Верьхняя шапка подобна такъ, какъ и у Башкирцовъ, кеглю, но не опускается, а дѣлается съ ушками, которыя загибаются, и придаютъ ей видъ корабля. Вершина шапки украшается по большей части кистью. Платье шьютъ они себѣ изъ китайки, сукна, а особливо краснаго, или изъ шелковыхъ такъ же изъ пестрыхъ и дорогихъ матерїй, штофовъ и проч. и опушаютъ верхнее одѣянїе по большой части выдрами. Мужчины всегда накутываютъ на себя много одежи, по чему и въ такомъ случаѣ, когда спотыкнется подъ нимъ лошадь, рѣдко приключается бѣда.

Лошадьми своими хвастаютъ они почти столько же, какъ и самими собою. Они украшаютъ наилучшихъ лошадей великолѣпными сѣдлами, покрышками и уздами, и садятся на нихъ обыкновенно вооруженные, имѣя всегда при себѣ коротку, въ большей палецъ толщиною, плеть. Когда собираются на звѣриную ловлю, то надѣваютъ большїя до самыхъ рукъ достающїя долгїя штаны (Шаравары), въ которыя забираютъ верьхнее и нижнее платье: по чему и сами кажутся странствующими штанами.

Одѣянїе Киргизкихъ женщинъ совсемъ сходно съ одѣянїемъ Казанскихъ Татаръ. Къ волосамъ прицепляютъ они обыкновенно широкое, корольками покрытое и кисточками разнещренное украшенїе (Куйрукъ), совершенно подобное тому, какое въ употребленїи у Черемисянокъ. По буднямъ покрываютъ онѣ голову фатою, въ праздничные же дни надѣваютъ чепцы, Башкирскимъ подобные, и покрытые монетами и прочимъ Многїя, а особливо знатныя, обвертываютъ голову разными матерїями, похожо на Турецкую высокую чалму. *Дѣвки* заплетаютъ волосы во многїя маленькїя косы. Дочери знатныхъ людей и Салтанши отличаются отъ прочихъ торча-

Киргизецъ на конѣ.
Ein Kirgise zu Pferde.
Kirgise à chéval.

Киргиска съ лица.
Eine Kirgisin vorwärts.
Une Kirguisiene par devant.

Киргиска съ тыла.
Eine Kirgisin rückwärts.
Une Kirguisiene par derriere.

щими въ волосахъ, наподобіе роговъ, пригожими *цаплиными шелми*. Богатыя и знатныя женщины носятъ платье шелковое, отъ части изъ дорогихъ матерій и штофовъ, суконное, и очень часто бархатное; да при томъ окладываютъ онѣ платье свое нерѣдко снурками и золотыми позументами, или опушаютъ выдрою.

Въ разсужденіи *пищи* и *питія* наблюдаютъ предписанія Мугаметанъ. Самая общая ихъ *зимняя ѣства* баранина, а *лѣтомъ питаются* почти однимъ только Кумызомъ. Всѣ прочія ѣствы, мяса, дикіе коренья, которые у нихъ такіе же, какъ и у Барабинцовъ, молошныя и мучныя кушанья и проч. употребляются у нихъ частію въ торжественные только дни, а частію и для перемѣны. Всѣ ихъ ѣствы приуготовляются весьма просто, не всегда съ надлежащею чистотою, и приправляются иногда одною только солью. По елику муку и крупу могутъ они получать только изъ Россіи, Бухаріи и Хивы, то иному едва удастся и на всемъ его вѣку хлѣбъ и кашу видѣть. По причинѣ изобилія въ молокѣ перегоняютъ они Кумызъ, и получаютъ чрезъ то *молошное вино* (Арракъ). Не имѣя недостатка въ мясѣ, могутъ они въ зимнюю пору утолять жажду свою мясною жижицею. До *жиру* такіе они охотники, что часто сало и масло голое изъ горсти ѣдятъ. Они вообще добрые и ненасытные ѣдоки; четверо ихъ, возвратясь съ звѣриной ловли, уберутъ за однимъ пріемомъ иногда и цѣлую овцу, или барана.

Они такъ, какъ всѣ Татара, страстные охотники до *табаку*. Всѣ вообще обоего пола курятъ его и нюхаютъ; носятъ же нюхальной табакъ за поясомъ въ маленькихъ рожкахъ. По елику имъ кромѣ Кумызу и Арраку упиваться нѣчемъ, то служитъ имъ средствомъ же къ тому и курительной табакъ, котораго дымъ они въ такомъ намѣреніи глотаютъ, и предпочитаютъ простой крѣпкой или Черкаской табакъ слабому, а особливо Китайскому *Шару*. Они употребляютъ какъ маленькія Китайскія, такъ и изъ сучьевъ вырѣзанныя трубки; но какъ тѣ и другія надобно имъ получать отъ своихъ сосѣдей, то большая половина Киргизцовъ куритъ табакъ изъ пустыхъ овечьихъ или бараньихъ костей. Отрѣзавъ съ одной стороны у берца шишку, вынимаютъ мозгъ, и провертываютъ неподалеку отъ другой шишки въ боку дыру. Когда хотятъ курить, то кладутъ съ открытаго конца въ сію трубку шерстяную затычку, которую вжимаютъ почти до самой поперечной дыры, дабы табакъ, которымъ они по томъ наполняютъ сію трубку или

кость, оной не засыпалъ. При куренiи кладутъ они съ открытаго конца горящiй трутъ и тянутъ сквозь поперечную дыру дымъ такъ крѣпко, что и глотаютъ и сквозь носъ излишнiй выпускаютъ. Всякъ довольствуется обыкновенно нѣсколькими только добрыми глотками, и подаетъ послѣ того трубку своему товарищу. Но и сего еще страннѣе общественное ихъ куренiе, употребительное въ такомъ случаѣ, когда недостатокъ въ трубкахъ или курительныхъ костяхъ. Дабы землю скрѣпить и ко вжиманiю сдѣлать способною, то изпускаетъ кто нибудь на удобное къ лежанiю мѣсто мочу, и дѣлаетъ по томъ рукояткою своей плѣти въ промоченной землѣ курительную ямку желаемой величины; послѣ чего набиваетъ оную табакомъ. Когда хотятъ курить, то кладутъ на табакъ горящiй трутъ; и всѣ охотники протыкаютъ сквозь землю на искось пустые травяные сухiе стебельки такъ, чтобы коснулись въ низу табаку, и чтобы можно было, не мѣшая другимъ, лежа на брюхѣ дымъ всасывать. При семъ способѣ куренiя объята бываетъ вся табашная братiя прiятнымъ ей табашнымъ дымомъ, и не только скорѣе, но и вдругъ становятся всѣ вообще соучастники куренiя пьяны.

Въ обхожденiи между собою и съ иностранцами, которые у нихъ не въ полону, поступаютъ правда они не вѣжливо, но при всемъ томъ ихъ угощаютъ и дружески принимаютъ. Здоровкаются они между собою по Татарскому обыкновенiю, и ставятъ передъ гостей своихъ самое лучшее, что у кого случится, и при томъ для чести убиваютъ обыкновенно овцу и готовятъ *пятипалую ѣству* (Бишбармакъ), которую они, какъ сказано выше сего и въ разсужденiи Башкирцовъ, втискиваютъ гостямъ въ ротъ пальцами. Сiе дѣлается и надъ знатными у нихъ людьми, когда они ѣдятъ не одни: но они и сами наблюдаютъ сiю учтивость, когда ѣдятъ у нихъ низшаго состоянiя люди. И самъ Ханъ оказываетъ таковое снизхожденiе своимъ гостямъ. Ежели кто ни есть изъ иностранцовъ подружится со знатнымъ или по одному только богатству почитаемымъ Киргизцомъ, то онъ сообщась съ нимъ пользуется въ ордахъ гораздо большею безопасностiю, нежели когда бы имѣлъ при себѣ и воинскую стражу, коя ни какъ противу большихъ шаекъ устоять бы не могла. Грабители тотъ часъ отстаютъ отъ своего намѣренiя, какъ скоро Киргизецъ увѣритъ ихъ, что иностранецъ его прiятель; и ежели кто ни будь изъ Киргизцовъ обѣщается такое покровительство оказывать, то нарочито

можно на слово его надѣяться. Принявъ сію предосторожность многіе Россійскіе купцы, а особливо изъ Татарскихъ народовъ, предпріемлютъ съ великою выгодою путешествія въ *Бухарію*, *Хиву* и другія области.

Знатные ихъ и *богатые* люди живутъ точно такъ, какъ и простолюдимы; и по тому станы ихъ по большому только числу юртъ для женъ, дѣтей и невольниковъ, а самихъ ихъ, когда ѣдутъ верьхомъ, по множеству провожатыхъ, узнавать можно. Съ народомъ обходятся они по братски; и поелику всѣ равно вольные люди, и всякъ, какъ скоро разбогатѣетъ, становится такъ же знатенъ; то простые люди почитаютъ знатныхъ не за велико: въ юртахъ ихъ садятся они возлѣ ихъ непрошеные, ѣдятъ вмѣстѣ, говорятъ, что на умъ взбредетъ, и исполняютъ такія только ихъ приказанія, которыя покажутся имъ полезными. Хану оказываютъ они правда не строгое повиновеніе, однакожъ отмѣнное почтеніе, какъ будто бы священной особѣ. Прежній Россіею утвержденный, *Ханъ* малой орды *Нуръ Галій*, разумный, справедливый, и Россіи весьма преданный, имѣлъ у себя стада изъ 1000 лошадей, 400 рогатаго скота, 200 верблюдовъ, около 4000 овецъ, и нѣсколькихъ сотъ козъ состоящія: по чему онъ въ разсужденіи богатства былъ человѣкъ средній; да и по причинѣ множества Князьковъ, которымъ долженствовалъ способствовать въ разведеніи табуновъ, и тѣмъ самимъ доставлять имъ знатность, такъ, какъ и ради большаго разходу на овецъ при великомъ его семействѣ, невольникахъ и частыхъ посѣщеніяхъ постороннихъ людей, не могъ ни какъ, не имѣя ни какихъ доходовъ, великаго нажить себѣ богатства: однакожъ жилъ въ ордѣ своей всѣхъ прочихъ великолѣпнѣе; въ чемъ способствовали ему наипаче получаемые изъ Россіи дары. Въ стану его было великое множество юртъ, изъ коихъ преимущественнѣйшія изрядно украшены. Онъ и семейство его, носили платье изъ дорогихъ матерій и бархату. Около его бываетъ иногда много, а иногда и мало старшинъ, и такъ далѣе. Народъ *величаетъ* самаго *Хана Тахсиръ Ханымомъ* и *Тахсиръ Падшаймомъ*, *супругъ* его просто *Ханымами*, *Князьковъ Тахсиръ Салтанами*, а *Княженъ Ханымъ Каяли*, т. е. Ханскими дочерьми. У сего Хана было четыре супруги и восемь наложницъ, изъ коихъ перьвыя были дочери знатныхъ, наложницы же простыхъ Киргизцовъ, отъ части и невольницы, а особливо похищенныя Калмычки. Со всѣми ими прижилъ онъ 25 дѣтей. Изъ *Князьковъ* его *Бегъ Галій* Ха-

номъ у Айраклïанскихъ, а *Салтанъ При Галïй* у прочихъ Трухменцовъ. Всѣ его Князьки или сыновья, кромѣ двухъ самыхъ младшихъ, женаты на дочеряхъ знатнѣйшихъ Киргизцовъ и сами уже старшины волостей въ обѣихъ ордахъ: и по нимъ то и самъ Ханъ былъ силенъ. По елику Ханъ, послѣдуя предписанïю Алкорана, дочерей своихъ за родственниковъ выдавать не можетъ, а уступить ихъ простаго состоянïя людямъ за надлежащïй выкупъ по пышности своей не соглашается; то многïя изъ нихъ оставалися не замужни и иныя уже въ лѣтахъ. И самимъ Киргизцамъ удается видѣть Ханскихъ женьщинъ только при перемѣнѣ стана: ибо они въ такомъ случаѣ ѣдутъ верьхомъ въ наилучшемъ своемъ убранствѣ на хорошихъ лошадяхъ или верблюдахъ. Ежели Киргизецъ попадется Хану своему на встрѣчу въ степи, то сходитъ съ лошади и подошедъ къ Хану говоритъ: *дай тебѣ Богъ щастье!* (Алла арбату)! Послѣ чего треплетъ его Ханъ легонько рукою или только плетью по плечу; и сïе почитается у нихъ какъ будто благословенïемъ.

Все, что надобно Киргизцамъ для удовлетворенïя суетности и для житейскихъ выгодъ, получаютъ они черезъ торги съ Россïею, Бухарïею, Хивою и другими сосѣдственными областями. Всякая торговля производится обмѣномъ, при чемъ овцы служатъ какъ будто бы размѣромъ. *Торгъ съ Россïею* можетъ почесться наизнатнѣйшимъ, по тому, что они посредствомъ онаго прïобрѣтаютъ удобно и не дорого всякïя надобности, и по елику Россïйское купечество, изъ природныхъ Рускихъ и Татарскихъ народовъ, вѣрно покупаетъ все то, чтобы они ни привезли. А какъ купцамъ въ степяхъ ихъ крайне опасно; то Киргизцы принуждены сами прiѣзжать въ Россïйскïя торговыя мѣста. Самые большïе торги производятся въ *Оренбургѣ*, гдѣ на Киргизкой сторонѣ рѣки Урала, верстахъ въ трехъ отъ города, есть знатный гостиный дворъ, называемый Азïатскимъ, и состоящïй изъ нѣсколькихъ сотъ лавокъ, построенныхъ четвероугольникомъ на подобïе крѣпостцы. Сей гостиный дворъ, по срединѣ котораго есть еще и другой, меньшïй пространствомъ, для Бухарцовъ, принадлежитъ казнѣ. Для безопасности не только построены всѣ лавки лицомъ въ нутро, но и находится въ немъ нарядъ солдатъ съ огнестрѣльными орудïями. Тутъ производятся почти всѣ торги малой орды; ибо торговля ихъ въ Уральскѣ и другихъ городахъ Оренбургской линïи не велика. *Средняя орда* торгуетъ наибольше въ *Троицкѣ* при Уѣ, вы-

шедшей изъ Тобола рѣкѣ; такъ же въ *Петропавловской крѣпости* при Ишимѣ, и въ *Омскѣ* и *Устькаменогорскѣ:* оба сіи города лежатъ при Иртышѣ Киргизцы торгуютъ безпошлинно; Россійскіе же купцы платятъ пошлины по 10 со ста: но торговля сія при всемъ томъ крайне для нихъ прибыточна, и въ разсужденіи того, что Киргизцы отъ времени до времени становятся прихотливѣе, на равнѣ съ суетностію ихъ возрастаетъ. Киргизцы торгуютъ лошадьми, рогатымъ скотомъ, овцами, мерлушками, невыдѣланными кожами, верблюжьею шерстью, армяками, волчьими и лисьими мѣхами, войлоками и мѣлочью. Въ одномъ Оренбургѣ продаютъ они въ годъ около 150000 овецъ, а иногда и больше: ибо они бываютъ всегда главнымъ товаромъ. По времени, однакожъ въ маломъ только количествѣ, привозятъ на продажу и невольниковъ, а особливо изъ Кызылбашъ и Трухменцовъ. Берутъ же напротивъ того сукна, а особливо красныя, шелковыя и шерстяныя матеріи, шелковые платки, готовые Киргизкіе сапоги, кушаки, ленты, золотыя бахрамы, нитки, котлы, чугунники, таганы, выдры, верьховую збрую, готовое Киргизское женское убранство, бисеръ, иголки, наперстки, серьги, перстни и кольца, огнивы и всякой другой щепетильной товаръ, такъ же беркутовъ, муку, пшено и другую крупу.

Бухарцы, Хивинцы, Ташкентцы, и прочіе сосѣдственные народы, упражняющіеся въ землепашествѣ и рукодѣліяхъ, берутъ у Киргизцовъ убойную скотину и верблюдовъ для купеческихъ каравановъ; напротивъ чего снабдѣваютъ ихъ оружіемъ, которое продавать имъ Россійскимъ купцамъ запрещено, латами, бумажными матеріями, платьемъ и прочимъ.

Женъ они себѣ по Восточному обыкновенію покупаютъ, и имѣютъ ихъ, какъ Мугаметане, до четырехъ, а иные держатъ еще сверьхъ того и *наложницъ*, коихъ они содержатъ почти не хуже, какъ и самыхъ женъ, да и приживаемыхъ съ ними дѣтей почитаютъ законными. Почти всѣ мѣлкіе люди имѣютъ только по одной женѣ; да и той бы негдѣ было имъ взять, если бы они урывками не похищали женьщинъ у своихъ сосѣдей. Они наибольше подстерегаютъ *Калмычекъ*, по тому, что онѣ, по ихъ сказкамъ, къ удовлетворенію похоти наилучшее имѣютъ тѣлосложеніе и долѣе всякихъ другихъ женщинъ ровняются съ молодками: по чему и знатные Киргизцы на нихъ женятся, когда согласятся принять Мугаметанской законъ. Напротивъ того какъ *Персіанки*, такъ и

Персіана (Кызылбаши) толико имъ ненавистны, что выдаютъ ихъ и за своихъ невольниковъ. Когда кто въ первые жениться хочетъ; то даетъ за природную Киргизкую дѣвку около 50 лошадей, 25 коровъ, до 100 овецъ, нѣсколько верблюдовъ или невольника, и латы. Я положилъ здѣсь среднюю цѣну. Скудные женихи даютъ и гораздо меньше, богатые же и въ нѣсколько кратъ больше. Другая жена покупается гораздо дороже первой, а за третью платятъ и того еще больше, и такъ далѣе.

Свадьбу, которой существенные обряды подобны описаннымъ выше сего, когда говорили мы о Казанскихъ Татарахъ, играютъ у невѣсты въ новой юртѣ. Передъ сочетаніемъ посадя невѣсту на коверъ, носятъ дѣвки прощаться; при чемъ слѣдуютъ за нею дѣвки же и поютъ пѣсни. Когда извѣстно станетъ, что невѣста вышла нечестнымъ порядкомъ; то гости убиваютъ на другой день верьховую женихову лошадь, разрываютъ свадебное его платье, и ругаются надъ молодою. Но тесть долженъ наградить молодому весь сей убытокъ. Буде же все благополучно, то веселятся нѣсколько дней пированьемъ, пляскою, пѣснями, разсказами, борьбою, ѣздою въ запуски, стрѣляніемъ въ цѣль и проч. при чемъ молодые опредѣляютъ удальцамъ въ награжденіе праздничное платье, убранство, а иногда и лошадей: но на прощаньѣ одаряютъ и ихъ гости скотомъ и прочимъ.

Кто имѣетъ не одну, но нѣсколько женъ, тотъ отводитъ каждой особую юрту, въ коей воспитываетъ она своихъ дѣтей, какъ ей за благо разсудится. Многими дѣтьми они хвастаютъ; и безплодныя должны быть у плодородныхъ почти служанками. Знатные даютъ дѣтямъ своимъ пышныя имена, какъ н. п. *Нуръ Галій*, Великое свѣтило *Иръ Галій*, или какъ многіе выговариваютъ, Ерали, Высокій Мужъ; *Достъ Галій*, Высокій пріятель; *Батырь*, Богатырь Храбрый Мужъ; *Темиръ Иръ*, Желѣзный Человѣкъ; *Бетъ Галій*, Высокій Князь и такъ далѣе.

При безпечной и простой жизни, въ чистомъ воздухѣ открытыхъ своихъ степей, рѣдко претерпѣваютъ они болѣзни, и многіе бываютъ и на старости еще крѣпки. Приключающіяся же имъ наибольше хворости суть: короста, лихорадка, кашель; да сверьхъ того страждутъ иные любовною заразою (Курукаслакъ). Бывала между ими нѣсколько разъ и оспа (Чичакъ), но не опустошительная. Продолжительныя болѣзни почитаютъ они дѣйствіями діавола, и противуполагаютъ имъ суевѣріе. *Лѣчатся* же они наиболь-

ше рожечнымъ кровопусканiемъ, при чемъ употребляютъ малые рожки; прижиганiемъ больнаго мѣста чернобыльными клубками, и сѣрою, которую растерши принимаютъ въ мясѣ.

Съ *покойниками* своими поступаютъ такъ же, какъ и прочiе Мугаметане. Могилы роютъ не глубокiя; напротивъ того многiе набрасываютъ на нихъ груды каменьевъ. Когда мужчина умретъ, то самое лучшее его платье изрѣзываютъ въ лоскутки, и раздѣляютъ для памяти по его прiятелямъ. Иные замѣчаютъ такъ же его юрту небольшимъ значкомъ и втыкаютъ въ могилу копье. Дабы не имѣть поводу къ печальному воспоминанiю умершаго; то нѣкоторые сваливаютъ на могилу его и всякую домашнюю рухлядь, дѣтскiя колыбели и сему подобное. Богатые и знатные люди желаютъ быть преданы погребенiю у гробовъ своихъ святыхъ, или прежнихъ Хановъ, либо родственниковъ, куда отвозятъ ихъ верьхомъ. А когда въ лѣтнюю пору за отдаленiемъ кочевья отъ таковыхъ мѣстъ, сдѣлать того не можно, то обрѣзываютъ они у покойника мясо и хоронятъ оное вмѣстѣ съ нутренностiю въ близи, а кости отвозятъ въ желанное мѣсто и погребаютъ ихъ возлѣ святыхъ или какъ они говорятъ, *бѣлыхъ костей*, то есть возлѣ знатныхъ покойниковъ.

По знатномъ покойникѣ правятъ они въ томъ году, въ которомъ померъ, трои *поминки*. Вдовы и дѣти при томъ сѣтуютъ, прiятели собираются съ наивеличайшею пышностiю, и смотрятъ, превознося похвалами, покойниковыхъ верьховыхъ лошадей, оружiе, и добрыя качества: при чемъ всѣ вообще угощаются. Вдовы оплакивая покойниковъ, говорятъ при томъ имъ въ похвалу, что они были въ любви вѣрны, щедры и благоразумны, походили, сидя на лошадяхъ въ латахъ, на богатырей, глядѣли за табунами, и похитили посредствомъ храбрости своей столькихъ то невольниковъ, брали въ добычу скотъ и такъ далѣе. Жены Калмыцкой природы хвастаютъ при томъ отмѣнною покойниковъ къ себѣ ласкою, по елику мужья нажили ихъ не какъ другихъ выкупомъ, въ скотѣ состоящимъ, но съ опасностiю собственной своей жизни и по богатырской любви, и проч. На послѣднихъ поминкахъ опредѣляютъ вдовы удальцамъ въ верьховой ѣздѣ въ награжденiе нѣкоторыхъ лошадей, платье и оружiе покойныхъ своихъ мужей. Всякой улусъ правитъ сверьхъ того ежегодно общiя поминки на кладбищахъ; и при семъ случаѣ по языческому обряду убиваютъ тамъ лошадей, предлагаютъ мясо ихъ покойникамъ, а на послѣдокъ между разго-

ворами убираютъ оное и сами. Ежели кто приближится къ могилѣ своего пріятеля, то начинаетъ съ нимъ говорить, и кладетъ на гробъ клочокъ вырѣзанныхъ изъ гривы верьховой его лошади волосъ. Подобные симъ обряды, только попростѣе, наблюдаютъ они и въ разсужденіи умирающихъ женъ и дѣтей.

Въ началѣ минувшаго столѣтія обратились Киргизцы по прельщенію Туркостанскихъ священнослужителей отъ Шаманскаго язычества къ Мугаметанскому закону. *Вѣру* свою они почитаютъ: но какъ у нихъ нѣтъ школъ, да при томъ и цѣлые улусы не имѣютъ Муллъ; то они не только превеликіе невѣжды, но и крайне суевѣрны. Малое число находящихся у нихъ Муллъ, состоитъ изъ полоненныхъ ими Россійскихъ или другихъ какихъ Татаръ, умѣющихъ, читать и писать: и по тому люди сіи бываютъ щастливы отъ части какъ священнослужители, а отъ части какъ писцы и совѣтники знатныхъ Киргизцовъ. Въ 1774 году былъ у *Хана Нуръ Галія* одинъ только *тайный секретарь*, да и тотъ полоненой Казанской простой Татаринъ, которой едва умѣлъ вразумительно и чотко писать, но разумѣлъ Татарской и Россійской языкъ. Такіе люди очень малое въ законѣ своемъ оказываютъ свѣденіе, и рѣдко имѣютъ у себя Алкоранъ или иныя какія писанія, хотя бы они и по Арабски знали. Въ ордахъ безпрестанно разъѣжаетъ нѣсколько *Абдаловъ* или обрѣзывателей, которые, по елику получаютъ за каждое клеймо правовѣрія по одной овцѣ, имѣютъ всегда у себя знатные овечьи заводы.

Между ими есть великое множество волшебниковъ, которыхъ главнѣйшія названія суть слѣдующія: *Фалши* суть звѣздочетцы, которые по небеснымъ знакамъ предсказываютъ и самыя бездѣлицы, благополучные и нещастные дни разпознаютъ и такъ далѣе. *Діагзы* или мѣсяцословодѣлатели суть такіе люди, которые не только напередъ знаютъ когда будетъ погода, но и сами могутъ разполагать дождемъ, вѣтромъ, жаромъ и проч. и при томъ въ состояніи удерживать и насылать гадину. При дворѣ каждаго знатнаго Киргизца бываетъ обыкновенно одинъ Діагзе. *Баксы* походятъ на языческихъ Шамановъ или Камовъ. Они хвастаются, что имѣютъ знакомство со злыми духами, призываютъ ихъ при разныхъ шалостяхъ, при чемъ иные употребляютъ и барабанъ, повелѣваютъ имъ такое то дѣло исполнить, выгоняютъ ихъ вонъ, дѣлаютъ женъ и стада плодородными, лѣчатъ больныхъ, предсказываютъ будущее и сему подобное. И для того всѣ обиженные діаволомъ должны

искать у нихъ помощи. Многїе изъ сихъ волшебниковъ живутъ весьма достаточно. *Армяги* и *Ярунги* предсказываютъ по щелямъ, какїя окажутся на брошенныхъ въ огонь овечьихъ лопаткахъ или хвостовыхъ составахъ, а иные и по сотрясенїю пощелкиваемой тетивы; они указываютъ воровъ, узнаютъ вѣроломство въ любви, успѣхъ въ путешествїяхъ, и сему подобное, столь же вѣрно, какъ и наши кофейныя отгадывальщицы: при томъ искуство ихъ столь легкое, что многїе хозяева и хозяйки смыслятъ оное и сами столько, сколько въ хозяйствѣ ихъ знать нужно; и по тому не велика имъ честь и прибыль.

* * *

ВЪ Заянскихъ или Сибирскихъ и Монгольскихъ пограничныхъ горахъ, отъ верхней *Оби* и отъ *Би*, изъ коей она вышла, на Востокѣ до самаго *Енисея* и за онымъ, такъ же между сими рѣками, въ низъ по онымъ, по *Оби* почти до *Нарыма*, по *Енисеѣ* до самой *Тунгузки* или до Енисейской провинцїи, и по впадающимъ въ Обь съ правой, а въ Енисей съ лѣвой стороны рѣкамъ, есть разныя Татарскїя колѣна или остатки оныхъ отъ древнихъ сихъ странъ жителей, которые кромѣ живущихъ на *Чулымѣ* и *Оби*, называются обыкновенно попросту *Красноярскими* и *Кузнецкими Татарами*, по тому, что ими наибольше населены сїи провинцїи и земли: но каждое ихъ колѣно живетъ особо и въ собственныхъ своихъ рубежахъ. Пусть будетъ здѣсь сказано объ нихъ вообще только то, что между всѣми почти примѣтно столь великое сходство въ видѣ, языкѣ, житїи и нравахъ, что можно ихъ почитать союзными поколѣнїями. Великое смѣшенїе сродныхъ Татарамъ и Калмыкамъ чертъ лица подаетъ поводъ почитать ихъ какъ будто бы потомками бывшей въ предкахъ ихъ Татарской и Могольской крови, или произшедшими отъ взаимнаго смѣшенїя тѣхъ и другихъ: но при томъ надобно уважать и угнѣтенїя, какїя претерпѣвали сїи народы весьма часто отъ Соонгарцовъ, имѣвшихъ съ женами ихъ соитїе, и оставившихъ послѣ себя выродковъ.

Подать свою, или ясакъ, состоящую на каждаго человѣка въ двухъ соболяхъ, платятъ они въ Красноярскѣ, гдѣ каждому заплатившему оную дается чарка вина и небольшей пшеничной калачь.

По великому сходству въ междоусобномъ устроенїи и житїи причисляются нѣкоторые, въ Красноярской провинцїи находящїеся,

остатки прежнихъ *Койбаловъ*, *Котовцовъ*, *Моторовъ*, *Аринцовъ* и другихъ къ *Красноярскимъ* же *Татарамъ*: но оныя, какъ видно по языку ихъ и другимъ примѣтамъ, принадлежатъ совсемъ къ другимъ народамъ; по чему я ихъ здѣсь и упускаю.

ОБСКІЕ ТАТАРА.

Обскіе Татара живутъ по рѣкѣ *Оби*, отъ которой и наименованіе свое заимствуютъ, и по ея рѣчкамъ, отъ устья *Тома*, до самаго почти *Нарыма* въ низъ. Они подсудны Томской области и раздѣляются на 16 *волостей*. По *виду*, языку и большою частію по внутреннему своему устроенію, одинакаго кажутся они съ Тобольскими и Томскими Татарами произхожденія.

Двенадцать ихъ волостей имѣютъ одномѣстныя жилища; прочія же четыре кочуютъ лѣтомъ и зимою по нижнему *Чулыму*. Въ первыхъ считается по бывшей въ 1766 году переписи 1115, а кочевыхъ 503 души.

Живущіе на одномъ мѣстѣ и раздѣляющіеся на 54 деревни, производятъ весьма малое и недостаточное *землепашество*; а какъ при томъ и скотоводство ихъ не велико, то они имѣютъ пропитаніе свое, по примѣру Остяковъ, большою частію отъ *рыбной ловли* и *звѣринаго промысла*. Кочевые и совсемъ за землепашество не принимаются, и имѣютъ побольше, однакожъ все мало, скота. Всѣ вообще очищаютъ *подушной окладъ* (Ясакъ) оленьими и лосинными кожами или иною какою мягкою рухлядью.

Поселившіеся Обскіе Татара *живутъ*, *жительствуютъ* и *одѣваются* подобно Томскимъ Татарамъ, съ небольшою только разностію, происходящею отъ ихъ скудости и меньше наблюдаемой опрятности.

Кочевые покрываютъ *юрты* свои, составляемыя изъ колышковъ, берестою или рогожами. *Платье* носятъ по большой части изъ мягкой рухляди и выдѣланныхъ кожъ: по чему долгое въ прочемъ Татарское ихъ одѣяніе походитъ на Якутское.

Почти всѣ въ волостяхъ живущіе Обскіе Татара *крещены* въ православную Грекороссійскую вѣру около 1720 года: но они не меньше глупы, какъ и Турскіе Татара. Прочіе же, то есть кочевые, суть дикіе, въ невѣденіи погруженные и застѣнчивые Магометане.

ЧУЛЫМСКІЕ ТАТАРА.

Чулымскіе Татара живутъ издревле между верхнею *Обью* и Енисеемъ: но удаляясь отъ Соонгарцовъ и Киргизцовъ, которые часто подвергали ихъ своему игу, не все въ той странѣ. Со времени отдаленія сихъ народовъ Россійскимъ оружїемъ и пріобрѣтеннаго ими чрезъ то спокойствія, владѣютъ они всемъ *Чулымомъ*, отъ коего и наименованіе свое заимствуютъ, сами же называютъ его *Чумомъ*; такъ же рѣками *чернымъ* и *бѣлымъ Іюсомъ*, отъ которыхъ Чулымъ произошелъ, и впадающими въ него рѣчками, *Кяею*, *Яею*, *Кемею* и другими. Около обѣихъ только *Іюсовъ*, которыя въ Енисейскихъ горахъ, неподалеку отъ самаго Енисея, произходятъ, земля ихъ гориста, въ прочемъ же состоитъ большою частію изъ плодородныхъ, а мѣстами и лѣсистыхъ лощинъ. Въ новѣйшія времена поселились было между ими и Россіяна: но какъ они стали приносить на то жалобы, то въ въ 1730 году всѣ Россійскія деревни оттуда переведены. Однако они почувствовали отъ сего столь великой въ благосостояніи своемъ ущербъ, что просили паки о заведеніи между ими Россійскихъ деревень, которыя, какъ только дано Россійскимъ поселямъ на то дозволеніе, вскорѣ и начали строиться.

По *Чулыму*, такъ же по Черномъ и Бѣломъ Іюсѣ, стоитъ 14 *волостей*, которыя платятъ подушной окладъ за 2549 луковъ, то есть за воинственныхъ и къ звѣриной ловлѣ годныхъ людей мужескаго пола. Около того же числа душъ наберется и въ находящихся по побочнымъ рѣчкамъ волостяхъ, какъ то, въ *Агинской*, *Кызыльской*, и другихъ. Каждая ихъ *деревня* состоитъ обыкновенно изъ одного только семейства: по чему большая половина деревень ихъ малы, однакожъ въ иныхъ есть больше ста, а въ одной при Чулымѣ лежащей изъ 240 душъ. У нихъ ведутся еще *дворянскія* и *Княжескія* семейства или поколѣнія, изъ коихъ волости избираютъ себѣ начальниковъ, но которые при всемъ томъ въ разсужденіи жилищъ, одѣянія и проч. столь же бѣдны, какъ и самые послѣдніе въ народѣ семъ люди.

Съ виду походятъ Чулымцы и на Татаръ и на Монгалъ; а особливо уподобляются *Бурятамъ*. *Языкъ* ихъ составленъ изъ Татарскаго, Бурятскаго и Якутскаго, и столько имѣетъ собственныхъ словъ, что непостыдно бы было почесть его и особливымъ

языкомъ. Они вообще чрезвычайно съ Якутами сходны; да и вѣроятно кажется, что они не особливой народъ, но отщетившееся отъ Якутовъ колѣно. Они не хитры, однако и не глупы, но любопытны, внимательны, и изрядные знатоки въ касающихся до нихъ дѣлахъ. Когда ничего не опасаются, то поступаютъ простосердечно, честно и ласково; боясь же какого ни есть угнѣтенія или обмана, лгутъ и изъ подтишки лукавятъ. Между собою обходятся дружески и пріятно; въ произвожденіи же дѣлъ лѣнивы, а въ житіи неопрятны.

Съ того времени, какъ владѣютъ они мѣстами около Чулыма, изподоволь привыкли они къ *постояннымъ жилищамъ.* Нѣкоторые совсемъ съ мѣстъ своихъ не трогаются; большая же половина имѣетъ такъ, какъ Барабинцы, *всегдашнія зимнія деревни* и *лодежжныя лѣтнія юрты.* Чемъ ближе деревни ихъ къ Россійскимъ селеніямъ, тѣмъ больше уподобляются они въ разсужденіи жилищъ и житія Россіянамъ. Большая половина мужчинъ разумѣетъ такъ же и по руски: однако говорятъ худо.

Чулымское зимнее жилище подобно въ разсужденіи тонкаго строеваго лѣсу, сѣней, отверстія въ потолокѣ и всего внутренняго расположенія Барабинскому; только стѣны дѣлаются наискось или покато и съ наружи заваливаются ради тепла землею. Около избъ стоятъ чуланы и клѣвы. *Лѣтнія* же *юрты* походятъ точно такъ на берты, какъ и Барабинскія, и покрываются берестою. *Домашняя* у нихъ *рухлядь* такая же, какъ и у Барабинцовъ; что можно составить или выдѣлать изъ дерева, коры или кожи, того вѣрно ни изъ чего другаго не дѣлаютъ.

Съ того времени, какъ стали они жить въ постоянныхъ зимнихъ деревняхъ, сѣетъ большая половина по нѣсколько *ржи, пшеницы, ячменю, овса,* и *конопели:* однакожъ, сколь ни плодородна ихъ земля, рѣдко у кого бываетъ въ посѣвѣ столько, сколько ему надобно; иные же и совсемъ не сѣютъ, и по тому муку и прочее покупаютъ у Россіянъ либо и безъ хлѣба живутъ. Огородныхъ плодовъ вовсе у нихъ нѣтъ. *Скотоводство* ихъ такъ же не велико; и нѣкоторые токмо держатъ по небольшому числу лошадей, коровъ и кургузыхъ или Россійскихъ овецъ, по тому, что по причинѣ большихъ снѣговъ и продолжительной зимы надобно кормить скотину и сѣномъ: что однакожъ не соотвѣтствуетъ Чулымской лѣности. Свиней и дворовой птицы вовсе они не держатъ. *Главный* у нихъ, какъ и у Остяковъ, промыселъ *рыбная* и *звѣриная*

лоеля. Сею послѣднею очищаютъ они и *подушной окладъ*, а именно даютъ по три соболя, или по три лосиныя кожи, по три лисицы, по 24 горностая, либо и иную какую мягкую рухлядь, цѣною въ три соболя. *Женской* полъ упражняется въ тканьѣ и шитьѣ; и поелику они сидя за сею работою, не выходятъ изъ избъ и юртъ, то ростъ ихъ безпорядоченъ и всѣ они какъ будто копченые. Такое домоводство предохраняетъ Чулымцовъ отъ всякихъ уловлений богатства: однакожъ большая ихъ половина живетъ при всемъ томъ достаточно.

Мужчины носятъ лѣтомъ такое же точно *одѣяніе*, какъ и Россійскіе мужики. Бороду они по большой части брѣютъ, и оставляютъ только усы. *Бабы* носятъ штаны и сапоги, по большой части изъ налимовыхъ шкуръ. Прочій нарядъ отмѣненъ отъ одежи Рускихъ мужичьихъ бабъ только тѣмъ, что Татарки любятъ платье по краямъ и въ подолѣ опушать, что дѣвки заплетаютъ волосы въ великое множество косъ, и что какъ сіи послѣднія, такъ и бабы носятъ Татарскія фаты (Тастаръ).

Пища ихъ бѣдная и гадкая. Хлѣбъ рѣдко кто ѣстъ; да и то не досыта. Наиболыше же питаются *рыбою*. Остякскую *Порсу* называютъ они *буракомъ* и ѣдятъ такъ же вмѣсто хлѣба. Самая же лакомая ихъ ѣства составляется изъ Курмача, свѣжаго борщу (*), и Сараны (**). Всѣ сіи составы толкутъ они вмѣстѣ, и зарываютъ по томъ въ землю, чтобъ прокисли. Зимою ѣдятъ на солнцѣ только провяленую или въ дыму копченую рыбу. Соль рѣдко кто употребляетъ. Бѣдные люди, не употребляющіе ни молока ни муки, питаются по большой части *дикими растѣніями*, которыя припасаютъ иногда и на зиму въ прокъ. А какъ растѣнія сіи въ употребленіи и у многихъ иныхъ Татарскихъ и другихъ народовъ, въ сихъ странахъ живущихъ, то намѣренъ я присовокупить здѣсь единожды на всегда и имена оныхъ, упуская въ прочемъ тѣ, кои объявлены при описаніи Барабинцовъ. Оныя суть слѣдующія: марьино коренье (***) (Т. Чегня), такъ же корень отъ молочайника (****) (Чейна), земляные орѣхи (*****) (Белангиръ), нѣкоторой

(*) Heracleum ſphondylium. L.
(**) Lilium Martagon. L.
(***) Paeonia
(****) Sanguiſorba.
(*****) Humaria bulboſa. L.

родъ волчца (a) (Еишекъ), макаршино коренье (b) (Муказенъ), Микиръ (c), корень отъ стрѣлы или желтой вахты (d) (Собашъ), кувшинчики (e) и другіе. Почти всѣ сочные плоды и ягоды кажутся имъ вкусными. Внутренняя сосновая кора утоляетъ такъ же въ случаѣ нужды голодъ, а дѣтямъ служитъ лакомкою. Ировое коренье (f) жуютъ они такъ, какъ Индійцы Бетелъ. Курительной табакъ употребляютъ всѣ вообще. Пьютъ же, кромѣ воды и рыбной жижицы, квасъ, брагу, пиво и вино.

По 1720 годъ были они язычники Шаманскаго толку; въ семъ же году большая ихъ половина, по старанію Архіепископа *Филофея*, воспріяла православную Грекороссійскую вѣру, которую однакожъ они худо знаютъ, и при томъ суевѣрны, недовѣрчивы, суровы и служатъ тайнымъ образомъ по большой части идоламъ. Они безпредѣльное имѣютъ упованіе на носимой на груди крестъ и на творимое перстами крестное знаменіе. Сколько можно остаются они при прародительскихъ своихъ языческихъ обрядахъ; гнушаются свининою: но жрутъ конятину, а иногда и стерво; приносятъ идоламъ тайно жертвы и проч.

Идолослуженіе ихъ во всемъ подобно Якутскому и Бурятскому: и по тому въ описаніе онаго здѣсь не вступаю. Содержащіе еще и нынѣ языческой законъ Чулымцы, препровождаютъ праздники свои у сосѣдственныхъ язычниковъ, и по елику въ томъ встрѣчаются имъ затрудненія и препятствія, то многіе проводятъ жизнь свою, не прилѣпляясь ни къ какой вѣрѣ, точно такъ какъ иные безбожники.

Крещеные Чулымскіе Татара вѣнчаются въ церквахъ, и никогда не разводятся: прочіе же древніе *свадебные обряды* ведутся у нихъ еще и по нынѣ. Сватъ, идучи къ невѣстѣ, беретъ съ собою новую Китайскую трубку, и Китайской же курительной табакъ; объявляетъ тамъ причину своего пришествія, и удаляется на короткое время. Ежели онъ по возвращеніи своемъ примѣтитъ, что трубка его совсемъ не употреблялась, то почитаетъ ето за отказъ; буде же увидитъ, что изъ нее курено, то торгуетъ невѣсту

T 2

(a) Card. serratuloïdes.
(b) Poligon. Bistorta. L.
(c) Polyg. viviparum. L.
(d) Sagittaria sagitti fol. L.
(e) Nymphea.
(f) Acorus Calamus. L.

на платье, мягкую рухлядь, скотъ, или на служеніе. Цѣна простирается, считая на деньги, отъ 5 до 50 рублей. По сочетаніи препровождаютъ жениха и невѣсту первую ночь въ новой юртѣ, при чемъ между сею и тестевою юртою содержится огонь. Въ число происходящихъ обыкновенно на свадьбахъ *увеселеній*, состоящихъ, какъ и у другихъ Татаръ, въ пированьѣ, пѣсняхъ, пляск и проч. принадлежитъ и то, что женихъ при помянутомъ огнѣ борется съ невѣстиными родственниками; ему надобно одержать при томъ побѣду, и великая силѣ его честь, ежели онъ можетъ самъ собою безъ посторонней помощи управиться. Вмѣсто постели служитъ молодымъ разосланной войлокъ. Невѣста противится на оной ложиться, и поелику она проситъ при семъ случаѣ помощи у замужней своей пріятельницы, то сія должна учить ее, какъ ей впредь съ мужемъ жить; за что получаетъ въ подарокъ праздничное платье. Ежели невѣста не имѣетъ признаковъ своей честности, то молодой тихимъ образомъ отъ нее уходитъ, и къ безславію молодой не прежде къ ней возвращается, какъ раздѣлавшись съ похитителемъ ея чести: послѣ чего все забывается.

При *родахъ* сосѣдки взаимно себѣ пособляютъ. Отъ употребительныхъ при томъ пріемовъ приключается многимъ дѣтямъ грыжа и безвременная смерть. Кромѣ нареченнаго священникомъ при крещеніи *имени* даетъ всякъ по своему обыкновенію еще и другое, которымъ и называютъ впредь дитя. Мужескія н. п. имена суть: *Узтгеякъ*, *Кузгакъ*, *Мышакъ*, *Кулонъ* и проч. а женскія *Кегенекъ*, *Патанъ*, *Тэремга* и многія другія.

Скудная, суровая и безпечная жизнь соблюдаетъ ихъ здоровье; если же кто занеможетъ или себя повредитъ, то кромѣ суевѣрныхъ врачеваній, служитъ имъ общимъ какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ лѣкарствомъ *медвѣжья желчь*. Когда случится между ими оспа, то великое причиняетъ опустошеніе. *Смерть* крайне имъ не мила; и поелику они мечтаютъ, что разлучившаяся съ тѣломъ душа можетъ увлекать за собою и оставшихся пріятелей, и что она вмѣстѣ съ смертію ихъ преслѣдуетъ; то послѣ погребенія, которое совершается надъ крещеными по чиноположенію Греческія церкви, скачутъ они черезъ огонь, и вѣрятъ, что смерть и душа покойнаго впредь преслѣдовать ихъ не могутъ.

КАЧИНСКІЕ ТАТАРА.

Качинцы сами себя называютъ *Каштарами* и *Качарами*. Они *живутъ* на лѣвомъ берегу *Енисея* отъ *Абакана* до самой *Каги* (Иенрѣ), и по Енисейскимъ рѣчкамъ между двумя оными рѣками. *Страною* своею, принадлежащею къ *Красноярской* провинціи, и гористою, но при всемъ томъ плодородною, владѣютъ они съ давнихъ лѣтъ, до коихъ и бытописаніе о сихъ мѣстахъ не простирается.

Въ странѣ Качинцовъ попадаются разные признаки *горныхъ работъ* и *плавильныхъ заводовъ* древнихъ людей, такъ же множество *старинныхъ*, отъ части богатыхъ *могилъ* или кургановъ. Невѣроятно кажется, чтобы въ разработываніи горъ и плавленіи рудъ упражнялись сами кочевую жизнь любившіе ихъ предки: но можетъ быть промышляли тѣмъ остатки древнѣйшихъ еще народовъ, либо дозволяли Качинцы и сосѣдямъ своимъ добывать изъ горъ ихъ крушцы и переплавливать руды. Статься можетъ, что дѣлали сіе *Манжуры* или *Дауры*, которые оставили въ Дауріи довольно признаковъ не только горныхъ и плавильныхъ своихъ работъ, но и самаго землепашества.

Могилы присвояютъ Качинцы своимъ предкамъ и столько имѣютъ къ нимъ почтенія, что для отыскиванія сокровищъ ни единой не разрываютъ. Но Руские люди инако о томъ думали: и по тому нынѣ рѣдко гдѣ попадется богатая неразрытая могила. Вѣроятно кажется, что въ оныхъ похоронены были люди разныхъ Татарскихъ и Могольскихъ народовъ, живших въ странѣ сей въ разныя времена или и совокупно. Цѣлость костей и вещей въ нѣкоторыхъ изъ сихъ могилъ, служитъ доказательствомъ, что не всѣ они весьма древни. Самыя богатыя могилы находятся по близости Абакана и Чернаго Іюса. Руские ископатели сокровищъ раздѣляютъ таковыя могилы на три рода. Наизнатнѣйшія замѣчены для воспоминанія столбами, а которыя по хуже сихъ, у тѣхъ видны меньшіе обелиски. Сіи послѣдніе особливо называютъ они *маяками*; а простыя могилы *слѣпцами*. Четвертой родъ могилы называется курганами. Обоихъ первыхъ родовъ могилы походятъ на продолговатые четвероугольники и обгорожены съ Юговостока на Сѣверозападъ простыми, торчащими изъ дикаго камня плитами, по большой части на равнѣ съ землею, а иногда и возвышенно. Въ Юговосточной сторонѣ оныхъ поставленъ бываетъ мужеской или женской

истуканъ, выдѣланной изъ самаго простаго дресвянаго камня. Такіе истуканы называются у нихъ *Игленсоками*. У простѣйшихъ же гробовъ (Сланцы) оныхъ не бываетъ. Могилы сіи всѣхъ трехъ родовъ глубиною почти въ сажень. *Находятъ* же въ нихъ человѣческіе кости, а иногда попадаются вмѣстѣ съ оными и черепы съ конскихъ или овечьихъ головъ, удилы отъ уздъ, стремяны, поясы, ратоборные молоты, копья, стрѣлы, идолы, урны и другіе сосуды, украшенія къ ушамъ и на руки, и тому подобное; въ простыхъ могилахъ бываютъ вещи сіи желѣзныя, такъ же изъ красной и литейной мѣди; въ богатыхъ же отъ части серебряныя и золотыя.

Нынѣ раздѣляются Качинцы на шесть *колѣнъ* или Аймаковъ, а имянно: на *Шулошское*, *Татарское*, *Кубанское*, *Тубинское*, *Мунзельское* и *Астынское*. Всякой Аймакъ выбираетъ себѣ *старшинъ* (К. Башлыкъ) изъ своей братіи, и по большей части изъ благородныхъ своихъ семей. Всѣ вообще платятъ подушной окладъ съ небольшимъ только за пять тысячь душъ.

Они почитаютъ себя чистыми *Татарами* и говорятъ *Татарскимъ* же *языкомъ*: но нарѣчіе онаго перепорчено Монгольскими словами такъ, что Казанской Татаринъ едва оное разумѣетъ.

Съ *виду* они весьма на *Чулымцовъ* похожи, однакожъ больше уподобляются Татарамъ. Лицо у нихъ сухощавѣе и не столько плоско, какъ у Чулымцовъ. Въ *обхожденіи* они веселы, говорливы, любятъ лгать, вѣроломны, но ни къ воровству, ни къ грабительству не склонны, въ *житіи* неопрятны, въ питьѣ и любви невоздержны, а въ дѣлахъ лѣнивы.

Устроеніе ихъ сходно съ Барабинскимъ. *Башлыки* получаютъ указы изъ Красноярскаго уѣзднаго суда, обнародываютъ оные въ Аймакахъ и собираютъ *подушной окладъ*, состоящій въ мягкой рухляди и отдаваемый весною въ опредѣленный день въ *Абаканѣ*, Красноярскомъ уѣздномъ городкѣ. При семъ случаѣ дарятъ ихъ по старинному обыкновенію на щетъ казны лошадью и небольшимъ количествомъ горячаго вина, которое они не обще разпиваютъ, но дѣлятъ; при чемъ бываютъ между ими иногда и великіе драки.

Они *кочуютъ* лѣтомъ и зимою. Юрты ихъ сходны съ Башкирскими въ видѣ и въ величинѣ. Зимою покрываютъ и они ихъ войлоками, а лѣтомъ вареною берестою. *Домашній скарбъ* у нихъ еще меньше, нежели у Башкирцовъ, да и чистота въ великомъ небреженіи.

Главный ихъ *промыселъ* скотоводство да звѣриная ловля; при

Качинская татарская баба.
Ein Katschinskisches Tataren Weib.
Femme tatare de Katchin.

чемъ сѣютъ нѣкоторые ради крупы по небольшему количеству ячменю и дакуши (*). Они держатъ только лошадей, рогатой скотъ и овецъ. Для большихъ табуновъ мѣста у нихъ мало: по чему рѣдко кто между ими нарочито богатъ. Но скота имѣютъ почти всѣ столько, сколько для достаточнаго пропитанія надобно. Скотъ ихъ малъ, но бодръ и къ осени обыкновенно жирѣетъ. При легкой зимѣ не нуженъ стадамъ ихъ ни какой пріютъ. У лошадей разрѣзываютъ они ноздри нарочито далеко. *Овцы* ихъ между Россійскими и Киргизкими среднія. Головы у нихъ не очень велики, уши повислые, хвостъ тонкой жиромъ облившійся, а наконцѣ сухъ, шерсть весьма жесткая; а ростомъ немного побольше обыкновенныхъ.

Женщины прядутъ шерсть и крапиву (К. Киндеръ), ткутъ толстое сукно и холстъ на Татарскихъ станкахъ, валяютъ войлоки, выдѣлываютъ кожи, при чемъ въ мѣсто сала употребляютъ печенку и мозгъ звѣриной, шьютъ платье и проч.

Мужчины носятъ платье Татарское, и шьютъ оное изъ толстаго сукна собственнаго рукодѣлья, или изъ лучшаго купленаго, такъ же изъ овчинъ, лошадиныхъ шкуръ, изъ кожъ красной дичи и проч. Нижнее платье дѣлаютъ изъ легкой матеріи. Рубахи рѣдко у кого водятся, да и тѣ изъ крапивнаго холста. Бороду носятъ, но жидкую. Волосы заплетаютъ особливо молодые люди на затылкѣ, а прочіе висятъ разтрепанные около головы. Лѣтомъ носятъ некрашеныя войлошныя шляпы, а зимою надѣваютъ теплые шапки.

Женское одѣяніе весьма подобно Бурятскому. Они такъ же, какъ и Бурятки носятъ штаны, похожія на чулки узорчатымъ шитьемъ украшенные кожаные полные или половинчатые сапоги, тонкое нижнее платье изъ китайки, шелковой матеріи и проч. а верьхнее съ перехватомъ и долгими полами. Сіе послѣднее шьется изъ тонкаго сукна, и шелковыхъ матерій или кожъ; и хотя одна пола заходитъ за другую, однакожъ оно ложится около тѣла плотно и гладко. На праздничномъ платьѣ много видно красиво вышитыхъ узоровъ или вычуровъ; а при томъ обшивается оно по краямъ матеріями иного цвѣту; или опушается мяхкою рухлядью. Волосы заплетаютъ въ двѣ вдоль груди висящія нарочито большія косы. Къ ушамъ привѣшиваютъ кольца, а иногда брякушки и снурки. Голову покрываютъ плоскою, съ круглымъ пушнымъ околышемъ, шапкою. Когда они выходятъ въ легкомъ нижнемъ платьѣ безъ верьхняго, то украшаютъ нѣкоторыя шею и грудь сдѣланною ре-

(*) Polygon. Tataricum. Linn.

шетчато изъ корольковъ косынкою, подобною той, какую носятъ Мордовки. *Дѣвки* разнятся тѣмъ, что больше плетутъ косъ, а обыкновенно по девяти, и украшаютъ ихъ лентами, и прочимъ. Богатыя дѣвки подпоясываются только по нижнему платью, дабы оное такъ, какъ и узорчатыя сапоги, были видны. Въ такомъ случаѣ носятъ они и верьхнее платье коротное изъ шелковой или другой какой легкой матеріи. Народъ сей вообще такъ неопрятенъ, что трудно увидѣть чисто одѣтую женщину.

У нихъ нѣтъ ни обѣдовъ ни ужиновъ, но ѣдятъ какъ кому вздумается. Въ пищу же употребляютъ почти всѣхъ вообще звѣрей, всякую рыбу, дикіе коренья и плоды, каши, такъ же мушное и молошное. Политый масломъ курмачь почитается лакомкою. Приуготовленія пищь, употребляемая къ тому посуда, и самое ядeніе, крайне мерзки. *Налитки* ихъ состоятъ кромѣ воды, въ кисломъ молокѣ, мясныхъ и рыбныхъ жижицахъ, и въ винѣ, когда есть на что онаго купить. *Табакъ*, по большой части Китайской *Шаръ*, курятъ всѣ, не выключая и самыхъ дѣтей, изъ маленькихъ Китайскихъ трубокъ.

Женъ берутъ столько, сколько купить и прокормить могутъ: однакожъ, сколько извѣстно, нынѣ нѣтъ ни у кого больше четырехъ. Сватовство произходитъ такимъ же образомъ, какъ и у Чулымцовъ, то есть чрезъ положеніе трубки, къ которой Качинцы присовокупляютъ еще и вино. *Цѣна или выкупъ невѣсты* простирается отъ 5 до 50, а иногда и до ста головъ скота. Скудные любовники служатъ за невѣстъ отъ 3 до 5 лѣтъ, въ которое время пасутъ скотъ, ходятъ на звѣриной промыселъ, возятъ дрова и симъ подобныя исправляютъ работы. Если же между тѣмъ сыщется женихъ побогатѣе и по пригожѣе его, то для одного только виду похищаетъ его невѣсту. Обманутый женихъ старается тогда при помощи удалыхъ своихъ друзей изторгнуть изъ рукъ похитителя свою невѣсту: но какъ хищникъ по большей части употребляетъ при таковыхъ обстоятельствахъ время въ приуготовленіяхъ соперниковъ его препровождаемое въ свою пользу, да и невѣста даетъ преимущество похитителю, то обиженной женихъ получаетъ одно только за служеніе свое награжденіе. Буде же невѣста умретъ, то уплаченной калымъ зачитается въ выкупъ ея сестры; если же у невѣсты оной нѣтъ, то пропадаетъ. А ежели самъ женихъ умретъ, то отецъ его беретъ невѣсту къ себѣ

Свадебныя увеселенія состоятъ въ пированьѣ, пляскѣ, пѣсняхъ

Катчинская дѣвушка съ лица.
Ein Katschinskisches Mädgen vorwärts.
Fille tatare de Katchin par devant.

Катчинская дѣвушка съ тыла.
Ein Katschinskisches Mädgen rückwärts.
Fille tatare de Katchin par derriere.

и верьховой ѣздѣ въ запуски, для пріобрѣтенія награжденія. Ежели невѣста въ дѣвкахъ нажила себѣ порокъ, то заглаждается оной лошадью, праздничнымъ платьемъ и сему подобнымъ. *Пляски* ихъ такъ, какъ и Калмыцкія, суть больше ни что, какъ соотвѣтствующія такту движенія тѣла на одномъ мѣстѣ. *Пѣсни* ихъ, кои состоятъ отъ части изъ однихъ и тѣхъ же, часто кюкмо повторяемыхъ словъ, голосятъ, поелику они голоса въ горлѣ поборачиваютъ, почти такъ какъ скрипицы. Они играютъ при томъ на собственней своей лютнѣ, которая называется у нихъ *Елтага*. Оную составляетъ ящикъ, шириною въ ладонь, а длиною фута въ четыре, въ верьху открытой, по которому протянуто шесть прозолочныхъ струнъ перебираемыхъ обѣими руками; по чему слышанъ вдругъ и тонкой и толстой голосъ. Послѣ свадьбы не должно ни свекрамъ своихъ невѣстокъ и симъ тѣхъ видѣть: по чему невѣстка, когда попадется на встрѣчу свекру, повинна упасть лицомъ къ землѣ и тѣмъ оное закрыть. Недовольный мужъ посылаетъ часто, спустя нѣсколько годовъ послѣ свадьбы, безъ дальныхъ околичностей жену свою обратно къ ея родителямъ, и при чемъ пропадаетъ одинъ только его выкупъ, дѣти же остаются при немъ.

Новорожденнымъ *дѣтямъ* даетъ *имя* отецъ или кто прежде прійдетъ, по своему произволенію. Послѣ *родовъ* почитается жена двѣ недѣли, а при обыкновенномъ мѣсячномъ очищеніи три дни нечистою.

Особымъ *болѣзнямъ* они не подвержены: но *оспа* (К. Чечакъ) причиняетъ иногда между ими великія опустошенія. Достопамятно кажется, что многія Качинскія *дѣвки* во время мѣсячнаго очищенія бываютъ нѣсколько дней *безъ ума*, а по томъ паки образумляются. Во время болѣзней ищутъ помощи у волшебствующихъ священнослужителей, а сіи прибѣгаютъ къ жертвамъ, хотя бы и все страданіе заключалось только въ случающейся у нихъ нерѣдко любовной заразѣ.

Покойниковъ своихъ хоронятъ въ платьѣ, безъ гробовъ, но такъ же, какъ и Мугаметане кладутъ надъ мертвымъ тѣломъ въ могилѣ доски, дабы земля онаго не коснулась. Они кладутъ въ могилы и по нѣскольку посуды; питейную же чашу оставляютъ на верьху. По прошествіи года посѣщаютъ мужья и жены гробы своихъ родственниковъ, и при томъ сперьва воютъ, а напослѣдокъ разпиваютъ изъ покойниковой чаши принесенные съ собою крѣпкіе напитки такъ, что возвращаются домой нарочито подгулявши.

Качинцы держатся *шаманскаго* своего *язычества* такъ непоколебимо, что ни Ламанты, ниже Мугаметане не могутъ ихъ прельстить своими ученіями; да и Грекороссійское исповѣданіе не много имъ по сіе время нравилось, однакожъ нѣкоторое ихъ число оное уже воспріяло. *Шаманское идолослуженіе* употребляется еще и у многихъ другихъ нашихъ народовъ, и у всѣхъ въ главномъ дѣлѣ, а у многихъ и въ побочныхъ обстоятельствахъ одинаково; и для того я, дабы миновать скучнаго повторенія, все, что имѣлъ я случай усмотрѣть самъ у сихъ народовъ, и что другими самовидцами примѣчено, опишу впредь совокупно. Качинцы называютъ своихъ идоловъ *тусами*, а волшебствующихъ священнослужителей и священнослужительницъ *Камнеями*. Они употребляютъ небольшіе на литавры похожіе волшебные барабаны; къ платью же привѣшиваютъ для отмѣны жестяныхъ идоловъ, птичьи когти, шубное и суконное лоскутье, и украшаютъ шапки, у которыхъ околыши обыкновенно изъ рысьей кожи, пучкомъ совиныхъ перьевъ.

Шаманка въ красноярскомъ уѣздѣ.
Eine Schamanka im Krasnojarskischen District
Une Chamane ou Devineresse du district de Krasnojarsk.

Шаманка красноярская съ тыла.
Eine Krasnojarskische Schamanka rückwärts.
Une Chamañe ou Devineresse de Krasnojarsk par derrière.

ТЕЛЕУТЫ.

Телеуты называютъ себя отъ части симъ именемъ, а отъ части *Теленгутами*, заимствуя оба сіи названія отъ знатнаго озера Теленгула или *Телеккула* въ Алтайскихъ горахъ, при верхней Оби, около коего они прежде жили. Въ Россійскихъ канцеляріяхъ называются они *вышедшими Бѣлыми Калмыками*, или по тому, что они вышли изъ *Бѣлыхъ горъ* и лицомъ были бѣлѣе кочующихъ въ открытыхъ Южныхъ степяхъ народовъ, или для того что слово *Бѣлой* значитъ у Восточныхъ народовъ вольность, благородство и независимость.

Когда жили они въ помянутыхъ горахъ, то всѣ подвластны были *Соонгарцамъ* и *Калмыкамъ*. Въ 1605 году отдѣлились они отъ Соонгарцовъ; а въ 1609 году присягнули Россіи. Послѣ того бывали они иногда по принужденію, а иногда и своевольно подъ властію *Соонгарцовъ* и *Киргизцовъ*. Въ 1658 по 1665 годъ перекочевали нѣкоторыя колѣны далѣе по *Томѣ* внизъ до *Кузнецка* и сдѣлавшись чрезъ то всегдашними Россійскими подданными, пришли въ безопасность отъ покореній Татарскихъ ордъ. Большая половина ихъ колѣнъ осталась у Соонгарцовъ. Хотя наши Телеуты и баснословятъ, что Богъ неба (Кудай) произвелъ ихъ предковъ изъ нѣкоторой горы и проч; однакожъ сія ихъ басня клонится конечно къ тому только, что предки ихъ жили въ горахъ. *Нынѣ* стоятъ деревни ихъ по берегамъ рѣки *Томи* и ея рѣчекъ, начиная отъ Бѣлыхъ горъ, до самаго Кузнецка и до рубежей Чацкихъ Татаръ. Они раздѣляются на многія малыя колѣна, въ коихъ однакожъ происходятъ браки безъ разбору. Во всѣхъ щитается не много поменьше пяти сотъ душъ мужескаго пола.

Съ *виду* многіе Телеуты совсемъ походятъ на Татаръ, но притомъ нарочито подобны они и Калмыкамъ. Всѣ вообще сухощавы, лицо у многихъ плоское, а волосъ почти у всѣхъ черной. Многія женщины очень пригожи. Въ *дѣлахъ* своихъ и въ *житіи* весьма лѣнивы, неповоротливы, безпристрастны и нечувствительны. Разумъ у нихъ совсемъ не изощренъ и по тому тупъ. Не малаго труда стоитъ, сдѣлать имъ что ни есть вразумительнымъ. Отвѣтствуютъ они на все такъ коротко, какъ только можно. Желанія ихъ относятся только къ скоту, хлѣбу, дѣтямъ и бездѣльному покою: по чему они какъ между собою, такъ и съ сосѣдственными

Рускими людьми живутъ очень мирно и платятъ подушной свой окладъ безъ всякаго ропотанія.

Они по племени своему *Татарской* же народъ: но какъ видъ ихъ по причинѣ обхожденія съ Соонгарцами перемѣнился, такъ равномѣрно и употребительной между ими *Татарской языкъ* отъ многихъ Монгальскихъ словъ превратился въ худое и многимъ Татарамъ неразумительное нарѣчіе, по тому наипаче, что они, не имѣя у себя школъ, не умѣютъ на ономъ писать.

Счисленіе времени ихъ простирается только на нынѣшнее, да на недавно прошедшее время. Бывшія же давно произшествія опредѣляютъ они по человѣческой жизни; какъ на примѣръ: во время нашихъ дѣдовъ было то и то и такъ далѣе. *Солнечной годъ* (Т. Интъ) раздѣляютъ они на *лѣтній* и *зимній* годъ. *Лѣтній* (Іасъ) начинается съ вскрытія льду и первой травы, а *зимній* (Кюсъ) съ того времени, какъ выпадетъ первый снѣгъ. Во всякомъ считается шесть лунныхъ мѣсяцій (Ай); тринадцатое же теряется между неопредѣленными новыми годами. *Мѣсяцы* ихъ заимствуютъ *названія* свои отъ ихъ устроенія и естественныхъ произшествій. Первый мѣсяцъ, который приходитъ въ нашемъ Апрѣлѣ, называется *Курузъ Ай*, т. е. мѣсяцъ ободраной бѣлки, поелику звѣрки сіи въ семъ мѣсяцѣ появляются; вторый, *Таргъ ай*, пахотной мѣсяцъ; третій, *Бисъ ай*, сей называется по пандыкову корню, который тогда вырывается; четвертый, *Одъ ай*, очистительной мѣсяцъ, по тому, что они въ ономъ полютъ хлѣбъ; пятый, *Улугъ ай*, большой лѣтній мѣсяцъ; шестый, *Урякъ ай*, жатвенной мѣсяцъ; седьмый, *Уртенъ ай*, молотильной мѣсяцъ; осьмой, *Куртіакъ ай*, старушій мѣсяцъ; девятой, *Улу ай*, великій мѣсяцъ; десятой, *Кичъ ай*, короткой мѣсяцъ; одинадцатой, *Сетъ ай*, вѣтреной мѣсяцъ; а двенадцатый и послѣдній, *Аши ай*, конецъ зимы. Въ мѣсто недѣль считаютъ они дни по прибыли и убыли мѣсяца, какъ н. п. 5, или 6 числа отъ прибыли мѣсяца, и такъ далѣе. Дни около полнаго мѣсяца называются у нихъ *Толгонъ ай*.

Общественное ихъ *устроеніе* сходно съ тѣмъ, какое и у прочихъ древнихъ Сибирскихъ народовъ, а особливо у Качинцовъ. Они *раздѣляются* на *колѣна* (Аймакъ), изъ коихъ кажется имѣетъ своего особливаго старшину (Башлыкъ). Почти всѣ Аймаки платятъ *подать* или подушной окладъ, которой называютъ по *Ясакомъ*, то обще съ Калмыками *Алманомъ*. Подать сія собирается мягкою рухлядью по числу душъ: но Башлыки разполагаютъ оную такъ,

что съ престарѣлыхъ людей ни чего не взыскиваютъ. Когда они отдаютъ оную въ *Кузнецкѣ*, къ коему они приписаны; то потчуютъ ихъ такъ, какъ Качинцовъ и прочихъ сей страны народовъ, виномъ и проч. Нѣкоторые Аймаки въ мѣсто подушнаго окладу исправляютъ на границѣ Козацкую службу.

Во время преселенія своего въ нынѣшнія мѣста были они *звѣроловы* и *скотоводцы*; но по причинѣ стѣсненія ихъ рубежей и чрезъ подражаніе Россіянамъ взлюбились имъ мало по малу одномѣстныя жилищи и *землепашество*. Поелику всякій Аймакъ долженъ былъ жить въ своемъ мѣстѣ и не терпѣть въ ономъ отъ другихъ безпокойствія; то построили они всегдашнія зимнія деревни, лѣтомъ же такъ, какъ Барабинцы и нѣкоторые другіе народы, кочевали въ шатрахъ. Такимъ порядкомъ живетъ еще и нынѣ большая ихъ половина: нѣкоторые же совсемъ перестали кочевать.

Скотоводство ихъ пришло въ великой упадокъ. У кого есть 10 лошадей, столько же рогатаго скота, и вдвое овецъ, тотъ почитается у нихъ нескуднымъ человѣкомъ. Богатой же имѣетъ до 50 лошадей и рогатой скотины, и проч. Свиней они не держатъ; дворовая же птица въ небольшомъ числѣ у нихъ водится. Скотина у нихъ всю зиму шатается на дворѣ; слабую же не только подкрѣпляютъ сѣномъ, но и берутъ обыкновенно въ жилыя избы. Сперва было *землепашество* ихъ очень знатное: по чему и можно имъ было пашни свои такъ, какъ огороды полоть и отъ негодной травы очищать. Но тому уже лѣтъ около 30 какъ землепашество, есть главное ихъ дѣло. Они производятъ оное точно такъ какъ и Рускіе сельскіе жители; и есть между ими такіе люди, которые изъ году въ годъ ржи (Т. Аршъ), пшеницы (Будай), ячменю (Арба), овса (Зала) и гороху (Борчакъ) всего вообще, больше двухъ а иногда и до трехъ сотъ пудъ, да сверьхъ того небольшое число конопель, льну и огородныхъ растѣній, сѣютъ. *Звѣриной промыселъ* у нихъ въ чести; гористыя ихъ мѣста къ оному привольны; да они и времени при маломъ своемъ скотоводствѣ довольно къ тому имѣютъ. Будучи на семъ промыслѣ употребляютъ они *лыжи* (Т. Шана) точно такъ, какъ и Туралинцы. Живущіе около *Кузнецка* и по близости *Тацкихъ* Татаръ, зарабатываютъ себѣ, какъ и тѣ, въ зимнее время, извозомъ наличныя деньги: ибо они отправляются тогда съ лошадьми своими на большую Сибирскую дорогу и возятъ купеческіе караваны изъ Томска въ Красноярскъ или назадъ въ Тару.

Въ прежнія времена дѣлали они себѣ *хижины* въ ярахъ или разсѣлинахъ горъ, такъ что гора служила оградою съ трехъ сторонъ; крышку и переднюю стѣну дѣлали изъ хворосту, и проч. Нынѣ строятъ они *жилища* свои на чистыхъ мѣстахъ, языческаго закона Телеуты во всемъ сходныя съ Барабинскими, простыя и малыя, съ кладовою, а содержащіе Мугаметанскую вѣру, и превосходящіе идолопоклонную свою братію разумомъ, прилѣжаніемъ, зажиточностію и достатками, подобныя по всемъ Россійскимъ деревенскимъ избамъ, выключая только свойственныя Татарамъ полати и комелекъ. Хотя большая половина *деревень* такихъ, въ коихъ считается только отъ четырехъ до десяти дворовъ: однакожъ почти всѣ они составляютъ, каждая про себя особливой *Аймакъ*. *Лѣтнія* ихъ *юрты* состоятъ изъ жердей, подобны видомъ кегелю, и покрыты рогожами изъ лыкъ *гороховаго дерева*. (*) или изъ камышу.

Домашній ихъ *скарбъ* сходенъ съ *Качинскимъ*. Вмѣсто ковровъ стелютъ они на полатяхъ помянутыя рогожи. Чугунные котлы, такъ же деревянная и берестовая посуда водятся у всѣхъ вообще; котлы же желѣзные кованые рѣдко у кого въ употребленіи. Канаты дѣлаютъ они по большой части изъ весьма крѣпкихъ лыкъ гороховаго дерева, и проч. Поелику они на полатяхъ сидятъ, ѣдятъ и спятъ, то и самымъ зажиточнымъ людямъ не нужны ни стулья, ни столы, ни постели.

Одѣяніе носятъ они Татарское: но бѣдное и при томъ не наблюдаютъ около себя чистоты. *Мужчины* языческаго закона ходятъ въ разпущенныхъ волосахъ, молодые же люди заплетаютъ часть оныхъ на *затылкѣ*. Мугаметане бреютъ голову и носятъ небольшія Татарскія скуфейки (Тел. Кабацъ). Всѣ вообще любятъ жидкія бороды и по тому много выщипываютъ изъ оныхъ волосъ. Содержащіе Христіанскую вѣру Телеуты носятъ платье иногда Татарское, а иногда и Руское мужичье. Рубахи у всѣхъ вообще въ употребленіи.

Телеутскія женщины носятъ платье такъ же Татарское, а именно: рубахи, штаны, кожаные чулки, и иногда и полусапоги, и двойное одѣяніе изъ разныхъ матерій. Дабы видно было нижнее одѣяніе, которое часто бываетъ и шелковое, носятъ многія, а особливо дѣвки, верхнее платье покороче, и закинувши пола на полу оное подпоясываютъ. Къ ушамъ привѣшиваютъ они кольца или цепочки. Волосы заплетаютъ въ двѣ, а иногда и больше, косы, которыя украшаютъ лентами, раковинами, кольцами или брякуш-

(*) Robinia Caragana. L.

Татарская баба въ Кузнецкѣ съ лица.
Ein Tatarisches Weib zu Kusnetzk vorwärts
Feme tatare à Kousnetsk par devant.

Татарская баба въ Кузнецкѣ съ тыла
Ein Tatarisches Weib zu Kousnetzk rückwärts
Feme tatare à Kousnetsk par derrière

ками. По большой части прицепляютъ дѣвки къ затылку украшеніе, шириною въ ладонь, длиною пядени въ двѣ, покрытое корольками и сему подобнымъ. Бабы и дѣвки носятъ покрытые корольками или монетами чепцы, на которые надѣваютъ плоскія съ околышемъ шапки. *Лѣтомъ* ходятъ онѣ въ рубахахъ у которыхъ воротники вышиты узорчато, и которыя въ переди застегиваются пуговками, да сверьхъ того подпоясываются; въ лаптяхъ, а головы или совсемъ не покрываютъ, или надѣваютъ на оную Татарскую фату. Весь ихъ нарядъ, изключая нѣсколько Мугаметанокъ, такъ неопрятенъ, что можно самихъ ихъ почесть коптѣлыми, а рубахи и одѣяніе умышленно всячиною выкрашенными.

Различіе вѣры дѣлаетъ нѣкоторую, но не большую, въ *ѣствахъ* ихъ разность. Всѣ вообще ѣдятъ чистыхъ звѣрей, хлѣбъ, кашу, мушное, курмачь, всякую рыбу, дикіе плоды и коренья. У Магометанъ и язычниковъ конятина; а у язычниковъ же и Христіанъ изъ крови и молока составленныя колбасы, у всѣхъ же вообще ѣства изъ изрубленнаго мяса и курмача, которую называютъ они: *Бишъ Сата*, и клёцки изъ мяса (Тел. Тушмачь), почитаются лакомками. Язычники ѣдятъ медвѣдей, сурковъ, мышей, свиней, хищныхъ птицъ и всякихъ почти животныхъ.

Кромѣ воды, такъ же мясныхъ, и рыбныхъ жижицъ, *пьютъ* они кислое молоко (Айренъ), пиво, молоко и вино. *Вино* (Араркъ) перегоняютъ они изъ кислаго кобылья молока (Кумызъ) или изъ смѣси, состоящей изъ части ржанаго солоду и двухъ частей курмача. Вмѣсто куба служитъ обыкновенно чугунной поваренной котелъ. Они наливаютъ его пивомъ или Кумызомъ и залѣпливаютъ на немъ глиною высокую деревянную крышку. Въ отверстіе сей крышки вставливаютъ деревянную, въ два фута длиною, кривую трубку, которой конецъ ставятъ въ тотъ сосудъ, куда вину стекать. Оно идетъ въ сей сосудъ теплое, и они его наибольше любятъ такъ и пить: по чему и производятъ таковое свое куреніе, при гостяхъ, которыхъ хотятъ угостить. Зажиточнѣйшіе Телеуты въ низъ по тому и многіе Чацкіе Татара курятъ вино весьма замысловато; а именно: мѣшокъ ржи или другаго хлѣба зарываютъ оной въ землю, и поливаютъ часто теплою водою: отъ чего рожь очень скоро превращается въ солодъ, которой они толкутъ въ деревянныхъ ступкахъ и надѣлавъ изъ онаго лепешекъ, оныя немного просушиваютъ. Когда надобно имъ употчивать гостей, то кладутъ въ котелъ нѣсколько лепешекъ, наливаютъ водою, замазываютъ и проч. и до-

вольствуются такимъ образомъ во всякое время теплымъ и крѣпкимъ виномъ.

Большая половина Телеутъ содержитъ *языческой законъ Шаманскаго толку;* многїе же приняли *Мугаметанскую*, а нѣкоторые и *Христїанскую вѣру.* Сїи послѣднїе живутъ отъ части въ особливыхъ деревняхъ, а отъ части и между язычниками, которые ихъ тѣмъ ни мало не укоряютъ. Въ житїи своемъ они такъ же не много отмѣнны. Мугаметанцы всѣхъ благоправнѣе, достаточнѣе, и живутъ чище; да при томъ имѣютъ мечети, священнослужителей, и школы. О суевѣрїи язычниковъ буду говорить послѣ; здѣсь же пусть будетъ сказано только то, что они называютъ всеобщаго *Бога Кудаемъ* и *Кугаемъ*, *Сатану Шайтаномъ*, идоловъ *Тагу*, а *священнослужителей*, кои суть при томъ ихъ врачи и употребляютъ барабанъ, *Камоками* и *Камами.*

Рѣдко кто изъ язычниковъ и Мугаметанъ имѣетъ двухъ, а и того еще рѣже трехъ женъ. За каждую жену даютъ отъ 10 до 30 головъ лошадей или рогатаго скота, и нѣсколько праздничнаго платья. *Невѣста* приноситъ за собою приданаго мало. Послѣ сочетанїя у Христїанъ и Мугаметанъ произходятъ на *свадьбѣ*, которая бываетъ всегда у невѣсты, по общему обыкновенїю пированье, пляска и проч. Язычники держатъ дочерей своихъ послѣ свадьбы по году и по два у себя, въ которое однакожъ время они съ мужьями своими живутъ и получаютъ отъ нихъ въ хозяйствѣ помощь. Но молодые мужья большою частїю еще до отпущенїя женъ своихъ увозятъ. Жена не должна мужниныхъ родственниковъ, кои его старѣе, никогда въ лицо видѣть, да и по имени ихъ не называть. Сколь удобно язычники и Мугаметана женятся, столь легко и разводятся, когда или мужъ женою, или сїя имъ не довольна.

Дѣтямъ даютъ отцы *имена*, какъ случится; по чему многїе называются Рускими именами. Собственныя же ихъ имена вотъ каковы: *Тотушъ*, *Бенелешъ*, *Миткельтекъ*, *Кудай Берди* (Божїй даръ), *Нингибекъ* и иныя. Но елику сїе произходитъ безъ всякихъ обрядовъ, то и роженицамъ не остается ни чего наблюдать.

Въ прежнїя времена *покойниковъ* своихъ они сожигали или клали ихъ на дерева въ лѣсахъ, гдѣ они и истлѣвали. Послѣднее дѣлаютъ они и нынѣ еще надъ умершими дѣтьми, по тому, что они какъ говорятъ, ни въ чемъ еще не грѣшны. Взрослыхъ же покойниковъ хоронятъ, въ худыхъ гробахъ, при чемъ *Камъ*, для прогнанїя злыхъ земныхъ духовъ, о коихъ буду говорить послѣ, странные совершаетъ обряды.

Татарская дѣвушка въ Кузнецкѣ съ лица.
Ein Tatarisch Mädgen zu Kusnetzk vorwarts.
Fille tatare à Kousnetsk par devant.

Татарская Дѣвушка въ Кузнецкѣ со спины.
Ein Tatarisch Mådgen zu Kusnetzk rückwårts.
Fille tatare Kousnetsk par derriere.

КИСТИМСКИЕ И ТУЛИБЕРТСКІЕ ТАТАРА.

Кистимскіе и *Тулибертскіе Татара* составляютъ двѣ особыя, не великія волости, изъ коихъ каждая имѣетъ собственнаго своего *Башлыка*, и живутъ неподалеку отъ Телеутъ на лѣвомъ берегу рѣки *Томы*, а особливо по рѣчкѣ *Калтаралѣ* выше *Кузнецка*. Они совсемъ сходны между собою въ разсужденіи *вида*, *душевныхъ качествъ*, *житія*, *языка*, *нравовъ*, и бывшихъ надъ ними *случаевъ*, и во всемъ сообразны Телеутамъ такъ, что надобно почитать ихъ отщепившимися Телеутскими Аймаками или колѣнами; хотя сами они и ничего о томъ не вѣдаютъ.

Живутъ они въ малыхъ *деревняхъ*, сходныхъ съ Телеутскими, и такъ же, какъ и они, упражняются въ *скотоводствѣ*, *землепашествѣ* и *звѣриномъ промыслѣ*; да и подушной окладъ платятъ мягкою рухлядью. *Кистимцы носятъ платье* точно такое, какъ и Телеуты; *Тулибертскія* же *бабы* отмѣнны косою, такъ какъ и дѣвки ихъ многими косами, которыхъ онѣ носятъ отъ 20 до 30, и которыя, выключая лицо, кругомъ всей головы висятъ.

Всѣ они были *Шаманскіе идолопоклонники*; а *Тулибертцы* и нынѣ еще держатся сего закона, и при томъ наблюдаютъ обряды Телеутъ, но по бѣдности своей скота не приносятъ въ жертву. Большая половина *Кистимцовъ* по старанію Тобольскаго *Архіепископа Филофея* обращены около 1720 года къ Христіанской вѣрѣ. Потомки ихъ не меньше не просвѣщенны и суевѣрны, какъ *Турскіе* и *Чулымскіе Татара*.

АБИНЦЫ.

Абинцкіе Татара называютъ сами себя *Абинцами*: подъ названіемъ же симъ разумѣется коренной народъ: ибо слово *Аба* значитъ на Татарскомъ языкѣ отца. Въ прежнія времена жили они на *Томѣ*, около *Кузнецка*, по чему они мѣсто сіе и нынѣ еще называютъ *аба Тура* т. е. отечествомъ: но какъ Телеуты изъ Бѣлыхъ горъ перешли въ нынѣшнія ихъ мѣста, то слабѣйшіе Абинцы не хотѣли быть вытѣснены далѣ въ Сѣверную сторону, но пошли по Томѣ въ верьхъ въ вышшія горы, въ коихъ они живутъ еще и нынѣ при двухъ *Томскихъ* рѣкахъ, а именно *Кандамѣ* и *Мразѣ*. Они раздѣляются на нѣсколько *Аймаковъ* или колѣнъ; но всѣ вообще платятъ подать только съ небольшимъ за сто луковъ или душъ.

Въ разсужденіи *виду*, *душевныхъ качествъ*, внутренняго своего *устроенія*, *нравовъ*, *языка*, *счисленія времени* и *обрядовъ* сходствуютъ *Абинцы* съ *Телеутами* совершенно, и такъ же, какъ и они держатся *Шаманскаго идолослуженія*; по чему и надобно примѣнять къ нимъ то же самое, что сказано о Телеутахъ.

У *Абинцовъ* есть *зимнія деревни*, а у нѣкоторыхъ и *лѣтнія юрты*. *Деревни* ихъ малы, а хижины самыя бѣдныя, бревенчатыя и изъ хворосту выплетенныя. Они стоятъ до половины въ землѣ; и свѣтъ проходитъ въ нихъ большимъ дымнымъ отверстіемъ въ покрытомъ землею жердчатомъ потолокѣ. Въ нутри есть обыкновенныя полати, и комелекъ или только очагъ. Когда достаточнѣйшіе люди для обильнѣйшей скоту своему пастьбы перебираются лѣтомъ на другія мѣста; то живутъ въ небольшихъ кеглю подобныхъ *юртахъ*, совсемъ подобныхъ Телеутскимъ. *Домашній* ихъ *скарбъ* и ѣствы точно такія, какъ и у языческихъ Телеутовъ, но еще скуднѣе. Кромѣ хищныхъ звѣрей ѣдятъ они и падальщину. Хлѣбъ и Курмачь мелютъ въ жерновахъ, которыя не кругомъ вертятъ, но только изъ стороны въ сторону качаютъ.

Мужчины заплетаютъ волосы, какъ Калмыки, на самой макушкѣ, въ тройную косу. Во всемъ же прочемъ, въ отношеніи къ мужскому и женскому *одѣянію*, сходны съ содержащими языческой законъ Телеутами.

Промыслы ихъ состоятъ въ *скотоводствѣ*, *звѣриной ловлѣ*, плавленіи *желѣза* и *землепашествѣ*. *Землепашество* ихъ не знатное; мало кто въ ономъ упражняется, и пашни таковыхъ земдѣль-

цовъ едва могутъ величиною сравняться съ знатными огородами: и по тому они вмѣсто сохи употребляютъ заступы. *Скотоводство* ихъ во всемъ подобно Телеутскому, но еще меньше онаго, и слѣдовательно недостаточнѣе. *Звѣриная ловля* есть главное ихъ дѣло, по тому наипаче, что всякая дичина полезна имъ въ разсужденіи какъ шкуръ, которыми они и подушной свой окладъ очищаютъ, такъ и мяса.

Не всѣ, однакожъ многіе изъ нихъ упражняются въ *кузнечномъ дѣлѣ*, и по тому издревле славны; да и самой городъ *Кузнецкъ*, построенной между Абинцами отъ Россіянъ по завоеваніи Сибири, по тому такъ и названъ. Абинцы *плавятъ желѣзныя руды*, которыя находятъ они въ поверьхности горъ слоями или и въ болотахъ своихъ подъ дерномъ. *Плавильное* ихъ *заведеніе* едва ли можетъ быть простѣе. Плавильная печь дѣлается въ зимней хижинѣ и состоитъ въ гемисферическомъ на пядень углубленіи глинистаго пола въ избѣ, у котораго находится на одной сторонѣ для дѣйствованія двумя мѣхами небольшое отверстіе. Яма покрывается круглою горбатою вьюшкою изъ глины, у которой въ самомъ верьху есть отверстіе пространствомъ дюйма въ два. Когда плавятъ, то наполняютъ печь такими мѣлкими угольями, какіе только сквозь отверстіе проходить могутъ, и оные поджигаютъ. А какъ они совсемъ разгорятся, то при безпрестанномъ раздуваніи мѣхами бросаютъ попремѣнно сквозь отверстіе въ печь то уголье, то по небольшому количеству истолченной мѣлко руды. Часа въ полтора выходитъ руды около трехъ фунтовъ. Вскрывши печь, очищаютъ они переплавленную руду отъ огарковъ біеніемъ оной деревянными поленьями. Изъ выплавленнаго такимъ образомъ желѣза куютъ они на каменныхъ наковальняхъ желѣзными молотами желѣзцы къ стрѣламъ и заступы; больше же продаютъ невыдѣланнаго желѣза Россійскимъ кузнецамъ.

ВЕРЬХОТОМСКІЕ ТАТАРА.

Сіи Татара составляютъ особое колѣно волости, имѣющей особаго Башлыка, и заключающей въ себѣ токмо около 150 душъ мужеска пола. Съ виду они такъ же, какъ Телеуты и Абинцы, походятъ на Калмыцкихъ и Татарскихъ выродковъ. Они кочуютъ около вершинъ *Томы* въ высокихъ горахъ, и по тому называются *Верьхотомскими Татарами*.

По примѣру *Абинцовъ* имѣютъ они небольшое *скотоводство*, а питаются по большой части отъ *звѣриннаго промыслу*, и дикими растѣніями. Земли же совсемъ не пашутъ, и по тому хлѣба не ѣдятъ. *Подушной окладъ* платятъ въ *Кузнецкѣ* мягкою рухлядью.

Хижины ихъ, которыя они лѣтомъ и зимою переносятъ нѣсколько разъ на другія мѣста, совсемъ подобны *Телеутскимъ* лѣтнимъ юртамъ. *Домашнимъ скарбомъ* они еще скуднѣе *Кагинцовъ*; да и живутъ гаже. *Вѣра* ихъ составляетъ Шаманское идопоклонство.

Въ разсужденіи *языка*, *обрядовъ* и *одѣянія*, сходствуютъ они съ *Абинцами*. *Бабы* и *дѣвки* заплетаютъ волосы въ четыре косы, которыя украшаютъ корольками, бисеромъ или змѣиными головками. Дѣвки разнятся отъ бабъ покрытымъ корольками и проч. пашельникомъ.

БИРЮССЫ.

Бирюсскіе Татара кочевали въ прежнія времена при *Бирюсѣ* вышедшей изъ *Тистевы* рѣкѣ, впадающей съ лѣвой стороны въ *Нижнюю Тунгузку*, и дали сей рѣкѣ или она имъ названіе. Какъ мѣста сіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія Россійскимъ оружіемъ завоеваны; то жили тогда Бирюссы въ горахъ, около вершинъ *Кандамы*. По елику тогда границы не были еще опредѣлены; то они принуждены были платить иногда, кромѣ Россійскаго подушнаго окладу, Соонгарцамъ, Киргизцамъ или Китайцамъ подать; отъ чего пришли они въ бѣдность. *Нынѣ* кочуютъ они возлѣ Качинцовъ, при рѣкѣ *Абаканѣ*. Они мало по малу отъ прежней своей скудости поправляются: однакожъ еще не богаты.

Они раздѣляются на *четыре Аймака* или колѣна, изъ коихъ по третей ревизіи, *въ Кобанскомъ* 53, *Киргинскомъ* 40, въ Каинскомъ 25, а въ *Москискомъ* 50 душъ мужеска пола нынѣ считается. Послѣдній Аймакъ находится въ высокихъ горахъ, и всѣхъ прочихъ скуднѣе. Всѣ сіи Аймаки имѣютъ общаго *Башлыка*, который сверьхъ того исправляетъ должность сію и у Балтырей. Онъ собираетъ съ обоихъ сихъ народныхъ остатковъ, состоящій въ мягкой рухляди *подушный окладъ*, и вноситъ оной подъ конецъ зимы въ *Кузнецкое* казначейство.

Бирюссы съ виду больше сходствуютъ съ настоящими Татарами; да и душевныя ихъ качества больше подобны сущимъ Татарскимъ, нежели нравы ихъ сосѣдей. Они *говорятъ Татарскимъ языкомъ*, но по весьма испорченному нарѣчію; да и писать, не имѣя у себя школъ, не умѣютъ.

Они безпрестанно *кочуютъ*, и живутъ въ *юртахъ*, состоящихъ изъ жердей, подобныхъ Телеутскимъ лѣтнимъ юртамъ, и покрытыхъ такъ же, какъ и тѣ, рогожами. *Одѣяніе* ихъ сходно съ *Качинскимъ*: только они шьютъ оное по большой части изъ кожи или мягкой рухляди.

Въ *житіи*, *промыслахъ*, *Шаманскомъ идолопоклонствѣ*, *обрядахъ*, *пищѣ* и прочемъ совершенно подобны *Абинцамъ*. У нихъ такъ же, какъ и у тѣхъ *звѣриной промыселъ* главное дѣло. Они держатъ по нѣскольку лошадей и рогатаго скота, и нѣкоторые сѣютъ ради крупы по малому количеству яроваго хлѣба на огородныхъ грядахъ, которыя они роютъ, и проч.

ЗАЯНСКІЕ ТАТАРА.

Заянскіе Татара сами себя называютъ *Зейенами*; но по неправильному выговору называютъ и пишутъ ихъ *Заянцами*. Именованіе сіе заимствуютъ они отъ славныхъ *Заянскихъ* или какъ они говорятъ *Зейенскихъ горъ* (Зейенъ Тавъ), которыя отъ *Алтайскихъ горъ* и отъ рѣки *Оби* за Енисей на Востокъ склоняются и составляютъ границу между Сибирью и Монголіею. Въ сихъ горахъ *кочуютъ* они на лѣвой сторонѣ *Енисея*, при рѣкѣ *Абаканѣ*, лѣтомъ около его источниковъ въ высокихъ горахъ, зимою же въ низменнѣйшихъ и ровнѣйшихъ мѣстахъ сей рѣки, неподалеку отъ Качинцовъ и Кузнецкихъ горныхъ Татаръ.

Въ прежнія времена имѣли они собственныхъ своихъ *Тайшъ* или Князьковъ, и раздѣлялись на *двѣ орды*, которыя и тогда были не велики. А какъ горные Татара въ 1616 году посыланною изъ *Кузнецка* силою покорены *Россіи*; то палъ тотъ же жребій и на Восточную Заянскую орду: напротивъ того Западная орда, бывшая тогда въ Алтайскихъ горахъ, удалилась отъ Россійскихъ границъ. Заянцы наши бывали послѣ того нѣсколько кратъ подъ игомъ *Киргизцовъ* и *Соонгарцовъ*; да и нынѣ они по причинѣ претерпѣннаго ими при таковыхъ обстоятельствахъ отъ части истребленія, а отъ части и великаго разсѣянія, платятъ подушной окладъ въ Кузнецкое казначейство только за 130 душъ мужеска пола.

Сколь ни малое ихъ число, однакожъ они раздѣляются на многіе *Аймаки* или роды, которые при всемъ томъ имѣютъ общаго *Башлыка* или старшину, наблюдающаго между ими порядокъ, рѣшащаго неважныя ихъ распри, и собирающаго *подушной окладъ*, а именно по три соболя или по стольку же рублей съ души.

Заянцы такъ же, какъ и *Бирюссы* соблюли Татарской свой *видъ*, *нравъ* и *языкъ*. Они вообще *Бирюссамъ* и *Бельтырамъ* во всемъ такъ подобны, что должно всѣ сіи три народа почитать единоплеменными колѣнами или ихъ остатки. Чрезъ обхожденіе съ *Киргизцами*, подъ игомъ которыхъ чаще они бывали, нежели подъ Соонгарскимъ, не столько они перемѣнились, сколько другіе народы, бывшіе въ порабощеніи у Соонгарцовъ.

Они *кочуютъ* и живутъ въ *войлошныхъ юртахъ*. Въ *житіи* наибольше уподобляются Качинцамъ. Стада ихъ состоятъ изъ лошадей, рогатаго скота, и овецъ. Кто имѣетъ до 100 лошадей,

столько же рогатаго скота и почти въ двое овецъ; тотъ почитается у нихъ весьма богатымъ: но и имѣющіе только шестую или и десятую противъ того долю скота, живутъ не бѣдно. Они рачительные *звѣроловы* и добрые стрѣлки, въ разсужденіи луковъ. Иные ради пріобрѣтенія на домашній свой росходъ крупы и муки, нѣсколько *пашутъ*: однакожъ кажется, что земледѣліе не будетъ никогда главнымъ промысломъ сихъ къ кочевью и праздности привыкшихъ людей. Есть между ими небольшое число и *кузнецовъ*, которые по примѣру Абинцовъ сами желѣзо сплавливаютъ. *Заянки* упражняются въ такихъ же дѣлахъ, въ какихъ и Качинскія женщины.

Ѣствы ихъ, сходныя съ Качинскими, состоятъ еще больше въ дикихъ *кореньяхъ*, которые они, какъ и Тунгузцы, отнимаютъ у *полевыхъ мышей* (З. Кюлюмъ), и по тому норы ихъ въ степяхъ разрываютъ.

Мужское и женское одѣяніе сходно такъ же съ Кичинскимъ. На шитье употребляютъ нитки изъ Татарскаго льну (*) и крапивы (**), которыя ростутъ у нихъ въ великомъ множествѣ сами собою. Изъ таковой же пряжи дѣлаютъ они и тетивы къ лукамъ. *Рогожи*, на которыхъ они сидятъ и спятъ, плетутъ они отъ части изъ ростущей здѣсь повсюду почти желтухи (***).

Въ новѣйшія времена обратилось много Заянцовъ къ *Христіанской вѣрѣ*; въ число сихъ принадлежитъ и самъ Башлыкъ. Они имѣютъ у рѣки Абакана церковь. Прочіе держатся *Шаманскаго язычества*; священнослужители ихъ (Камъ) носятъ такое же платье, какъ и Кичинскіе, и употребляютъ равномѣрно барабанъ. Свадебныхъ обрядовъ, отмѣнныхъ отъ Кичинскихъ, у нихъ нѣтъ. *Покойниковъ* же кладутъ въ гробы и ставятъ на дерева, гдѣ они и истлѣваютъ. Языческіе Заянцы не имѣютъ ни малѣйшаго отъ Христіанской вѣры отвращенія: и по тому добровольно даютъ на содержаніе церкви обращенныхъ.

(*) Lilium parenne L.
(**) Urrica cannabina. L.
(***) Hemorocallis. Lin.

БЕЛТЫРИ.

Белтыри имѣли одинакую съ *Заянцами* участь. Обще съ ними покорены они *Россіи* и вскорѣ послѣ того пришли подъ иго *Киргизцовъ* и такъ далѣе. *Нынѣ* же кочуютъ по близости *Заянцовъ* и *Бирюссовъ* при *Абаканѣ*, и имѣютъ съ сими послѣдними общаго *Башлыка*. *Колѣна* ихъ (Аймаки) платятъ подушной окладъ, какъ и Заянцы, за 150 душъ.

Они чрезвычайно подобны Заянцамъ и Бирюссамъ въ разсужденіи *виду*, *нрава*, испорченнаго *Татарскаго языка*, *кочевой жизни*, *промысловъ*, *юртъ*, *ѣствъ*, *одѣяния*, *обрядовъ* и *Шаманскаго идолослуженія*.

Белтыри *скотомъ* заводнѣе Заянцовъ, и по тому живутъ получше, а особливо лѣтомъ пьютъ вина изъ кислаго кобылья молока (Аррека) столько, что иногда и во всемъ стану не сыщешь трезваго человѣка. Благосостояніе ихъ было преградою и тѣмъ, которые старались обратить ихъ къ Христіанской вѣрѣ. Они ревностные идолослужители и любители многоженства.

Между ими ведутся издревле *кузнецы*, которые плавятъ и куютъ желѣзо по примѣру Абинцовъ. Они и *кожевники* изрядные. И по тому они принуждены были платить *Соонгарцамъ* подать желѣзомъ, юфтью и мягкою рухлядью. *Земледѣліе* ихъ малымъ чемъ познатнѣе *Абинцскаго*; и большая половина роетъ пашни заступами: но нѣкоторые умѣютъ употреблять къ тому и соху.

Покойниковъ своихъ хоронятъ они въ особливыхъ только случаяхъ; обыкновенно же кладутъ ихъ, увязавъ промежъ досокъ, на дерева. Всякаго покойника надѣляютъ сѣдломъ, которое кладутъ ему промежъ ногъ, топоромъ, ножомъ, заступомъ, ѣствами, виномъ, и сверьхъ того мужчинъ лукомъ, изломанными стрѣлами, любившихъ музыку трехструнною лютнею (Кобысъ) или кимваломъ (Етаганъ). Въ седьмый день правятъ *поминки*, во время которыхъ у умершаго тѣла убиваютъ самую лучшую покойникову лошадь, ѣдятъ мясо, кожу же, и голову съ уздою. Вѣшаютъ на одно, а Кумызной мѣшокъ на другое дерево.

ЯКУТЫ.

Якуты сами себя называютъ *Зохами.* Наименованïе же *Якутовъ* кажется получили они только отъ *Россïянъ* чрезъ смѣшенïе съ *Юкагирами*, по близости коихъ они живутъ и отъ части владѣютъ прежними ихъ мѣстами. Нынѣ отличаются Якуты или Зохи отъ настоящихъ Юкагиръ, составляющихъ совсемъ особой и Якутамъ отнюдь не единоплеменной народъ.

Древнïя мѣста Якутовъ простирались отъ *Заянскихъ горъ* за самую *нижнюю Ангару* и около верьхней *Лены.* Претерпѣвая отъ *Бурятъ* и *Монгалъ* гоненïя и угнѣтенïя перешли они, въ низъ по *Ленѣ*, въ нынѣшнïя свои суровыя Сѣверныя мѣста, въ коихъ они жили уже тогда, какъ въ 1620 году впервые стали извѣстны Мангазейскимъ Казакамъ, и какъ сими, такъ и Енисейскими Казаками въ 1620 году покорены Россïи. При семъ случаѣ многïе удалились отъ страху еще далѣе на Сѣверъ въ *Тунгузскïя* мѣста, да и къ самымъ берегамъ *Ледовитаго моря.* Пороки и жестокость новыхъ ихъ начальниковъ возбуждали ихъ къ тщетнымъ покушенïямъ сотрясти съ себя Россïйскую власть. Съ того же времени, какъ заведенъ между ими порядокъ, живутъ они какъ спокойные и покорливые Россïйскïе подданные.

Пустыни ихъ заключаются большою частïю въ *Якутской провинцïи Иркуцкаго намѣстничества*; но жилища ихъ простираются и за оную, а особливо на Сѣверъ, отъ части въ сосѣдствѣ и между Тунгузцами, Юретами и проч. которыхъ попадается нѣсколько и въ Якутскихъ мѣстахъ. Якуты живутъ по обѣимъ сторонамъ Лены на Югъ отъ *Витима* до самаго устья *Лены*, впадающей въ Ледовитое море, и отъ Западной *Анабары* на Востокъ до *Пенжинскаго морскаго залива*, а въ Сѣверную сторону до самой *Колымы*, и занимаютъ пространства отъ 52 за 70 град. Сѣверной широты и отъ 125 до 175 град. долготы; слѣдовательно въ поперешникѣ будетъ около 2000 верстъ. Сïя сѣверовосточная *страна*, по положенïю своему, холодна и безплодна, да сверьхъ того больше болотна, отъ части гориста, въ южныхъ мѣстахъ лѣсиста, а въ сѣверныхъ совсемъ безлѣсна, слѣдовательно суровая и къ размноженïю въ ней народа неспособная пустыня. При всемъ томъ заведены съ

изряднымъ успѣхомъ, отъ *Витима* до *Вилуя*, а отъ части и далѣе еще на Сѣверъ *Россійскія селенія.*

Якуты прилѣжно наблюдаютъ между собою союзъ по *колѣнамъ* и *волостямъ*, и имѣютъ благородныя семейства. Правительство раздѣляетъ волости по *округамъ* всякаго для подушнаго сбору опредѣленнаго мѣста, не взирая при томъ на неразбивчивость колѣнъ. Оныя, *для подушнаго сбору опредѣленныя мѣста* суть города или полисадами укрѣпленныя жилища, которыя, когда побольше, *Острогами*, а буде поменьше, и состоятъ изъ однихъ только особыхъ хижинъ, *зимовьями* называются. Укрѣпленія сіи сдѣланы были сперьва для укрощенія и собиранія подати съ сего народа: но по долговременномъ испытаніи его покоривости содержатся они для послѣдняго только намѣренія: и по тому многіе остроги не только совсемъ обвалились, но и пусты стоятъ въ такое время, когда нѣтъ подушнаго сбору, по тому, что пріемщики отъ части посылаются только изъ знатнѣйшихъ мѣстъ, или и сами за дѣлами своими или для звѣринаго промыслу бываютъ въ разбродѣ. Такія подушнымъ окладомъ обложенныя пространства называются *улусами*, а принадлежащія къ нимъ поколѣнія *волостями*. Нѣкоторыя большія волости раздѣляются и сами на многія другія того же имени, изъ коихъ каждая имѣетъ собственнаго, ею единственно выбраннаго, *старшину*. *Внутренее устроеніе Якутскихъ волостей* такъ, какъ и отношеніе ихъ къ государству совершенно такое же, какъ и прочихъ Сибирскихъ народовъ. *Подушной окладъ* платятъ они мягкою рухлядью по числу душъ мужеска пола, которому съ 1750 года не было переписи.

Въ *Кунгалайскомъ улусѣ* десять волостей, которыя всѣ вообще называются *Кангалайскими*, три *Хоринскими*, три *Черукпейскими*, двѣ *Нажарскими*, двѣ *Шерковскими*, одна *Шаликонскою*, двѣ *Хазикатскими*, и пять *Мажегарскими*. Всѣ вообще платятъ подушной окладъ за 5368 душъ. *Бугуруской улусъ* состоитъ изъ 25 волостей, а въ сихъ щитается 6380 душъ. Въ *Намскомъ улусѣ* 13 волостей, изъ коихъ 6 называются Намскими. Во всѣхъ 3090 душъ. *Барогонской улусъ* имѣетъ 7 волостей сего имени и еще 11 инако называемыхъ. Во всѣхъ числится 2948 душъ. Въ *Магинскомъ улусѣ* 15 волостей, между коими одна называется *Алтайскою* уповательно по прежнимъ ихъ мѣстамъ. Во всѣхъ 3356 душъ. Всѣ пять

улусовъ платятъ подушной окладъ въ городѣ *Якуцкѣ*, въ округахъ котораго они живутъ.

Олекминская округа, заключающая въ себѣ не только оба берега рѣки Олекмы въ Восточной сторонѣ *Лены*, но и западной берегъ самой Лены содержитъ *пять волостей*, которыя за 1823 души платятъ ясак въ *Олекминской острогъ*, лежащей на лѣвомъ берегу Лены; въ 13 верстахъ выше устья рѣки Олекмы, и въ 550 верстахъ выше Якуцка къ Югозападу.

Вилуй, вышедшая въ Западной сторонѣ изъ Лены рѣка, населена преимущественно великимъ числомъ *Якутъ*, которые отдаютъ подушной окладъ въ три Зимовья. *Верховилуйское зимовье*, отстоящее въ Западоюгозападную сторону отъ Якуцка на 500 верстъ, содержитъ въ себѣ 22 волости, въ коихъ щитается 5911 душъ; къ *Средневилуйскому зимовью*, отстоящему отъ Якуцка на 420 верстъ, принадлежитъ 15 волостей, въ коихъ 1270 душъ; къ *Устьвилуйскому* же *зимовью*, стоящему въ 12 верстахъ выше Вилуйскаго устья, а отъ Якуцка въ Сѣверозападную сторону въ 338 верстахъ, причисляется 24 *волости*, въ которыхъ 1417 душъ.

Якуты, живущїе по рѣкѣ *Янѣ*, впадающей въ Ледовитое море въ Восточной сторонѣ Лены, имѣютъ 18 *волостей*, въ коихъ 1662 души, и отдаютъ ясакъ въ *Верхолнское* зимовье, построенное при верьхней *Янѣ* въ 400 верстахъ отъ Якуцка въ Сѣверную сторону.

По *Индигиркѣ*, текущей въ Восточной сторонѣ отъ Яны, и вышедшей изъ Ледовитаго моря рѣкѣ, кочуетъ 12 *волостей*, изъ коихъ въ самой большой только 95, а въ самой малой только 17, вообще же 493 души въ нихъ щитается. Они приписаны къ *Зашиверскому острогу*, лежащему въ верьху при *Индигиркѣ*, отъ *Якуцка* въ Сѣверовосточную сторону на 904 версты. Думать надобно, что къ сему же острогу принадлежатъ и *Балгатайской улусъ*, коего шесть волостей, содержащїя въ себѣ вообще 761 душу, кочуютъ по рѣкамъ между *Индигиркою* и *Колымою*. Я по крайней мѣрѣ не находилъ въ Сѣверовосточной сторонѣ другаго, для собиранїя съ Якутъ Ясака, мѣста.

По спокойному, прародительскому состоянїю подобному, устроенїю и житїю, такъ же по обширности мѣстъ, въ коихъ Якуты могутъ еще довольно распространяться и по другимъ выгодамъ, можно думать, что народъ сей со времени преждебывшаго изчисленїя

размножился: но хотя бы сїе приращенїе почесть и самымъ малымъ, то криводушїе при переписи бываетъ столь великое, что надобно почитать Якутской народъ съ женами и дѣтьми по крайней мѣрѣ въ трое многолюднѣйшимъ противу ясашныхъ душъ, и слѣдовательно многочисленнымъ и знатнымъ.

Якуты по большой части *росту средняго*; весьма же малорослы и велики рѣдко бываютъ. *Лицо* у нихъ, а особливо носъ сухощавой, нѣсколько сплюснутой, глаза малые, волосъ на головѣ и на бородѣ по большей части черной и жидкой. *Разума* они не дальнаго, въ дѣлахъ своихъ больше неповоротливы, нежели глупы, и не столько лѣнивы, какъ медлительны. Между собою живутъ по братски; и скуднымъ безъ прозьбы и не ожидая благодарности пособляютъ. Они боятся и почитаютъ божковъ, верьховную власть, священнослужителей и престарѣлыхъ людей; къ воровству не падки, но къ грабежамъ или къ одному только мщенїю склонны. *Женщины* ихъ рабочи и бодрѣе мужчинъ. Да иную можно бы почесть и пригожею, если бы кожа отъ дыму и неопрятности не столько была смугла.

Видъ и *нравъ* Якутъ составленъ изъ *Татарскаго* и *Монгальскаго* такъ, что нѣкоторые почитаютъ ихъ Монгальскимъ, а другїе Татарскимъ, колѣномъ. Славные наши историки, г. дѣйствительной Статскїй Совѣтникъ Миллеръ (*) и покойный г. Профессоръ Фишеръ (**), которые долго сами между народомъ симъ жили, почитаютъ его по языку и другимъ превосходнымъ примѣтамъ *Татарскимъ народомъ*. Они не имѣютъ школъ, да и грамоти совсемъ не знаютъ. При всемъ томъ примѣтить можно, что корень языка ихъ Татарской, и примѣшаны къ оному многїя слова Монгальскїя и Тунгузскїя.

Якуты *кочуютъ*, однакожъ зимою рѣдко на другїя мѣста перебираются. *Зимнїя* свои *юрты* составляютъ они изъ бревенъ, а щели законопачиваютъ мохомъ. Свѣтъ проходитъ въ нихъ дѣлаемымъ въ потолокѣ отверстїемъ, въ которое и дымъ выходитъ. Въ самой серединѣ юрты горитъ огонь, а около онаго подѣланы низменныя Татарскїя полати. Осенью перебираются они по большой части въ прошлогоднїя юрты; если же мѣсто не покажется, то выбравъ лучшее, строятъ новыя. *Лѣтнїя юрты* состоятъ изъ жердей и по-

---

(*) Въ собранїи Россїйской исторїи.
(**) Въ Сибирской исторїи.

добны кегелю; покрываются же берестою точно такъ, какъ и Тунгузскія.

Домашняя ихъ *рухлядь*, такъ, какъ и другихъ кочевыхъ народовъ, нарочнито скудна и дѣлается изъ бересты, кожи, дерева и проч. Молошные мѣшки дѣлають они, какъ и Башкирцы, изъ прокоптѣлыхъ кожъ. *Котлы* про себя кують они изъ желѣза по большой части сами, и возвышають края накладываемымъ ободомъ изъ бересты. Въ число домашнихъ ихъ надобностей надобно щитать зимою и *ступки изъ замерзшаго коровьяго калу*, въ коихъ толкуть они рыбу, коренья, и прочее. У нихъ есть не великія узенькія сани, и небольшія корыта или челны изъ бересты, подобныя Тунгузскимъ. *Оружіе* ихъ лукъ да стрѣлы, которыя они, не выключая и принадлежащихъ къ онымъ желѣзецъ, дѣлають сами. Колчанами служать узкіе красиво вышитые мѣшки изъ мягкой рухляди.

Промыслы ихъ состоять вообще въ *скотоводствѣ*, *звѣриной* и *рыбной ловлѣ*; и смотря по разности ихъ пустынь имѣеть въ нѣкоторыхъ улусахъ тотъ, а въ иныхъ другой промыселъ преимущество. Южные улусы держать лошадей, и рогатой скотъ, находящіеся же при Янѣ и Индигиркѣ однихъ оленей. Овцы въ лѣсистыхъ, холодныхъ и болотныхъ ихъ пустыняхъ не могуть водиться; да и отъ хищныхъ звѣрей не льзя бы было ихъ уберечь. Лошади и рогатой скотъ должны во всю долгую и жестокую зиму сами себѣ промышлять кормъ; хозяева же ни мало ихъ не подкрѣпляють. И по тому Якуты почитають большіе снѣги за наивеличайшую бѣду. Хотя они и рѣдко здоровую скотину убивають, однакожъ отъ великаго снѣгу, стужи и хищныхъ звѣрей убываетъ у нихъ ежегодно оной столько, что они никогда не имѣють знатныхъ стадъ, и слѣдовательно, по елику въ томъ состоитъ все ихъ имѣніе, не бывають богаты. Въ Янскомъ и Индигирскомъ улусахъ не всѣ, да и рѣдко кто имѣеть много оленей: по чему и тамъ Якуты бѣдны.

Звѣриной промыселъ есть зимнее упражненіе всѣхъ вообще: но они столь безпечны и лѣнивы, что ради онаго отнюдь далеко отъ мѣстъ своихъ не отлучаются: по чему дичь и остается всегда въ хорошемъ состояніи. Всѣ вообще производять рыбную ловлю, но только лѣтомъ. Въ Сѣверныхъ улусахъ *рыбная ловля* составляеть главную отрасль пропитанія, а особливо тѣхъ, которые не заводны скотомъ.

Земледѣлство совсѣмъ имъ незнакомое дѣло; да оно и не соотвѣтствовало ни землѣ ихъ и климату, ни лѣности. Но они умѣютъ *плавить желѣзо* и изрядно куютъ изъ онаго разныя надобности; а особливо искусны въ томъ Вилуйскіе кузнецы. Въ плавильномъ ихъ снарядѣ составляютъ всю разность, въ отношеніи къ Абинцскому плавленью, одни только раздувальные мѣхи: ибо употребительные у Якутовъ состоятъ въ двухъ соединенныхъ кожаныхъ мѣшкахъ, и расположенныхъ такъ, что чрезъ попеременное сжиманіе то тотъ то другой вбираетъ въ себя воздухъ. Живущихъ по близости Россійскихъ селеній бѣдныхъ Якутъ содержатъ Русскіе мужики, да и подушной окладъ за нихъ даютъ: за что Якутскія семейства исправляютъ у нихъ всякія хозяйственныя работы.

По языческому закону могутъ они все употреблять въ пищу; и для того они по состоянію своихъ мѣстъ, такъ же по житію и обыкновеніямъ питаются тѣмъ же, что и предки ихъ ѣли. Последуя имъ гнушаются они свиньями, лягушками и гадиною. Въ прочемъ же ѣдятъ не только всякихъ чистыхъ звѣрей, и проч. но и лошадей, хищныхъ звѣрей, сусликовъ, бѣлокъ, ласточекъ, цапель, водяныхъ и хищныхъ птицъ, всякую рыбу, и кромѣ вышепомянутыхъ трехъ родовъ животныхъ, почти все живущее. Изъ царства растѣній употребляютъ въ пищу тѣ же растѣнія, коренья и плоды, какія показаны выше сего, когда говорили мы о Барабинцахъ и Чулымцахъ; да сверьхъ того разнаго рода прасъ, коренье сусаковое (*) и многіе другіе, которые они отъ части сами вырываютъ, а отъ части достаютъ изъ мышьихъ норъ.

Лѣтомъ питаются они по большой части кислымъ молокомъ и дикими растѣніями; зимою же служитъ имъ вседневною пищею вяленая рыба. Сѣверные улусы, по примѣру нѣкоторыхъ Тунгузцовъ, ѣдятъ по большой части и во весь годъ одну только рыбу. Муку и крупу покупаютъ только нѣкоторые богатые люди около Якуцка и Олекминска. *Ѣствы* ихъ такъ, какъ и пріуготовленіе оныхъ по большой части равномѣрно мерзки. Они жрутъ всякую отъ голоду, болѣзни или отъ инаго чего околѣлую скотину; сушеную рыбу толкутъ въ ступкахъ изъ коровьяго калу; не моютъ и очищаютъ ни сосудовъ, ни самихъ себя; кислое молоко или ку-

---

(*) Butomus umbellatus. L.

Якутъ въ охочьемъ платьѣ спереди.
Ein Jakut im Jagd Kleid vorwärts.
Un Jacout en habit de chasse par devant.

Якутъ въ охочьемъ платьѣ сзади.
Ein Jakut im Jagd Kleid von hinten.
Un Jakout en habit de chaſse par derriére.

мызъ воняетъ отъ мѣшковъ, и такъ далѣе. Въ лѣтнюю пору видно много Якутъ пьяныхъ отъ излишняго употребленія *Кумызу*, и общаго *табашнаго куренія*. Когда захотятъ подгулять, то стараются запастись Рускимъ виномъ: но какъ они рѣдко имѣютъ къ тому случай, то употребляютъ по примѣру Остяковъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, *Мухоморы*.

Сколько Якуты въ житіи и содержаніи своемъ неопрятны, столько напротивъ того замысловато и пригожо дѣлаютъ свое *одѣяніе*. Рубахъ или инаго какого бѣлья у нихъ нѣтъ, а носятъ платье на голомъ тѣлѣ. *Лѣтнее платье* дѣлаютъ изъ *замши*, а *зимнее* изъ мяткой *рухляди*, а особливо изъ оленьихъ кожъ. *Мужчины* волосы коротко подрѣзываютъ, и бороды носятъ жидкія. Лѣтомъ ни чемъ головы не покрываютъ. Штаны у нихъ очень короткіе. Кожаные ихъ чулки служатъ и за сапоги; они дѣлаются съ подошвами по ногѣ и по лядвеѣ, и по большой части узорчато вышиты. А дабы лежали гладко и совсемъ покрывали колена и лядвеи, то къ штанамъ привязываются. Вся одежда состоитъ въ верьхнемъ платьѣ, которое шьется по костямъ, съ узкими рукавами; въ переди стягивается оно снурками; а полы по колена. Воротникъ и края у замшанаго лѣтняго одѣянія вышиваются пальца на два и на три шириною красивыми узорами или вычурами посредствомъ звѣриныхъ жилъ, и окладываются бѣлымъ или инымъ какимъ конскимъ волосомъ, въ ладонь шириною, вмѣсто бахрамы. Такимъ же образомъ окладываютъ они и около воротника и плечь. Промежъ шитьемъ вмѣщаютъ иные нѣсколько корольковъ, или дѣлаютъ вмѣсто того полоски синею или красною краскою. *Зимнее одѣяніе*, не совершенно сходно съ лѣтнимъ, и дѣлается изъ мѣлкой рухляди; они оборачиваютъ его волосомъ къ верьху. Оно такъ же вышивается красиво и окладывается вмѣсто бахрамы конскимъ волосомъ. Зимою покрываютъ голову теплою шапкою, которая дѣлается обыкновенно изъ содранной съ головы какого ни есть звѣря кожи. По елику они не подпоясываются, то огниво, табашной приборъ, ножъ и проч. привѣшиваютъ къ поясу у штановъ.

Женщины носятъ весьма сходное съ мужскимъ *одѣяніе*; а именно: такія же, только подолѣе, штаны, чулки, и верьхнее платье изъ замши. Весь зимній и лѣтній ихъ нарядъ нѣсколько пополнѣе и не сравненно больше разпещренъ, нежели мужской. Когда наряжаются, то надѣваютъ душегрейку безъ рукавовъ, которая почти

на пядень короче кафтана, сверьхъ онаго. Душегрейка сія дѣлается изъ замши, либо тонкаго краснаго или инаго какого сукна, окладывается какъ и мужское платье, по краямъ бѣлымъ или крашенымъ конскимъ волосомъ, или опушается хорошею мягкою рухлядью, по краямъ же такъ какъ и по всѣмъ швамъ разпещряется красивыми вычурами, корольками, такъ же красными и синими полосами. *Бабы* различаются чепцами изъ содранныхъ съ звѣриныхъ головъ кожъ, у которыхъ уши оставляются и какъ торчащїе рога обвертываются. *Дѣвки* заплетаютъ волосы, и носятъ широкїе начельники кожаные, совсемъ покрытые узорами и корольками. Отъ сихъ начельниковъ висятъ по сторонамъ небольшїя корольковыя нитки съ брякушками, а отъ темяни простирается на спину украшенїе длиною пядени въ двѣ, а шириною въ ладонь покрытое узорами и корольками. Все вообще одѣянїе Якутское такъ какъ и подобное ему Тунгузское, пригожѣе, легче и пристойнѣе всѣхъ прочихъ одеждъ живущихъ въ сихъ странахъ народовъ. Да и дѣвки ходятъ у нихъ чище и нарянѣе, по тому, что они носятъ платье собственнаго своего рукодѣлїя, а не покупное, какъ у нѣкоторыхъ другихъ народовъ.

Въ *обхожденїи* между собою поступаютъ правда Якуты просто, однакожъ честно и дружески. Они ѣдятъ тогда, когда захочется, и кто тутъ случится, тотъ и самъ за ѣжу принимается. Ѣствы стоятъ на землѣ, а они сидятъ около оныхъ на пяткахъ. *Договоры* свои заключаютъ словесно и исполняютъ. Въ случаѣ же дѣлаемыхъ ими въ присудственныхъ мѣстахъ договоровъ, закрѣпляютъ письменное дѣло вмѣсто подписанїя своего имени, заручительнымъ знакомъ, которой всякъ съ молоду употребляетъ, не перемѣняя онаго ни подъ какимъ видомъ; и которой состоитъ въ произвольномъ изображенїи. *Чистоту* въ разсужденїи тѣла и своихъ вещей очень мало наблюдаютъ; когда же дѣти или иныя какїя обстоятельства принудятъ ихъ приняться за мытье, то употребляютъ вмѣсто мыла *лиственичную губку*, которою и Россїйскїе сельскїе жители, послѣдуя Якутамъ, моютъ. При *перемѣнѣ жилищъ* не трогаютъ они съ мѣста своихъ юртъ, но снимаютъ только съ нихъ крышки, и берутъ оныя съ собою. Вещи свои перевозятъ они на небольшихъ узкихъ саняхъ, въ которыя впрягаютъ рогатой скотъ, на коемъ они, какъ и Калмыки, ѣздятъ и верьхомъ. Когда друзья между собою разлучаются, то остающейся

Якутская баба спереди.
Eine Jackutin vorwärts.
Femme Jakoute par devant.

Якутская баба сзади.
Eine Iackutin rückwärts.
Feme Iakoute par derriere:

Якутская дѣвка съ лица.
Ein Jakutisches Mädgen vorwärts.
Fille Jakoute par devant.

Якутская дѣвка со спиною.
Ein Jakutisches Mädgen rückwärts.
Fille Jakoute par derrière.

обсѣкаетъ у какого ни есть дерева вѣтви въ знакъ памяти; и ссылается въ разговорахъ на сіи доказательства своей дружбы. Они содержатъ *много женъ* и выкупаютъ ихъ, по примѣру вышеописанныхъ народовъ, скотомъ, платьемъ и проч. *Дѣтямъ* даютъ *имена* безъ обрядовъ тѣ, которые прежде всѣхъ пріидутъ къ роженицамъ въ юрты. *Самое* же *мерзкое* у нихъ *обыкновеніе* то, что отецъ варитъ младенцово мѣсто и какъ будто бы какую лакомку ѣстъ съ первыми своими пріятелями, радуясь чрезвычайно приумноженію своего семейства.

Якуты содержатъ *языческой законъ Шаманскаго толку:* но я о семъ идолослуженіи буду говорить послѣ. *Священнослужители* ихъ, которые употребляютъ барабанъ и носятъ странное одѣяніе, приносятъ жертвы, колдуютъ, предсказываютъ и проч. называются *Аюнами.* У таковыхъ въ невѣденіи утопающихъ и суровыхъ людей не льзя не быть и *суевѣрію.* Они почитаютъ всякихъ человѣческихъ уродовъ, такъ, какъ и скотскихъ, сущими діяволами и стараются избавиться отъ нихъ великою боязливостію. Нѣкоторые частные Якуты обратились уже къ Христіянской вѣрѣ, и изъ сихъ 127 Ясашныхъ душъ живутъ при рѣкѣ Енисеѣ около *Мангазея.*

Они по большой части всегда бываютъ здоровы. Самыя же опасныя ихъ болѣзни, горячка съ пятнами и оспа: ибо какъ отъ той, такъ и отъ другой рѣдко кто выздоравливаетъ, по тому наипаче, что они не пользуются при томъ ни чемъ инымъ, какъ только суевѣрными средствами, и боясь смерти такое имѣютъ отъ больныхъ отвращеніе, что не хотятъ за ними и ходить. *Лежащимъ* въ *оспѣ* ставятъ только нѣсколько и по большой части мало въ юрты съѣстнаго запасу, а по томъ удаляются сами въ лѣса. Дабы на звѣриномъ промыслѣ не *отморозить* у себя членовъ, то мажутся зимою часто нѣкоторою мазью, составляемою изъ глины и свѣжаго коровья калу. Польза отъ оной столь очевидна, что употребляютъ уже оную и всѣ Рускіе люди около Якуцка.

Въ прежнія времена *покойниковъ* своихъ они *сожигали* или и на дерева клали, гдѣ они истлѣвали. По преданіямъ ихъ служители, любившіе своихъ господъ, бросались по кончинѣ ихъ добровольно въ огонь, дабы служить у нихъ и на томъ свѣтѣ. Кажется, что

древнія могилы при Енисеѣ служатъ доказательствомъ на сей *Ламанской* и *Браминской* языческой обрядъ, который былъ и у древнихъ Шведовъ и Датчанъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Данилъ въ Шведской исторіи; ибо въ оныхъ находятъ часто и двойныя кости, или и пепелъ, конечно отъ тѣла любимцова. Нынѣ же *хоронятъ* они своихъ *умершихъ* въ лѣсахъ, по тому, что они наибольше желаютъ сгнить подъ деревомъ: по чему многіе сами себѣ выбираютъ дерева и велятъ себя у оныхъ похоронить.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

